

Зинаида Долгова

Калейдоскоп памяти.

(Из моего одесского детства. И не только)

Редактор: Марина Равинская
© Художественное оформление: Ольга Прейгер

Израиль 2013

Я росла, влюбилась, вышла замуж, родила трёх из четырёх своих детей в городе, в котором с календарной точностью 24 марта, в мой день рождения, прилетали скворцы, 19 мая зацветала акация, а потом зажигались свечи на каштанах. В городе, в котором, мне казалось, для меня всё открыто, как тела платанов на Пушкинской. В городе, в котором я нашла друзей, и ни один из них не предал меня. И даже друг, которого подарила мне Судьба взамен слишком рано ушедших, оказался, Одесситом, хотя мы были уже далеко от «самого синего в мире».

В какой-то момент, взяв в руки свою любимую игрушку - калейдоскоп («Бабушка! Разве ты ещё играешься?»), я увидела в его окошке маленькую, кудрявую девочку

Мне захотелось рассказать о ней своим детям и внукам. Но калейдоскоп начал вращаться то в одну, то в другую сторону, и мне ничего не оставалось, как успевать записывать те картины, которые появлялись в его окошке.

Моей сестре

Стоит ли начинать сначала?..

Сидела перед экраном и медленно нажимала на клавиши...

Как рассказать жизнь?

Папка «О себе» оказалась пустой. Хуже, что и в памяти не сохранился тот казавшийся мне интересным «ход». Так стоит ли начинать сначала? То, что было в моей жизни действительно ценное и важное, всё равно словами не передашь. Да и внуки точно по-русски не прочитают. Или вдруг захочется им узнать язык, на котором разговаривают Мама и Папа? Вот потянулась же к русскому старшая дочь моего сына, красавица - внучка, сабра. А её ровесник, сын дочери, не только свободно говорит по-русски, но и проявляет интерес к семейной истории своей бабушки.

Но как рассказать жизнь? Что отобразить, а что похоронить в глубинах памяти? Прав поэт: «А душу можно ль рассказать...» Решила, что нельзя. И переключилась на электронную почту.

Пришло письмо из Франции от моего счастливо обретённого друга. И на «скрепке» - «Одесский вальс». Впервые за все годы, что я живу в Израиле, я слушала этот незамысловатый текст с подступившим к горлу комком. Кружились слова, подчиняясь несложной мелодии. И вдруг закружился перед глазами не существующий уже напротив 12-го почтового отделения скверик «величиной с почтовую марку»,

как удачно описал его мой французско-одесский друг Михаил Обуховский. И зазвенел идущий мимо трамвай. Поплыли над стадионом «Спартак» облака, похожие то на верблюдов, то на невиданных зверей или на удивительный замок (необыкновенный замок высоко в небе - мой частый сон - не оттуда ли?). Зашуришали на Французском бульваре листья... Может, потому что два года назад въявь ходила с Сестрой по улицам и переулкам, связанным с нами и нашими родителями. Каждая из нас возвращалась в своё детство. Но это был не первый мой приезд в город, хранивший мои детские и юношеские тайны.

1. *Қадима - угол Канатной.*

Впервые приехав в Одессу через пятнадцать лет после того дня, когда на перроне остались заплаканные родные лица, а мы отправились в неизвестное, я в тот же день прошла свою улицу Канатную - Свердловва, начиная не со своего дома, а с первых номеров. Шла от моря: улыбнулась, вспомнив аббревиатуру ШМО (школа морских оборванцев), хотя курсанты вовсе не походили на оборванцев, а матросские воротники были в моде не только в детской одежде, но и в кокетливых платьях для девочек-подростков. Напротив училища была 75-я школа. Не знаю, действительно ли в эту школу собирали всех, мягко говоря, неспособных к учёбе, но все одесситы в определённом возрасте, задавали сглупившему собеседнику вопрос: «Ты что, из 75-ой?» Вспомнила о Корейко, который мечтал найти на улице бумажник. «Он даже точно знал, где это произойдёт. На улице Полтавской Победы». Это одно из промежуточных названий моей улицы в 19 веке... (А кто из нас хоть раз в жизни не мечтал найти кошелёк?) Дошла почти до конца своей улицы, до своего дома под номером 75, вошла в подъезд.

Вход на лестницу, по которой я взлетала на наш четвёртый этаж, был закрыт. Я не была обладателем кода, который мог на несколько минут впустить меня в детство и юность.

В крошечной комнате, в крытом переходе на задний двор жила прачка тётя Наташа. В эту вечно пахнувшую кипящим в выварке бельём

каморку приходили девушки, чтобы узнать, что ждёт их в будущем. И для меня тётя Наташа тоже раскидывала карты. Задний двор почти не изменился, только ещё больше обветшали строения.

Я вышла и медленно дошла до угла. Принарядившаяся в новые вывески почта находилась на своём пьедестале из нескольких ступенек. Я повернула на Чижикова и пошла по направлению к вокзалу. Вот тут инвалид продавал немецкие открытки. Каким чудом искусства они казались нам! Только десятилетия спустя я поняла, в чём был секрет их притягательности. Сказочные наряды женщин, украшения, розы, а особенно волнующий нас, девчонок, взгляд красавцев с гладко зачёсанными волосами, не говоря уже о целующихся парах, вводили нас в иной, тайный и волшебный мир. В стране, в которой человеческая природа находилась под строгим надзором, эти открытки были первыми несовершенными учебниками эротики. Налюбовавшись, мы шли к следующему инвалиду.

В клетке сидел попугай, который из вертящегося маленького колеса лапкой вытаскивал свёрнутую бумажку. Хихикая от волнения, разворачивали мы её, чтобы узнать... Судьбу. Нас не смущало, что СУДЬБА была написана на листочке в клеточку то ли химическим карандашом, то ли фиолетовыми чернилами.

Сколько же мне было тогда? Восемь лет! И за Судьбу одной из нас, которая выбиралась считалкой «Энэки - бэнэки ели вареники» (кто-то знает, кто такие эти «бэнэки»?), мы платили в складчину. Моей младшей внучке сейчас ровно столько же. И я вижу, как она притворно-равнодушно

смотрит на мальчика, который явно одаривает её особым вниманием. Вот она и её ровесницы уж точно куда грамотнее нас, тех, в искусстве нравиться. И, когда педагог и психолог во мне начинают дискуссию, не слишком ли рано и однобоко они взрослеют, их заглушает тихий вздох кудрявой девчонки, разглядывающей трофейные открытки и уже успевшей летом пережить первую любовь к московскому мальчишке, приехавшему на дачу к соседям. С трудом сбросив с себя, казалось, навсегда забытые картины, я подошла к Клубу Трамвайчиков. Перед этим зданием, как и в других многолюдных местах, стояла витрина, в которой вывешивали газету «Правда». Иногда возле витрины собиралось особенно много народу. Стоящие сзади с тревогой заглядывали через головы, а витрина притягивала к себе новых людей. Уже лет в одиннадцать тревога эта передавалась и мне. В кинотеатр при этом клубе мы бегали с подружками, а в шестом классе меня пригласили в кино Олег Родонич и Коля Рябчук. Боже, как я летела в клуб! Я была влюблена в Олега Родонича. Но закончился сеанс, и Олег, прощавшись, исчез. Возможно, так и было задумано. Коля не без основания решил, что с ним одним я не пойду, и попросил товарища - не знаю.

Был редкой красоты зимний вечер. Снежинки сверкали в свете фонарей, но мне, тринадцатилетней, было грустно до слёз.

Меньше всего я думала, что уже во второй раз обижаю Колю.

Когда я закончила 4-й класс и с помощью бабушкиного пятака, который она положила в мою туфлю, отлично сдала экзамены, мы уже знали, что со следующего года будем учиться вместе с мальчишками.

Два мира столкнулись на натёртых мастикой полах 57 школы.

Каждый тщательно оберегал свою свободу. Но какая может быть свобода у мальчишек? Все их тайны тут же становились темой обсуждения для девочек. Не было тайн? Выдумывали. Правда, сплетни о девочках были куда злее.

До сих пор не знаю, действительно ли обо мне не сплетничали или я не замечала. Эта способность (или НЕспособность) не замечать сохранилась, когда я стала взрослой, и очень облегчила мою жизнь.

Меня мальчишки выбирали в поверенные. Помню, как я страдала, когда мальчик, который мне нравился, спросил, как ему подружиться с одной из одноклассниц. Но совет я дала честный, чем горжусь даже сегодня.

И тогда же я обидела Колю. На уроке я получила от него записку, в которой в нескольких словах с предложением дружить он умудрился сделать четыре ошибки. Красным (мои ровесники помнят эти толстые карандаши с двумя грифелями) я исправила ошибки. Перевернула и синим цветом поставила свою подпись.

Я же мечтала стать учителем русского языка и литературы - вот и отправила исправленный текст - открытым!- через весь класс.

Прости меня, Коля!

После школы я ни разу не видела ни того, кто нравился мне, ни того, кому нравилась я.

А в тот вечер, попрощавшись, я побрела домой, медленно поднялась по лестнице. Два раза постучала в дверь (звонка не было, к соседям стучали 3 раза). И мне вовсе не хотелось, чтобы Мама и Папа были

дома. Пусть была бы только Сестра. Ей тогда было не до страданий младшей сестры.

И кто это выдумал, что в семь-восемь лет, а тем более в тринадцать, девичья душа волнуется и тоскует не так, как в двадцать - тридцать?...

Всё это опять возникло перед глазами, пока я слушала «Одесский вальс». И болью отозвалась мысль: сколько бы я отдала, чтобы сегодня, откуда бы и в каком бы настроении я ни возвращалась, за дверью ждала меня Мама. И покрытый накрахмаленной белой скатертью стол. Сегодня эта вышитая маминной рукой скатерть, уже заштопанная мною, покрывает стол в праздники, когда собирается моя семья. Мы с сестрой торопились, чтобы не опоздать, потому что Папа приходил обедать ровно в 2 часа.

Остро захотелось обогреть близких, особенно тех, кто далеко. Обожгли имена людей, перед которыми чувствую себя виноватой.

И перед глазами диапозитивно (о, каким чудом техники казался нам этот диапроектор, а уж фильмоскоп!) поплыли кадры...

2. Угольный склад

Белые зубы на чёрном от угольной пыли лице, в той же пыли майка... Лопата и ведра, в которые падали блестящие антрацитовые брикеты. Майка... Значит, лето? Почему же уголь? Запах керосина, который продавали там же. Сверкающий уголь на тележке привозили нам из того же склада, сваливали возле сарая на заднем дворе и лопатами забрасывали внутрь. Зимой утром или вечером Папа набирал два полных ведра и нес на четвёртый этаж. Наша кафельная печь превращала эти чёрные неровные бруски в огнедышащих дракончиков (так я представляла, когда тайно, несмотря на запрет, открывала круглую чугунную дверцу), которые согревали квартиру. Наверное, все дети любят смотреть на огонь. Какие фантастические картины возникали там, в огненной пещерке нашей печки! Когда я подросла, меня иногда посылали в склад за керосином.

Склад стоял угольным стражем на углу нашего квартала. Дальше ходить нельзя было - там тянулись рельсы, по которым откуда-то издалека в неведомую даль шли трамваи 28-й и 5-й. Трамвай - это только с Мамой, когда она брала меня к своей подруге. И сердитая тётка в ватнике отрывала от рулона, висевшего на её груди, билетки. А я буду играть «в кондукторшу» с Бабушкой. А позже мне очень поможет память, подсказавшая, что мы с Мамой ехали на 28-м трамвае очень долго, почти до конечной остановки. А тогда можно было, не переходя дорогу, завернуть за угол и уже по Новорыбной (Чижикова, Пантелеймоновской - название улицы зависело от...возраста говорившего) дойти почти до Новой, постучать в красные ворота и протянуть бидончик. Во двор меня не пускали, а просто через пару минут бидончик возвращался ко мне уже с молоком. Обратный путь занимал больше времени. Можно было задержаться у дома, на котором написано «Бани».

3. Бани. Вкус и звуки детства

Поход в баню был событием. Шкафчик, а, значит, и тазик, на семью был один, поэтому с собой брали ещё и свой. В довольно большую комнату набивалось с вещами и тазами так много народу, что трудно было дышать. Время от времени открывалась дверь и банщица выкрикивала: «Двое!» Это значило, что два шкафчика освобождаются. Но в дверь проходило намного больше человек. Семья раздевалась в одном шкафчике. У Зоценко есть рассказ «Баня». «А голому человеку куда номерки деть?» - горестно восклицал герой. Номерок был гарантией, что нам откроют шкафчик с нашими вещами. Такой же номер значился на тазике. Но тазики часто исчезали в пару, стоило только зазеваться. Из-за пара нельзя было разглядеть даже рядом стоящего человека. Мой друг вспоминал недавно, как его поймала какая-то тётка, зажала между коленями и начала драить его стриженную, как у всех мальчишек в то послевоенное время, голову. Мальчики-дошколята мылись с мамами. Потом по каким-то только матери известным признакам поняла, что он - не её, и отшвырнула. Баня для нас, детей, была хороша ещё тем, что в кассе продавали длинные, по-моему, сантиметров 20, конфеты - «Барбарис». Это и есть вкус моего детства. Сколько мне было тогда лет? Наверное, пять-шесть. Билеты в царство пара и тазиков продавала соседка по лестничной площадке, тётя Клара. Муж её погиб на фронте. У неё была красавица дочь, Мэри, с которой дружила моя сестра. Однажды они играли в продавцов мороженого. Я не помню в дет-

стве шоколадных конфет: соевые батончики, ириски, слипшиеся леденцы - помню на вкус. А мороженое было самым большим лакомством.

Напротив «Беременного магазина» останавливалась тележка на казавшихся мне тогда огромными колёсах. Почему-то продавщицу я запомнила тепло одетой, да ещё и поверх куртки был накинут платок, оба конца которого завязаны сзади узлом. Наверное, ранняя весна. Был такой способ: в параллелепипедную открытую с меньших сторон форму накладывали мороженое и такой же формы штоком выталкивали его на вафлю и прикрывали второй. Даже когда не было денег на мороженое, дети заворожено следили за этим процессом. А уж слизывать эту волшебную холодящее чудо!.. Вот Лора, Мэри и, конечно, я делали таким способом мороженое... из глины с помощью спичечных коробков. Играли на лестничной площадке. Когда старшим надоело играть, они стали бросать плитки «мороженого» через лестничную клетку на противоположную стенку. Мокрые брикетки прилипали замечательно. Могла ли я не присоединиться к этой весёлой игре?! Не думаю, что моему «мороженому» часто удавалось долетать до цели. Но множество следов помню отлично. Папа заставил сестру шваброй чистить стенку, но с лестницы невозможно было достать все следы увлекательной игры, и они много лет напоминали нам с сестрой детство, пока не отшелушились вместе со штукатуркой.

Что значит словосочетание «Беременный магазин», рядом с которым мы становились счастливыми обладателями настоящего мороженого, я знала с четырёхлетнего возраста. Никого тогда не смущало

это странное сочетание слов: любой ребёнок знал, что в маленьком магазине напротив «отovarивали» беременных женщин. А мы получали муку и крупу по карточкам в Гастрономе на углу Канатной и Новорыбной. Все в детстве строили дворцы и баши из кубиков. Вот точно такие «дворцы» стояли в витринах гастронома. Не из кубиков - из банок... с крабами. Это в шестидесятые люди, если «доставали» (ох, уж это многослойное слово!) коробочку крабов летом, держали её до Нового года - на особо изысканное оливье. По карточкам выдавали муку (или крупу?) и в окошке в калитке роддома N1, в котором работала Мама. Не знаю, почему нужно было брать с собой детей, но хорошо помню, как шла, держась за Маму, с почти закрытыми глазами по ещё тёмной улице. Помню огромные очереди за хлебом перед небольшим магазином, из которого доносился одурманивающий запах хлеба. Непременный довесок никогда не попадал на стол: кто же удержится от кисло-сладкого этого искушения! А ведь мне не приходилось голодать. Но с тех пор я не выбросила ни кусочка хлеба. Лет в тринадцать самым лучшим лакомством для моих ровесников был батон с изюмом за 22 копейки. Я одна могла съесть целый батон.

Особенно он был вкусен прямо с деревянных поддонов, которые вечером разгружали рабочие.

А сверхлакомством - горячие бублики. За ними тоже выстраивалась очередь перед «Бубличной» на Карла Маркса (Екатерининской). Попав вовнутрь, можно было увидеть, как въезжают на крюках в печь вынутые из кипящих котлов бесцветные бублики. Но, заплатив деньги (бублик

стоил 5 копеек - а уж на сколько хватит - дело случая), мы получали на бечёвке золотые пахучие кольца.

И хотя израильские «бейгеле» очень отдалённо напоминают те бублики, но каждый раз, выходя после концерта или оперы, я замедляю шаг перед рекламирующими свой горячий товар продавцами, чтобы вдохнуть запах детства.

В конце сороковых - начале пятидесятых слова «карточки», «очередь» «беременный магазин» стояли в том же ряду, что и «точильщик», «стекольщик», «Па-я-ю-па-чи-ня-ю», шарманчик. «пух-перо-волося», «старьёвщик», которого мы называли «старевецик». Взамен того, что мы приносили, старьёвщик, который воспринимался как часть наваленных в его палатке вещей, давал нам мячики, покрытые цветной фольгой. Они были на резиночках, и мы любили смотреть, как они, отпрыгивая от руки, возвращались в ладонь.

О точильщиках, стекольщиках и шарманщиках столько написано (и описания эти справедливо похожи друг на друга), что сам себе кажешься плагиатором. Но не могу удержаться, чтобы не вспомнить особый запах стекольной замазки. Наверное, так пахла олифа, на которой она была замешана. Сейчас этот запах вряд ли понравился бы, но тогда он казался мне волшебным. Так пахло приключение: это ж надо, какое-то колёсико режет стекло! А потом ловким движением стекло превращается в окно - нужно только большим (о, действительно большим!) пальцем быстро, сверху вниз раскатать в узенькую полоску шарик из замазки. В 11 лет я любила смотреть уже на Привозе, как стекольщик

без линейки, на глаз - жжик! - и разводит руками в стороны два стеклянных прямоугольника.

Ещё я любила смотреть, как сапожник дядя Миша, сидевший напротив нашего дома в небольшом тамбуре с распахнутой на улицу дверью, набрав полный рот гвоздиков, по одному вбивал их в подошву ботинок точным ударом. И как ловко начищают до блеска сапоги военных уличные чистильщики. Сначала среди них было много «колясочников», потом - только мальчишки. Это были звуки Работы. Я и сегодня люблю смотреть на людей, ловко делающих что-то руками.

Но первые музыкальные звуки моего детства, кроме игры Мамы на пианино, конечно, связаны с духовым оркестром.

У этой музыки в моём восприятии были две цветовые палитры: чёрная и яркая, как радуга.

Дорога на кладбище часто пролегла мимо нашего дома. Зимой, сквозь двойную раму, в каждую щель которой втыкали ветошь, а потом заклеивали сначала нарезанными газетами, а позже специальными бумажными лентами, а между рамами укладывали плотно набитые той же ветошью чулки, мешочки с солью, прикрыв всё это ватой, - даже через это ограждение хорошо был слышен траурный марш: это музыканты духового оркестра шли впереди траурной процессии.

Я взбиралась на широкий подоконник и буквально прилипла к стеклу. Слово «смерть» было пугающим, как Кащей Бессмертный из сказки.

В октябре 1956 года Одесса хоронила академика Филатова. Мне было уже 14, и слово «смерть» больше не казалось мне вышедшим из сказки.

Окна были ещё не заклеены. Открыв их, я смотрела сверху на белых лошадей, покрытых нарядными чёрными попонами. Оркестр играл Траурный марш Бетховена.

Но духовой оркестр - это ещё и мечта девчонки о настоящих танцах. Напротив нашей дачи, где позже будут отдыхать пионеры, раньше располагался детский дом для девочек. После войны их было несколько в городе. Для старших девочек иногда устраивали танцы и приглашали курсантов артиллерийского училища. Кружились в вальсе, танцевали польку под духовой оркестр.

*Мы, малявки, бежали смотреть.
Но особое место в сердцах одесситов занимал духовой оркестр моряков в Городском саду. Белые кители, сверканье труб...*

Знаю, что ассоциация, которую услужливо подсказывает память, - иштамп, но ничего не могу поделать: я действительно слышу:

«В городском саду играет духовой оркестр»...

4. Тётя Клара

Далеко занесло меня от глухих голосов, проталкивающих себе путь сквозь густой пар в бане. Но мне не хотелось останавливать свою память.

Поход в баню был хорош ещё и тем, что обозначал почти конец недели - пятницу.

Но тётя Клара радовала не только меня - возможностью купить барбарис - она часто заставляла смеяться Маму и даже редко улыбающуюся Бабушку. Теперь-то я знаю, что самые нужные витамины для детей - улыбки и смех родителей.

Мэрина мама, тётя Клара, была очень ярким персонажем. Клара Новикова многое почерпнула бы у неё для своей «Тети Сони». Уходя от нас поздно вечером, Клара тщательно красила губы.

- Клара,- удивлялись Мама и Бабушка,- ты же идёшь спать, а до кровати тебе три шага!

- Вот именно,- с достоинством отвечала Клара. - А вдруг мне приснится ОН? И под обций смех она отправлялась в квартиру напротив.

Не имея возможности прожить с дочерью на зарплату кассирши, тётя Клара отправлялась в один из вторников, когда бани не работали, в Кишинёв, покупала десяток книг на продажу. Это была спекуляция. Это было опасно, но красавице-дочери с длинной косой нужно было есть и учиться. А Кишинёв был столицей, да и русская и зарубежная классика местное население, возможно, мало интересовала, поэтому и задерживалась на прилавках. Да и позже в столицу советской Молдавии ездили за продуктами и одеждой. Материал на моё свадебное платье тоже был оттуда. Прежде чем продать, тётя Клара книги прочитывала. А потом пересказывала Маме, иногда даже всхлипывая от переполнявших чувств. Когда я подросла и прочитала Стендаля, то с удивлением поняла, что знакома с героями «Красного и чёрного» и «Пармской обители». Только в пересказе тётки Клары они звучали, как любовные истории подруг или соседей по лестничной площадке: все реалии времени и места тётю Клару не волновали.

Клариной соседкой по коммунальной квартире была врач Анна Яковлевна Шапошникова. Её мать вызывала у меня в детстве страх. Кто бы ни входил в подъезд - неважно, к кому и на какой этаж, - её худое суровое лицо возникало в окне над лестничным пролётом. Взрослые тихо шутили, что на Бебеля могут спать спокойно. Что находилось в сером доме на Бебеля, 5, я узнала лично, когда уже была замужем. Я не помню, чтобы наша Бабушка, которая тогда ещё была жива, общалась с этой пугающей меня старухой. Я вообще не могу припомнить, чтобы она хоть раз куда-то уходила. Самое удивительное, что и Сестра, которая старше меня почти на восемь лет, этого не помнит. При всём усилии не могу вызвать в памяти Бабушку, спускающуюся по лестнице. Но на дачу-то мы переезжали! Значит, Бабушка должна была спуститься, а с началом учебного года подняться на наш высокий четвёртый этаж. В последний год её жизни, помню, её спустили Папа и ещё кто-то из мужчин на сплетённом из рук «стульчике». А раньше? Наверное, я слетала и взлетала, ничего не замечая вокруг.

Мимо чего я так же пролетела, не запомнив?

5. Люсия Христофоровна

Помню, что к фребеличке, Люсии Христофоровне, на Малую Арнаутскую угол Новой я в лет пять точно ходила одна. Обрусевшая немка (не думаю, что она оставалась в Одессе и во время войны) и её муж жили во флигеле в однокомнатной квартире. Комната и кухня были почти одного размера. Вход через крохотный тамбур вёл прямо в комнату, а уже из неё - в кухню. В кухне топилась печь и стояли в ряд... наши горшки. А поперёк супружеской кровати с металлическими спинками после обеда спали мы - пять - шесть мальчиков и девочек. И если бы не длинные кудряшки или косички, никто бы не определил в этих лежащих в ряд чулочках «в резиночку», пристёгнутых к байковым лифчикам на большие бельевые пуговицы, чьи ножки принадлежат мальчишке, а чьи - девочке. Теперь - то я знаю, что никакой системы Фридриха Фрёбеля наша Люсия Христофоровна не применяла. Вероятно, в Одессе, где до войны существовали такие дошкольные заведения, открытые немецкими колонистками, последовательницами немецкого педагога, само слово «фребеличка» должно было внушать родителям больше доверия.

Не помню, чтобы нас выпускали во двор, но помню рядом с печкой в кухне наши шубки и вынутые из рукавов скреплённые резинкой варежки. Домой я точно приходила в «ледяных» рукавичках. Даже малыши, вырвавшись на волю, ели только что выпавший снег. Когда я подросла, вместе с подружками сбивала сосульки. Что было в них такого, что мы сосали их с не меньшим удовольствием, чем «Барбарис»? В очень ветреный день поверх капоров, вязаных «шлемов», меховых шапок и шуб нас закутывали в пуховые, вязаные или клетчатые шерстяные платки, а концы завязывали на спине.

Когда такой колобок вкатывался к Люсии Христофоровне, уж точно невозможно было понять, где мальчик, а где девочка. Может быть, поэтому я не помню ни одного девичьего лица в той группе? Даже ни одной игры, связанной с куклой в этой комнате, не помню. Или женское естество, дремлющее в недавнем заморыше, позаботилось уже тогда вытеснить из моего сознания возможных соперниц? Точно помню, что я спала на кровати крайней слева, а за мной сопел полноватый мальчик. С ним у меня связа-

но воспоминание о том, как я была «врачом». Не помню только, почему таблетку я давала ему через нос. Таблетками служили круглые гладкие семена, которых мы вылуцивали из опавших стручков с семенами жёлтой акации - глядичии. Закончилась игра визитом к настоящему врачу, который удалил следы моего медицинского варварства. И хоть своих детей я лечила почти всегда сама и даже собственноручно делала уколы, о врачебной профессии, к великому сожалению Мама, я никогда не помышляла. С этим мальчиком связано ещё одно воспоминание, связанное с моим днём рождения. Само празднование не закрепилось в моей памяти. Я вообще в детстве не помню ни одного дня рождения. Может, потому что приходили друзья родителей и тётя с дядей, а мне это вообще не казалось интересным.

Правда, на столе появлялись тарелочки с колбасой и прозрачными листочками голландского сыра, и оливье, и что-то ещё долго ожидавшее этого заветного часа. А потом - сладкое! Да и нарядная Мама, весёлая суета, напевающий что-то по-украински Папа создавали так любимую детьми атмосферу праздника.

Наверное, утром Мама принесла что-то печёное к фребеличке и мне дарили какие-то подарки. Я помню, что муж Люсии Христоворовны (как же его звали?...) сделал мне Дергунчика - клоуна, составленного из выпиленных из фанеры и скреплённых деталей.

От каждой детали тянулись верёвочки к основной, за которую я дёргала, и вручную раскрашенный блеклыми красками клоун смешно поднимал и разводил в стороны руки и ноги. Он мне очень нравился. Конечно,

у меня были и другие игрушки. Но из дошкольных лет помню только его и ещё почему-то отполированные детскими руками разноцветные, но тоже тускло покрашенные детали, их потом нужно было складывать в коробку, у которой было имя: «Строительный Материал». Но это тоже у Люсии Христоворовны. Не представляю, как мы произносили это трудное имя.

Не помню, какие именно игрушки были у меня дома, вспоминаются только картонные книжки-раскладушки, но одну очень нарядную куклу помню, её мне лет в 6 подарил кто-то из знакомых родителей. Возможно, она была из трофейных, немецких. Скорее всего, это был подарок тётки Муры и дяди Сани Примаченко. Это они спасли от мародёров нашу квартиру, прожив в ней всю войну. Их национальность ни у румын, ни у немцев не вызывала сиюминутного желания уничтожить. У них не было детей, и они меня обожали. Я часто гостила у них в домике на Ближних Мельницах. Потрясающая воображение кукла закрывала глаза. У меня в книге-раскладушке была нарисована точно такая же. Мечта! Эта кукла очень понравилась какой-то девочке, когда я играла с ней в том самом крошечном скверике наискосок от угольного склада. То ли она плакала, то ли очень просила, но я отдала ей куклу, даже не успев привыкнуть к этому нарядному чуду. В 17 лет в октябре 1959 года я получила первую зарплату. Выбирая подарок Сестре на день рождения, я увидела немецкую куклу в зелёном платье. Что-то, наверно, всплыло в подсознании, если я выбрала именно её. Я не очень любила играть с куклами, хотя ещё одну помню так ясно, будто она и сегодня сидит в сво-

ей шубке из... ваты под ёлкой. Её наряжала Мама. Это были те редкие минуты, когда Мама сидела рядом с нами, весёлая, и делала что-то для нас с сестрой. Особенно подходила нашей голубоглазой кукле шапочка с «меховой» оторочкой из той же ваты. Мне и сейчас кажется, что у куклы были такие же, как у Мама, глаза.

Внучка Сестры, Симочка, смотрит на меня с фотографии мамиными глазами.

6. Растут ли на ёлке мандарины?

Столько написано прекрасных страниц о запахе тех ёлок! Но у каждого из детей моего поколения свой, особый, запах подвешенных за нитки мандаринов (предпраздничные очереди за мандаринами - килограмм в одни руки - примета приближающегося Нового года), мучного клея, которым мы склеивали из разноцветных полосок бумаги звенья цепей, лежавших потом на широких зелёных лапах. Мы даже соглашались пить сырое яйцо, потому что из скорлупы яиц (целое искусство - через крошечную дырочку удалить содержимое!) делали клоунов. На ёлку вешали специально хранимые шоколадные конфеты, которые мы осторожно вынимали из красивых обёрток, съедали, а на ёлку возвращали пустышки. Много забылось даже из более поздних лет, но наши ёлочные игрушки, крошечные подсвечники-зажимы, в которые вставляли тоненькие свечки (их запрещалось зажигать без взрослых, но кто ж мог

В память о «маминой» кукле

удержаться!), верхушку, которую осторожно водружали на спицу и ещё осторожнее снимали через 2-3 недели, помнят мои ладони.

Вечером, оставаясь одна, я раскачивала стеклянные сосульки и смотрела, как мерцают в их спиральных завитках язычки свечек, а позже - цветные огоньки гирлянд.

У Евтушенко есть стихотворение «Третья память» - о памяти тела.

Вот и мои пальцы многое помнят. Например, блестящую кожицу от копчёной скумбрии. Никто из моих подруг не создавал королевские наряды из такого материала! И сегодня есть игра «Одень куклу». Плоская, только с одной стороны раскрашенная красавица и к ней набор бумажных нарядов, которые нужно закрепить с обратной стороны. Тогда это были скромные, часто украинские национальные наряды. А я собирала после воскресного семейного завтрака на даче золотистое чудо рыбьих шкурок тогда ещё такой обычной на столе каждого одессита скумбрии, промывала, высушивала и... ни у кого не было такой нарядной царевны!

Сегодня, когда я вижу выброшенные «золотые» обёртки от конфет, красивые маленькие баночки разной формы, цветные крошечные ложечки для мороженого, я вспоминаю, как мы мечтали о подобном богатстве, сколько выдумки и стараний нужно было приложить, чтобы создать из случайных вещей сказочный мир. Кому из сегодняшних детей придёт в голову собирать и обмениваться разноцветной фольгой от непонятно где раздобытых не ими съеденных конфет? А я помню восторг от малиновых, зелёных, жёлтых осторожно и тщательно разгла-

женных листочков в коробочке Люды Подлипной. Её Папа был военным и получал какой-то особый «Заказ». Именно так, гордо, Людка и производила это слово.

Много лет спустя, посетив дом-музей Поленова, я буквально не могла оторвать взгляда от шкафов с самодельными деревянными игрушками. Они хранили тепло рук художника и детских рук. От них шёл свет - не детская ли радость излучала его? Я вспомнила, как мы с двоюродным братом Оськой делали кораблики, как осторожно вбивали по корпусу крошечные гвоздики, на которые натягивали нитки. И какое же это было счастье, когда кораблик ровно держался на поверхности воды в большой лохани!

Мы с мужем в свое время решили, что сделанные нашими руками игрушки передадут детям то, что словами не передать. И, хотя младший сын родился уже после нашей серебряной свадьбы, когда игрушек, пусть и не таких, как сегодня, даже в новосибирских магазинах было достаточно, в нашей квартире долго стоял довольно внушительного размера корабль, на мостике которого запросто помещался наш серьёзный и гордый «капитан». Я любила делать детям сюрпризы.

Чебурашка послал своего братца дочери. И не такой уж красавец вышел в результате моих усилий, но дочка любила его. Желание сделать кому-то сюрприз тоже из детства.

7. «Ао мэкубалим»

Я была тогда в классе втором. Рядом в доме жила моя подружка, Има Ромбэ (не помню точно, какая буква на конце фамилии). Для её младшей сестры я и придумала свой первый сюрприз-тайну.

С Имой связано пережитое в пятом классе первое унижительное, рождающее страх ощущение, которое на иврите обозначено ёмким словом ЛО МЭКУБАЛЬ - непринятый, отвергаемый, и сладкое ощущение доказанности собственной невиновности. Много позже я пойму, что именно второе ощущение и было самым унижительным. Подобно героине Олеша, я создавала свой «Список злодеяний» советской власти. И какое могли иметь отношение две одиннадцатилетние девчонки к политическим процессам в СССР? Но у меня и сегодня сами собой распрямляются плечи и поднимается голова, как будто я сейчас увижу огненно-рыжую голову Имки, медленно спускающейся по школьной лестнице с победной улыбкой, и мои губы раздвигаются в точно такой же улыбке: утром по радио объявили о невиновности врачей. Мы не произнесли ни одного слова. Жизнь рано научила нас сдержанности.

Сегодня уже нет ни её, ни их младшей сестры, для которой я и придумала сюрприз - игру в гномика. Ещё раньше умерли их родители. Где-то в Америке живёт (надеюсь) их старший брат Сэм, которого они боготворили. Очень способный, он был надеждой семьи. Мнение Сэма было законом. Когда мы были в классе шестом-седьмом, Имкины родители, отказывая себе во всём, накопили на обмен квартиры. Теперь они жили в полутора маленьких комнатах, но без соседей. Я была влюблена и... писала стихи. Как-то, разоткровенничавшись, я прочла одно Име. Она удивилась, но особой реакции это не вызвало. У неё не было на этот счёт своего мнения. Но однажды, увидев меня не в школьной форме, которая все фигуры умудрялась превращать в нечто одинаково бесформенное, а в перешитом на меня (я до девятого класса ходила в основном в платьях, доставшихся мне от сестры, хотя и была уже выше её ростом, но шили тогда с запасом!), Имка нехотя произнесла: «Сэм сказал, что у тебя хорошая фигура». Так, благодаря Сэму, в лет тринадцать - четырнадцать я получила первый МУЖСКОЙ комплимент.

Тётя Сарра и дядя Моисей ещё успели погордиться своим старшим сыном, который работал в каком-то институте в Москве (!). Наша одноклассница, Ада Шек, напомнила мне недавно, как перед каждым экзаменом Имина мама, тётя Сарра, вздыхая, говорила: «Я бы хотела уже быть на день старше!» Этим почти нищим людям было необыкновенно важно, чтобы все дети получили высшее образование. И они получили. И защитились. Из всей семьи Ромбэ, чудом и стараниями неграмотной украинской женщины спасённой из гетто, остался (?) один Сэм.

Когда мы учились в младших классах, вся Имкина семья ещё проживала в одной комнате коммунальной квартиры, в которой, кроме пяти человек семьи Ромбэ, жил парализованный дядя кого-то из родителей. И там, как самую дорогую гостью, принимали приезжавшую из деревни спасительницу. Моя память не сохранила её имени, хотя однажды я видела её. Удивительно то, что я иногда ночевала в этой комнате. Вдвоём на узком топчане нам с Имкой не было тесно.

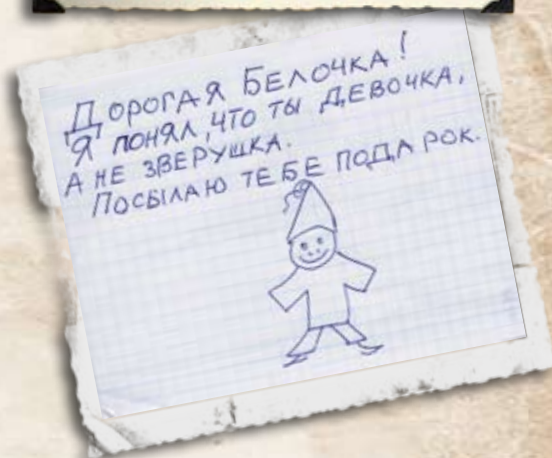
Для младшей, Белки, которая едва научилась читать, я, второклассница, и сделала из каких-то случайных коробочек, картонок игрушечную мебель, сшила крошечную куколку и всё необходимое для неё. Большими ножницами я отрезала, как мне казалось, небольшой квадратик от сложенной простыни - нужно же было сделать постель для куколки. Когда мама развернула простынь, посередине оказалась внушительного размера дыра. Коробка из-под обуви превратилась в комнату. Мы с Имкой положили всё это богатство в ящик маленького письменного стола, едва поместившегося в их тесной комнате. Но главным было письмо

от Гномика, который якобы и принёс для Бэллы всё это богатство. Какие глаза были у Имкиной сестрички! Каждый день она бежала к столу, чтобы посмотреть, не принёс ли Гномик ей подарок. Что мешает современным родителям и старшим детям в семье доставлять такое удовольствие малышам? Откупаются дорогими играми и игрушками и лишают себя самой чистой радости - дарить радость своим и чужим детям. Сегодня мне кажется, что я поняла, как приятно дарить, именно после того дня рождения, когда я ещё ходила к фребеличке.

Тот мальчик, мой единственный пациент в несостоявшейся врачебной карьере, имя которого моя память не сохранила, не принёс мне, как было принято в группе, подарок. Я не помню, что подарили мне другие дети: скорее всего, что-то сладкое, а, может, земляничное мыло - изыск парфюмерии тех лет. Или оно появилось позже? Мы с сестрой обожали запах этих розовых брусочков, одетых в белую с малинками обёртку. (Ими и были оклеены стены коробки-комнаты, подаренной Гномиком единственной черноволосой из детей в этой семье - Бэлле-Белочке.) На следующий день мама мальчика пришла за ним и сказала Люсии Христоворовне, что заберёт и меня. Жила она напротив. Странно были расположены дома на Малой Арнаутской: на одной стороне одноэтажные, на другой трёх-, четырёхэтажные дома. Помню высокую тёмную лестницу, полутёмный коридор. Она выносит большую, как мне тогда показалось, коробку: «Это тебе. Донесёшь?»

И я бегом по Малой Арнаутской, за угол, на родную Свердловка, которую все называли Канатной, мимо одноэтажного приземистого дома

на углу. Не останавливаясь, как обычно, чтобы полюбоваться на кошек, сидящих на подоконниках за двойными рамами, между которыми на потемневших за зиму ватных сугробах стояли растерявшие новогодний вид игрушки. Конец марта. Скоро внутренние рамы снимут, смоят бумажные ленты, заклеившие по периметру все щели, и на стёклах будут играть солнечные зайчики. А пока я бегу, боясь уронить свою ношу.

Вот и мой, высоченный. На четвёртый этаж - бегом, лётом! В очках с толстыми стёклами, маленькая, почти бестелесная за дверью семенил Бабушка. (Мне будет 10 лет, когда Бабушка умрёт. Сегодня я перешагнула тот возраст, в каком была она. Какой старой она казалась! Почему-то больно стало от мысли, что я никогда не слышала, чтобы Бабушка жаловалась, даже, когда она была уже тяжело больна).

Вбегаю, ставлю коробку с подарком на сундук. В нашей небольшой квартире сундук, в нафталинном нутре которого пережидали лето тёплые вещи, был моей частной территорией.

Нет на комоды большие моды
Сейчас никто их не поймет.
Но сердцу моему сквозь годы
Так много говорит комод!

Эти строчки Рахиль Баумволь не только о комодe, но и о его старшем родственнике - сундуке. На этом сундуке я засыпала днём, читала, сочиняла небылицы. Он хранил мои детские тайны. Кому же ещё я могла доверить первое знакомство с неожиданным подарком?

8. Волшебная коробочка, Большая Медведица и многое другое.

Открываю коробку - ах! 47-ой год. Ещё пленные немцы работают на развалинах дома на углу Канатной и Большой Арнаутской.

На улицах я уже сама умела прочитать: «Проверено. Мин нет».

Карточная система. Ещё стоит во второй комнате «буржуйка», которую топят шелухой от «семачек». Картофельные очистки не выбрасывают, а делают из них блинчики. Ещё в тесто для этих блинчиков кладут из жестяной банки с английскими буквами яичный порошок. И дворничиха наловленные мужем бычки жарит на заднем дворе за сараями, налив на сковородку... воду. Ещё не только не заваривали чай на один раз, а вообще не заваривали по причине полного его отсутствия. Это потом один и тот же заварочный чайник будут дважды, а то и трижды заливать кипятком.

Где эта женщина раздобыла такое богатство? Отдельно лежали кастрюльки, отдельно крышки и сковородочка. Но больше всего меня поразил дурилаг. Настолько, что я, кажется, и сейчас чувствую под пальцами его дырчатое дно. Наигравшись, я аккуратно складывала своё богатство в гнёзда. Летом я взяла уже несколько потрёпанную коробку на дачу, положив её в нагруженную цинковую лохань. Вперемешку лежали в лохани стиральная доска (стиральная машина появилась у меня после рождения второго ребёнка); бруски тёмного пахнущего... рыбой стирочного мыла с выбитыми на них цифрами 7 и 2 и непонятным

Другое время - другая посуда.

значком, о котором говорили, что это «проценты»; деревянные прищепки на бумажной бечёвке, казан, замечательно яркий медный (или латунный?) таз для варенья (когда в нём будет стыть абрикосовое, я стану украдкой вылавливать косточки) и много других важных вещей.

Самым большим счастьем было разрешение - после долгих упрасиваний - ехать в кузове, конечно, под присмотром кого-то из взрослых.

Сколько раз потом я всю дорогу до дачи или с дачи с наслаждением буду проходить пешком! Я любила проделывать это не только с подругами, но и одна. Вспоминала страшные рассказы про Чумку. Они были даже страшнее, чем про «красную руку», которой пугали в лагере после отбоя.

Пока взрослые разбирали вещи, я бежала на «ту сторону» - маленький участок за дачей, где в разное время росли то овощи, то клубника, а в клетках держали кур. Помню прикосновение тёплого яичка к лицу - это Бабушка водит по моей коже, приговаривая: «Будет белое личико, как это яичко, а все хворобы с лица вон!» Большие шестьдесят лет назад умерла Бабушка. Как многое я забыла за эти годы, а эту присказку помню.

Я подбежала к краю дачи, дальше была колючая проволока (она не мешала нам с сестрой пролазить на соседнюю дачу, вход на которую был с переулка Гаршина - в десяти минутах от нашего участка). Мне важно было проверить, не исчезли ли мои «секретики».

По-разному психологи объясняют эту странную детскую привязанность к тайным кладам из цветных стёклышек, которые легко могла разрыть кошка. Но мне, проверяющей свои сокровища, ещё не прочи-

Кто разгадает тайну
этих «секретиков»?

тавшей ни одной книги по психологии и даже не знающей, что существует такое слово, всё было ясно:

ЭТО МОЁ И ТОЛЬКО МОЁ! И ЭТО МОЯ ТАЙНА!

Через много лет мой внук, которому не было и трёх лет, держа в одной руке машинку, а второй взяв за руку младшую сестрёнку, сказал:

- Ляля – муё, и папа – муё, и мама – муё, и ... машинка – муё.

«Секретики» давали это ощущение собственности, но, главное, они - первый интуитивный опыт сохранения своего душевного пространства. Как часто потом люди утрачивают эту способность!

Кому мы доверяли свои «секретики»? Самой-самой подружке. Почему же сегодня мы часто впускаем в своё душевное пространство случайных людей?

Не помню, когда и кто подарил мне калейдоскоп. Я могла долго медленно вращать картонную трубку, внутри которой совершалось чудо: один узор сменялся другим, ещё более ярким.

Несколько лет назад во время очередного посещения музея Тель-Авива я, не удержавшись, купила себе самый скромный из стоящих на витрине калейдоскопов, и сейчас время от времени заглядываю в его круглое окошко, чтобы разглядеть кусочек собственного детства. И тогда наплывает тёмное южное небо - там же, за нашей дачей. И Сестра, показывающая мне Большую Медведицу. Она очень горда своими знаниями. Мне 8 или 9 лет, и я замороженно смотрю в небо. Сколько раз я посылала небесной Медведице привет! Здесь, в Израиле, в пустыне звёзды ниже и ярче, но я, когда мне выпадает счастливая возможность побывать там, первым

Ну, конечно, Лялька-МУЯ!

И эта Бабушка в телевизоре
-тоже муя!

делом ищу свою старую знакомую. Собственно, постарела я, а Большая Медведица светит всё так же ярко, и это наполняет душу покоем.

А красные стёклышки в моём калейдоскопе похожи на клубнику, которую я срывала с грядки. Потом за дачей на месте сарайчика для инструментов Папа построит маленькую комнатку, в которой только и помещались, что кровать да умывальник.

Мы это сооружение так и называли - «Папин домик».

Папа любил отдыхать там после обеда. Однажды я просунула ему под руку куклу, которую по моде тех лет ставили на подушку. Уж не помню, кто сделал любительский снимок, но я его очень люблю.

А для инструментов построили маленькую кладовочку, которую строго опекал Лёня, муж моей сестры. Мой сын Яков не так давно тепло вспоминал, какую роль сыграл в его жизни Лёня и...эта кладовка. Муж сестры был у нас в семье скорой помощью: если узнавали, что у нас заболели все дети (а такое бывало), то в командировку в Новосибирск отправлялся Лёня. Он работал на большом заводе, и там многие вспоминали его добрым словом. К Папе у него было особое отношение. И у его брата, Яши, тоже. И не только потому, что они росли без отца.

Когда Папы не станет, этот маленький «папин домик» перейдёт к старшему внуку Гоше. Что за страшилища нарисует он на стенах!

Но всё это будет много позже.

А в то лето я училась...варить.

Из кирпичей сооружала я плиту, разжигала настоящий огонь, накрывала кирпичи крышкой от консервной банки и ставила на неё са-

мую большую кастрюлю из коробки. На суп шло всё, что росло вокруг: крапивка, укроп, стрелки лука, вишневые листья. Наверное, здоровую пищу придумали дети, потому что я не помню, чтобы хоть раз мне стало плохо после моих тайных обедов. Чистила я кастрюлю от копоты так же, как все хозяйки вокруг, - песком. Мне нравилось играть в «домашнюю работу».

Может, поэтому она меня потом никогда не тяготила. И когда дети были маленькими, и сейчас, обладая солиднейшим стажем уборки не только своей квартиры, но и многих израильских, наводя порядок, чувствую себя девочкой, играющей во взрослую женщину.

Чистая кастрюля с половничком отправлялись на место.

Моя сегодняшняя страсть к красивой кухонной утвари и кулинарным экспериментам не из той ли волшебной коробки из грубого серого картона?

В то утро, куда перенёс меня калейдоскоп моей так странно меняющей картины памяти, пока я проверяла свой «секретик», в единственной каменной комнате нашей дачи весили большой, как мне сейчас кажется, узбекский шерстяной ковёр с ярким рисунком. После смерти Бабушки, зная, что его стелили на машину, под гроб, я не любила смотреть на него. Но мне, мечтающей стать героиней, стыдно было даже рассказать кому-то об этом. Опять память перепрыгивает через несколько лет, как я когда-то через очередной забор, порвав - о, ужас! - новенькое платье. Шёлковое, белое в чёрную «капочку», как говорили в Одессе. Я, потом очень долго носившая перешитые вещи сестры, в детстве иногда щеголяла в собственных. Это когда оставался кусок от ткани на чьё-то

Новое поколение у того
самого забора.

10 января 1952г.
15 лет.
Родной мой!
Поздравляю!
Спасибо тебе за по-
мошь. Не за ту,
что у всех на язык
да за которую прии-
мо благодарить, а
за ту, которая
внутри меня и
которая очень много
гласт мне в последние
годы.
Обещай мне, что ты
будешь нести добро,
а я обещаю тебе, что
ты никогда не бу-
дешь несчастна и бу-
дешь счастлива и
счастлива не за маму
семей. Я тебя люблю!

платье. Хотя, может, и они были просто перешиты. Сколько мне было? До лет четырёх я мало что помню. Значит, лет пять.

Только по рассказам Мамы знаю, что никак не могла привыкнуть к вернувшемуся с войны Папе. Сестра рассказала, что когда Папа впервые увидел свою ковыляющую на кривых ножках, худую, но с большим животом дочку, он заплакал. Друзья родителей забавлялись, заранее зная мою реакцию: «Ты маму любишь?» - «Любу». «Ты Лору любишь?» - «Любу». И так звучало моё «любу», пока не назывался Папа. В тот же момент я начинала что-то вертеть в руках: «Подози, я тё-тё деваю!» Многие я бы отдала сейчас, чтобы сказать Папе, как я люблю его.

После Папиной смерти я взяла из семейного альбома свою фотографию, которую послала ему на день рождения в декабре 1968 года. Не помню, почему я выбрала именно эту давнюю, на которой мне 15 лет. Но я счастлива, что успела сказать те слова, что написаны на обороте.

9. Мама

Я была ершистым ребёнком, не из тех, кого все балуют. Сестра в то время очень болела, и всё внимание Мама отдавала ей. Да и ей доставалось его не много: Мама работала в родильном доме сутками, иногда за ней, акушеркой, приходили, когда она отсыпалась после очередного дежурства. Одно из ярких и страшных воспоминаний связано именно с маминной профессией. Её позвали поздно вечером к соседке, которая

жила во дворе, в каморке напротив чердачной лестницы. На столе лежала женщина, а рядом с ней что-то, что я приняла за большой кусок...сырой печени. Это уже потом я поняла, что это было детское место, отошедшее после преждевременных родов. Почему мама пошла со мной? Где была Бабушка, тогда ещё живая? В больнице? Где Папа и Лора, моя старшая сестра? Этого не помню, но та картина в полутёмной коморке отпечатана чётко.

Наша Мама была полной, красивой, очень подвижной, любила петь, танцевать. В юности она пела в еврейском театре. Только теперь я поняла, как молода была наша мама, когда с двумя детьми, беременная мною, отправлялась в эвакуацию.

Недавно я получила из архива Регистрации эвакуированных в Ташкент копию удостоверения Мама, где местом жительства значится: Ташкент, Сталинский район, Проезд Яровой, дом 4. В таких же справках на имя папиной сестры Прейгер Полины Адольфовны и Бабушки указан дом №3. Вероятно, описка. Тётя Поля жила в доме 4, а Мама и бабушка в 3-ем. В мамину справку из детей до 16 лет внесена только моя сестра, Прейгер Лариса Яковлевна, 1934 г. рождения.

Брат Мишенька в удостоверении не значится. Мама похоронила его по дороге, в Джамбуле. Я знаю, что значит потерять сына. Но и представить себе не могу, что чувствовала моя молодая Мама, которая должна была сообщить о смерти такого долгожданного и красивого сына мужу - на фронт!!!

Меня в Маминой справке ещё нет. В Ташкенте, далеко НЕ хлебном

Вряд ли там, в Севастополе, в 1971 году рассказывал Папа своим внукам, как плыл с «Малой Земли» в... корыте по красной от крови реке.

для эвакуированных городе, Мама родила меня и чуть не потеряла. Какой, мир праху её, узбечке я обязана тем, что осталась жить? Она принесла бабушке немного рисового отвара, чтобы накормить меня... перед смертью. Была я настолько не жилец, что Мама боялась войти в дом и с порога вопросительно смотрела на Бабушку. Но на единственной фотографии ташкентского периода Мама стройная и улыбается.

Я, хоть и была страшенькой - казалось, в каких условиях Мама носила меня и чем могла накормить, но явно не собиралась умирать. От Папы, слава Богу, приходили треугольники. (Такие я отправляла в Донбасс дачной подруге Еве Цыганковой, когда была в первом классе. Конверты были роскошью, марку наклеивали прямо на сложенный треугольником листок, заправив остаток внутрь.)

Рядом с Мамой курсанты военного училища, в котором она работала. Им только предстояло отправиться на фронт. Не сомневаюсь, что некоторые из них были влюблены в Маму. Она была красивой, доброй и всегда готовой улыбнуться.

10. Тётя Аня

Когда мне было 22 года, муж поехал в Симферополь, чтобы увидеть первые опыты выращивания человеческого эмбриона. Был он тогда студентом Одесского мединститута. Зная, что в Симферополе живёт папина сестра, тётя Аня, я поехала с ним. Стучим в дверь. Открывает женщина со странно знакомыми глазами. Потом я поняла, что это у

меня точно такие же глаза. И у старшей папиной сестры, тётки Баси.

- Здравствуйте, тётя Аня, - говорю. - Я - Зина, дочь Яши Прейгера.

- Как? Ты не умерла?!

Потом, сообразив, что она сказала, рассмеялась и пригласила нас в дом. Мы провели у неё несколько дней. Я поняла, что ей, бегающей с дневного приёма на дежурство, - мужа арестовали, а двух действительно очень талантливых сыновей, Марика и Сеню, нужно было учить, - было недосуг спрашивать, жив ли у Яши родившийся в войну заморыш. Но, возможно, тётя Аня так пошутила.

Почти через 40 лет в Натании ко мне в банке обратилась с просьбой очень пожилая женщина: нужно было перевести что-то с иврита. Мы вышли вместе. Она поинтересовалась, откуда я. Из вежливости вернув ей тот же вопрос, я услышала: «Из Симферополя». Скорее себе, чем ей, сказала, что у меня там жила тётя.

- Как её фамилия? - живо поинтересовалась женщина. Я назвала обе - девичью и по мужу. Женщина остановилась у скамейки, присела и потянула меня за руку.

- Я ведь работала с Давидом Кременецким в исполкоме. Мы не могли понять, за что его арестовали. Я и Анну Адольфовну знала. Прекрасный врач. Потом она уехала в Москву. Она жива?

Увы, тётки Ани уже не было. Но в тот приезд в её доме я поняла, откуда у меня, начисто лишённой скупости, такая странная привычка аккуратно сматывать бечёвки, складывать кулёчки, которая сохранилась и в Израиле, где в бечёвках и кулёчках недостатка нет. Как странно передаются гены! На её старшего сына Сеню я похожа больше, чем на

родную сестру. В 2004 году я из Израиля повезла учеников на Международную олимпиаду по русскому языку в Москву.

Сеня приехал повидаться. Когда я вернулась, кто-то спросил: «Это ваш родной брат?» Когда-то я иронизировала, что он у нас - «большой учёный». Но это действительно так. Он - академик. Не отстал от него и очень успешно работающий в Америке Марик. Раньше он жил в Ленинграде, и много лет назад перед самым Новым годом я сообщила ему, что везу из Новосибирска своих учеников. Когда мы встретились в Америке, он со смехом вспоминал, как портняжьим сантиметром измерял открытое пространство пола, высчитывая, сколько поместится в их небольшой квартире Зинкиных архаровцев.

Тётя Аня не зря бегала по дежурствам и не зря гордилась своими сыновьями. Но, возможно, Марик так отнёсся к сибирскому нашествию, вспомнив, как спокойно принимала Мама иногда по пять родственников. Тёти Анина гордость за своих успешных сыновей стала однажды причиной её ссоры с младшей сестрой, Полей.

Мы с сестрой недоумевали и смеялись: нашли что выяснять.

И я подумала тогда, что, может, и хорошо, что родители меня не хвалили, во всяком случае, при мне, - ни за то, что одиннадцатилетней девчонкой я уже многое умела по хозяйству, ни за то, что хорошо училась. Тогда меня это обижало. Зато всю остальную жизнь я никогда не зависела от похвал и наград. Тепло мне становилось и становится только от преданности друзей и памяти учеников, многие из которых уже бабушки и дедушки.

11. Что помнит Сестра

Я ничего не помню из лет, прожитых в Ташкенте. Даже дорогу обратно, в Одессу, не помню. Моя память начинается с отметки 1945.

Сестра Лора вспоминала, как она, семилетняя, в чужих больших сапогах шла в военное училище, где работала Мама, за котелком супа, а идущий навстречу солдат - из выздоравливающих после ранения, порывшись в карманах шинели, вынул и дал ей кусочек сахара. «Какая я была глупая! - думала она тогда. - Как я могла не любить пенку от молока?!»

В памяти моей Сестры хранится ещё много тяжёлых воспоминаний. Бегство из Одессы на подводе, потом пароход. В селе Облиевское остановились. Беременная мною Мама, Бабушка, Сестра и младший Мишенька. У её подруги, Лизы Эпштейн, тоже двое сыновей. Мужья на фронте. Они нашли хозяев, согласившихся сдать комнату. Начали работать. Но однажды оба хозяина получили повестки на фронт. После какой-то по счёту из выпитых бутылей самогона у хозяина возникло желание выпить с Мамой. «Не согласна?! - Убью, жидовня!!!» О том, что точно такое же желание одолело и хозяина Лизы, Мама узнала, когда, выбравшись со всей семьёй через окно, добежала до железнодорожного полотна. Обе семьи осенью на открытой платформе с углём пустились в неизвестность. И скорее всего не добрались бы, если бы не встреченная на одной их станций жена папиного друга юности, Лёли Янивкера, Фира. Она, поняв, что ни Мама, ни Лиза не доведут детей, нашла какого-то военного, который, узнав, что они жёны воюющих,

Как я могла не любить пенку от молока!

Семья Янивкер

стал стучать в теплушки и грозить, что начнёт стрелять. Сестра говорит, что до сих пор помнит этих сытых, презрительно смотревших на покрытых угольной пылью кашляющих голодных людей. Так добрались до Джамбула.

Первой остановкой для четверых детей подруг стала больница, куда они попали с воспалением лёгких. Из больницы вышли только двое.

Нашей маме было тогда 28 лет, и она не знала, вернётся ли с фронта её муж. Конечно, после войны ей очень хотелось побыть ещё немного молодой.

12. «Лермонтовка»

Я помню, как она пришла со мной в Лермонтовский курорт. Уже перешагнув шестидесятилетний рубеж, я, приехав в Одессу на несколько дней, волею судьбы, не иначе, остановилась именно там.

Гуляла по выщербленному асфальту дорожек, улыбалась старым знакомым - влюблённым пастуху и пастушке, слушала стаккато падающих каштанов, по заросшей тропе спускалась к морю. Многие картины из моего детства и юности увидела я в своём калейдоскопе, гуляя по аллеям между каштанами. Не так давно об этих же местах вспоминал мой друг, живущий далеко от любимого города.

И я в который раз поразились, насколько по-разному воспринимают одно и то же - любимое! - место мальчишки и девчонки. Для моего друга «Лермонтовка» была способом перейти в другой мир, мир Тома Сойера,

«Маленьких дикарей», засад тимуровцев и «Дорогих моих мальчишек».

Я совершенно не помню сторожа », который, как пишет Михаил Обуховский, «всегда сидел на продавленном колченогом стуле и в точности, как на Одесской киновуфке (Ильфу и Петрову поверим?), строго вопрошал: «Пропуск!» Наверное, это была курортная карточка. Если пропуска не было... пускал и так!!»

Нам, девчонкам, и в голову не приходило проникнуть, как это делали мальчишки, в тенистые таинственные аллеи наших первых романтических мечтаний через обрыв. Там, где в фантазиях мальчишек разворачивались бои и приключения Гекльберри Финна, в девичьих возникали робкие признания в любви.

А тогда, вскоре после войны, Мама пришла туда со мной потому, что там работала её подруга, тётя Лена. А Маме не терпелось спеть ей новую песню. С тех пор помню: «И, целуя твой затылочек подстриженный, я скажу, страдая и любя, ну не будь, пожалуйста, обиженной...» Я любила, когда Мама пела.

Медучилище Мама заканчивала уже после войны. Правда, я не помню, чтобы она вслух учила акушерство или что-то другое «медицинское». Зато чётко помню, как она расхаживала по комнате с книгой, на которой я уже сама могла прочесть: «История ВКП (б)». Возможно, Мама готовилась к зачету по этому «предмету», который вселял страх не в одну душу в те годы.

Став старше, мы искали среди колючих кустов, справа от входа, целующихся мраморных пастушку (почему, кстати, «пастушку? она ведь была в придворном платье?) и мальшика в широкополой шляпе, наверное, соломенной, в оригинале) в Музее Бурделя, проходя мимо пастушки...)

Но, наверное, - показалось, во всплывшей «оттуда» мраморной скульптуре, у которой было принято клясться в вечной любви...

13. «Давид вышел из больницы» и «Так надо было»

Мои родители были из тех, кто не связывал всё, что творится вокруг, с именем товарища Сталина. Хотя... не мог же Папа, у которого друга с семьёй в одну ночь выселили из города, потому что фамилия его была **Георгопуло**, не задуматься?! Не тогда ли в нашем семейном альбоме появились фотографии, на которых обрезана левая или правая сторона? Кто ещё был на этих фотографиях? Этого уже мы с Сестрой никогда не узнаем. Но я никогда не слышала от Папы или Мамы ни слова осуждения Сталина. Да и кто из моих сверстников слышал? Родители или сами были обмануты, или охраняли своих детей от опасных знаний. Но вполне возможно, что всё, что касалось политики, родители обсуждали на идише. Мы же с сестрой думали, что это про нас. Сестра (а потом и я), заслышав идиш, кричала: «Я не хочу спать!»

Помню, как намёками говорили о муже папиной сестры, той самой тётки Ани, Давиде, который работал в исполкоме Симферополя.

Но в 53-м или в 54-м году пришла телеграмма: «Давид вышел из больницы. Тогда я уже понимала, что это за «больница». Из такой же и наш Папа вышел по амнистии. И ещё я помню, как папа слушал «Голос». И помню абсолютно счастливое папино лицо и его «Ай-да наши!» Кто эти «наши», он не сказал. Но по тому, что Папа запел свою любимую «Ты ж мэнэ пидманула», я поняла, что они очень ему близки. Я не помню год и причину папиного веселья, хотя легко догадываюсь. Но когда Папа опять повторил эту фразу и запел свою любимую песню, помню точно. Это было в 1967 году. В тот же вечер мой муж возвращался на дачу на такси и за столом рассказал нам, как таксист радостно сообщил пассажирам: «Вот наши им врзали!» Папа, вставая из-за стола, напевал «Ты ж мэнэ пидманула».

Я росла абсолютной интернационалисткой. Меня раздражало, когда друг родителей дядя Миша, муж тети Лены, приносил нового «нашего»: мол, такой-то имярек - «айд». Сейчас на мою электронную

почту приходят статьи, из которых я узнаю, что тот или иной знаменитый художник, всемирно известная балерина - гордость русского балета, певец, учёный, космонавты - евреи. Даже о Парижской школе живописи говорят, что она «с еврейским акцентом». И я не знаю, недоумевать или радоваться, что кто-то скрупулёзно собирает эти данные в надежде, что они помогут рассказать правду о моём народе. Так долго запрещалось талантливым людям быть евреем, что сегодня и у Пушкина пытаются отыскать еврейские корни через эфиопа - прадеда. Пушкин останется великим русским поэтом, как Левитан, в чьей национальности ни у кого никогда не было сомнений, - великим русским художником. А вот Лермонтов не воспринимается мною как русский поэт. И Серов, несмотря на героев его портретов, не кажется мне русским художником. В моём восприятии искусства не значится пятая графа. Даже рядом с фамилией «Вагнер» я ставлю не «немец», а «фашист».

Но сегодня я больше понимаю желающих восстановить истину.

Помню, как, сидя на плечах у Папы, вплывала с Малой Арнаутской на Гимназическую. И вдруг какой-то нетвёрдо стоящий на ногах человек что-то злобно прошипел, добавив: «Мало вас били немцы». Папа быстро поставил меня на тротуар, и... тот человек оказался на земле. Потом он как-то завис в воздухе и опять лёг на землю. Самого удара я не запомнила. Но помню, что Папа сказал: «Так надо было», - взял меня за руку, и под весёлый его свист мы через минуту вошли во двор дома N7.

1955 год. Одесса, 57 школа. Мама одного из учеников, с которым я

ходила в походы, собирает на что-то деньги. С ней ещё чья-то мама. В какой-то момент дама вставляет слово, которое ни один еврей не может спутать с иным. Мне тринадцать лет. Совершенно независимо от меня моя рука поднялась и совершила то, что к тому времени ей уже приходилось пару раз совершать, правда, только по отношению к ровесникам. И именно в этот момент в класс вошла Сарра Михайловна Фрадкина, учительница украинского языка. Я и сегодня помню её побледневшее в тон седине лицо и восклицание: Зина! (а нас в школе называли только по фамилии, наверное, чтобы учителя не забывались).

- Так надо было, - сказала я.

Не знаю почему, но дама никому не пожаловалась. Возможно, потому что свидетельницей оказалась именно Сарра Михайловна.

Возможно, мама моего товарища, с которым не раз в походах мы ловили руками рачков и жарили на голышах или крышках от консервных банок, отсоветовала. Молчали и одноклассники. Думаю, я напугала их. Мои родители ничего не узнали: в моём многострадальном дневнике это замечание не появилось, хотя «Опять дралась на перемене» ещё несколько раз красовалось. Вот только, причина, по которой я «опять дралась», не значилась.

Однажды моей жертвой стала одноклассница, у которой четкая запись в 5-ой графе была точно такой же, как у меня. Но она решила, что, назвав себя русской, избавится от неприятностей. (Сегодня и эта моя одноклассница живёт в Израиле.) Той тринадцатилетней девчонке такую наивность сегодня я могу простить, но государству, внушившему

Первый Ту-би-шват и первое дерево в жизни!

ребёнку необходимость такой лжи, - никогда.

Через много лет в Новосибирске в школе 160, где я работала и учился мой старший сын, ко мне подбежала взволнованная коллега: «Зинаида Яковлевна! Там ваш Саша дерётся!»

Саша дерётся? Это было почти невероятно. Я быстро направилась к выходу. Навстречу шёл мой пятнадцатилетний сын и на мой немой вопрос спокойно бросил: «Так надо было».

И как же смешно и грустно было мне слышать, как вслед моему младшему сыну, светловолосому и голубоглазому четырёхлетнему израильянину, смуглые сабрыта кричали «руси масриах». Что было - то было. Это уже потом, когда ему было лет 13-14, они бесконечно звали его починить компьютер, уважительно говоря: Гаон! (гений). Правда, слова в превосходной степени, высказанные по отношению к детям в Израиле, не стоит принимать буквально, даже если их произносит учитель.

14. Крутая лестница в детство

Но вернусь в дом N7 по улице Гимназической. Я знала этот двор, как свою квартиру.

Посреди двора на высоких столбах высилась голубятня. Задние столбы почти примыкали к расположенным за ними сараям. Голубятня принадлежала старшему сыну армянки, жившей в небольшой квартирке, вход в которую примыкал почти вплотную к железной винтовой

лестнице. Кажется, его звали Володя.

По этой расположенной напротив ворот в глубине двора лестнице я поднималась к тётке и братьям. Младший, Юра, почти до трёх лет не желавший говорить, первым словом почему-то выбрал именно «лестница».

Возможно, ему страшно было по ней спускаться-подниматься. Сейчас я смотрю на фотографию этой лестницы, и она не кажется мне такой крутой, как в детстве. Юра был красивым и забавным ребёнком. Я его очень любила и часто приходила с ним поиграть. Иногда поднимался со мной маленький племянник, гостивший у армянки, и мы все вместе смеялись, заставляя его читать стихи.

- СТоТом- боТом,
БоТом - сТоТом
Одит алТа

Мимо оТон, - старательно читал черноглазый малыш.

Я не помню, как звали колоритную армянку, её мужа и сыновей, но всё семейство проявляется перед моими глазами, как когда-то снимки в ванночке с проявителем. Голубей люблю с тех пор. И, читая грустную и светлую книгу Меира Шалева «Голубь и мальчик», я каким-то внутренним зрением видела себя, поднявшую голову к небу, в котором постепенно превращались в точки выпущенные голуби. И слышала успокаивающий не то меня, не то самого себя голос двоюродного брата Оськи: «Они вернутся. Это почтовые».

А зимой в середине двора открывалась дверь сарая и... на свет и снег

сквозь арку, образованную столбами и перекрытием голубятни, как сквозь царские ворота, выкатывались сани. Большие, как на картинке в книжке, только без лошади. Но мы по очереди прекрасно исполняли её роль. Сани сделал Папа. У него вообще были прекрасные руки. Когда он поломал ногу (кстати, в квартире того же Георгопуло, где я впервые увидела лестницу внутри квартиры), он нам с сестрой сделал из фанеры настоящий дом. Мы запросто залазили туда, сняв крышу. Когда не только старшая сестра, но и я уже не могла помещаться в нём, его оккупировала наша кошка Матька.

15. «Китя \ Маквала»...

Об этой кошке можно написать приключенческую историю.

Заканчивалась бы она сентиментальным, но правдивым рассказом о том, как Матька, пережив с нами немало переездов на дачу и с дачи, вдруг исчезла, заставив всех искренне страдать, а года через три-четыре пришла на дачу - умирать. А начиналось всё с того, что в доме появился крошечный смешной котёнок, которому кто-то дал имя Мотя. Я не помню, сколько мне было лет и из-за этого ли существования меня потом передразнивали: «Китя маквала, маквала. Она теля у куню. Я отиля дев, и она пося у куню».

Эти рассказы о себе, маленькой, я очень любила слушать. Наша Мама потрясающе копировала детей, и когда она повторяла мои детские

лингвистические изыски, я купалась в любви. Мама вспоминала, что её подруги, придя и услышав, что ей нужно на работу, говорили: «А мы не к тебе, мы к Зинке». Через много-много лет кто-нибудь из бывших учеников, зная мою вечную занятость, иногда предупреждал меня ещё в дверях: «Я не к вам, я к Грише».

Так вот, этот Мотя очень скоро оказался Матей. Мама-акушерка поняла это первой. А однажды в нашем с Сестрой ватном одеяле что-то зашевелилось и запищало. Это Матька, покинув «родильную палату», оборудованную для неё Мамой, разорвала ткань и перетасила в ватное нутро одеяла своих первенцев. Я отлично помню заплату из красного флажка, которую положила потом на одеяло Бабушка. Сквозь красный ситец просвечивали белые буквы. Много лет спустя я узнала, что у нашей Бабушки было красивое имя - Марыся.

16. Бабушка

С Бабушкой связано чувство вины, которое чуть приглушилось после нашей встречи с Сестрой в Одессе в апреле 2011 года. Я и поехала ради того, чтобы рядом с ней постоять у могил Папы-Мамы и Бабушки. Возле тех мест, где покоятся звуки и запахи моего детства. У Бабушкиной могилы, к стыду своему, я постояла впервые за несколько десятилетий. Боже, как долго мы искали её старенький низенький памятник! Но я знала, что не уйду, пока не зажгу свечку, привезённую из Израиля,

и не скажу то, что давно должна была сказать.

Я не помню, целовала ли меня Бабушка, но помню её руки, натягивающие мне, почти уже спящей, на ухо одеяло. Я и сегодня не могу уснуть, пока ухо не укрыто, даже в жаркие израильские ночи - простыней.

Бабушка любила меня больше всех. Наверное, потому, что выхаживала там, в Ташкенте. Я очень плохо ела, и бабушка придумала игру. Я садилась на маленький стульчик, раскладывала какие-то бумажки и через отверстие в спинке стула продавала ей «билеты», то ли, как тётя Клара в бане, то ли как кондуктор в трамвае. А Бабушка вместо платы мне в эту прорезь протягивала ложку с кашей. Я никогда не кормила так ни детей, ни внуков. Много я бы отдала, чтобы вернуть то время, когда макареньковские взгляды показались мне единственно верными.

Бабушке не было тогда и 60. В густых коротко подстриженных волосах седина едва наметилась. Но выглядела она глубокой старухой. Я поседела значительно раньше, но и в 60 и позже ловила на себе одобрительные мужские взгляды. Что сделало нашу Бабушку так рано такой старой? Раннее вдовство? Война? Гибель оставшейся в Одессе сестры Шуры? Или рак, который убил её, уже подбирался к ней в то время? Бабушка была неразговорчивой и никогда не жаловалась. И, к сожалению, ничего не рассказывала. Мы с Лорой не знаем даже её девичью фамилию. И не у кого спросить.

Я помню, что в доме она занимала совсем мало места. А ведь именно Бабушка варила на всю семью. Это сегодня можно сварить на несколько дней, ещё на несколько сделать заготовки - холодильник сохраняет не

только продукты, но и время. Но тогда холодильников не было. Масло опускали в банку с водой, которую ставили в мисочку с водой. Покупали и лёд. Кажется, он продавался в аптеках. Молоко и суп кипятили каждый день. Теперь я понимаю, что большая, чуть помятая алюминиевая кастрюля, в которой кипятили только (!) молоко, обозначала каширут, который соблюдала Бабушка. И куры, которых мама должна была относить сначала к резнику (я думала, что это фамилия). И гречка, которую мы с Бабушкой перебирали, - всё связано со странной планочкой, которая была прибита к косяку нашей двери. Уже после смерти Бабушки при ремонте эту «планочку» - мезузу рабочие закрасили масляной краской.

Сегодня Мезуза хранит мой дом в Кадиме, в Израиле.

Если бы в детстве я знала то, что знаю сегодня, сумела бы сохранить символ отчего дома. В один из приездов из Новосибирска в Одессу я пришла в ту квартиру на Гимназической 7, в гости к тётке Поле и дяде Сёме Фихманам. Тогда я уже знала, что значит мезуза.

- У меня хранится мезуза, которая была в доме моих родителей в Меджибоже - сказала тётка Поля. Я была потрясена.

Но Поля ещё не поднималась после инфаркта и не показала мне семейную реликвию. Совсем недавно приехавший в Израиль её старший сын Оскар сказал, что теперь мезуза хранится у него.

И окуляры волшебного бинокля повернулись в прошлое: зримо и на ощупь - узелок салфетки, в которой пряталась тарелка с треугольными не то пирожками, не то печеньями. Я должна была отнести это к тётке Поле. Слово «мишлоах» я узнала задолго до приезда в Израиль. Как и «Хонеке-гелт». Наверное, именно Бабушка, как могла, пыталась со-

блюдают еврейские традиции. Пасху отмечали в нашем доме и после смерти Бабушки.

В моём сознании еврейские праздники и песни на идише, которые пела Мама, каким-то образом объединились. Наверное, именно это и помогло ощутить свою связь с людьми со скорбными глазами из югославских фильмов, молча стоящими за колючей проволокой. Никто тогда не говорил о Холокосте. Да и много позже тоже. Я не знала, что это за люди. И дома не говорили.

Я помню, как нарядные Мама и Папа однажды вечером отправились в синагогу на Пушкинской (потом там была спортивная школа). Они шли слушать приехавшего в Одессу Александровича. Вернулись не такими оживлёнными, как обычно возвращались из театра. Что пел в синагоге Александрович, я не знаю.

Бабушки тогда уже не было.

17. Пиня

С Бабушкой связана смешная история про портного Пиню.

Очень небольшого роста, горбатый, Пиня был известным в Одессе шутником. И бабушка была не единственной жертвой его розыгрышей.

Молодая женщина приходит на примерку пальто. Раньше пальто делали на десятки лет. Поносили - перелицевали. (Эту операцию повторяли дважды. Не только Акакий Акакиевич знал этот секрет обновления.) А когда шили из нового материала, не обрезали снизу лишнее, а подшивали: это называлось - «с запасом». Женщина, видя, что пальто едва ли не до пят, просит его подкоротить. «Я не понимаю вас, мадам! - абсолютно серьёзно заявляет Пиня. - Только что была ваша свекровь и просила сделать так, чтобы и она могла это пальто носить». Воображаете, что потом было в доме этой свекрови?! У Пини были овчарка и кошка. Кошка родила котят, которых собака очень полюбила и часто грела на своём брюхе, пока их гуляющая мать отсутствовала. Из местечка приехал его старый друг, увидел эту картину.

Удивился:

- Пиня, что это?
- Ты не видишь? Собака родила котят.
- Пиня, но так не бывает!.
- Не знаю, бывает или нет, но ты же своими глазами видел, как она их покормила, а теперь облизывает.

Бедный Пинин знакомый, вернувшись в местечко, клялся, что своими глазами видел, как собака кормила рождённых ею котят. Так вот, этот Пиня - почти карлик - приходит в голодные годы к нашей Бабушке с огромной наволочкой: были такие большущие перьевые подушки, которые могли запросто служить периной для двухлетнего ребёнка, - и говорит: «Мадам Крупницкая, ваша дочь просила насыпать мне в эту наволочку гречку». Не просто немая сцена. Бабушка чуть не в обмороке. «Пиня! О чём вы говорите? Где я вам возьму гречку?» «Ну, не знаю, мадам, спросите у дочери». Это в годы, когда к супу варили густую манную кашу на воде, разливали по плоским тарелкам, потом нарезали на ромбики.

С Бабушкой связано у меня и физическое ощущение пятикопеечной монетки под пяткой: чтобы на экзамене пятёрку получила. Я успела получить такую монету один раз - на первых экзаменах в четвёртом классе. Через пару месяцев, 1 сентября, придут из больницы сказать, что Бабушки больше нет. Моя Сестра прошла с этой монеткой все экзамены. И хоть я и без монеток училась прекрасно, но и сейчас так хочется, чтобы кто-то положил мне в трудный момент в туфлю пятак.

18. Папа

Всё это осталось там, в Одессе, в доме 75 по улице Канатной (Свердлова), на высоком четвёртом этаже, в квартире 9. Я и сегодня слышу Папины шаги на этой лестнице. Бывает ли ностальгия по шагам?... Я начинала слышать их, как только Папа преодолевал первый пролёт. Почему-то они всегда вызывали у меня волнение, и я бежала открывать дверь и смотрела в пролёт, а Папа подымал голову и улыбался. Папа был первым мужчиной, о котором мне захотелось заботиться. Только мне Папа доверял гладить его рубашки и брюки, если ему было некогда. Первый раз на моё предложение погладить рубашку Папа недоверчиво посмотрел на меня. Мне было лет тринадцать. Он не знал, что гладить меня научил ещё год назад «мастер высшего класса». Это была очень колоритная и очень, как я тогда думала, пожилая пара - Циля и Илья Рувинские. Наши веранды смотрели друг на друга, разделённые маленькой площадкой. Детей у них не было. Илья называл свою жену «Цилечка-красавица». Произношение при этом было одесско-еврейским. «Красавица» была внушительного размера и... брилась. «Ильюшенька» (именно так) забегал жене все дороги. Что правда - то правда, Циля была по-женски мудрой... Были они очень богаты, но из тех, кто работал и головой, и руками. В то время они разрисовывали и продавали шёлковые платки. Это была трудоёмкая работа, хотя они и пользовались трафаретами.

Однажды, увидев, как я глажу «белый верх» от «чёрного низа» пио-

Такого Папу помнит только Сестра

нерской формы (обычная белая мальчишковая рубашка), дядя Илюша подошёл и показал, как легко, быстро и хорошо это сделать.

- У мене била гладильня, - объяснил он. - Я бил майстер высшего класса!

Папа остался доволен. Дядя Илюша тоже считал, что я хорошо усвоила его урок. Самое смешное, что в Израиле, где рубашка и костюм на мужчине - большая редкость, я продолжаю совершенствовать мастерство: младшему сыну полагается именно так приходить на работу, особенно в командировках.

Я любила смотреть, как Папа бреется. Долго и аккуратно он точил опасную бритву на специальном ремне, в металлическом стаканчике взбивал мыльную пену. Я смутно догадывалась, что для мужчин этот процесс имеет какое-то особое значение. Мне казалось, что Папа любит меня меньше, чем Лору. Её он называл «любимька». Странно, но я не ревновала к Сестре ни Маму, ни Папу. Такой неревнивой и осталась. Не прощаю близким людям только невнимания.

Знаю, что когда я стала взрослой, Папа мной гордился. Больше тридцати лет нет Папы, но сегодня сознание этого согревает меня больше, чем в те годы. Выросший в Меджибоже в многодетной семье, чуть ли не с детства работавший с братьями в лесу, Папа любил и умел хорошо одеваться. Был он необыкновенно опрятен, элегантен, прекрасно сложен. В его глазах всегда мелькали весёлые искорки. Война украла у меня возможность познакомиться с Бабушкой и Дедушкой, и я не знаю, от кого Папа унаследовал внутреннюю интеллигентность. Он умел как-то незаметно делать добро, никогда не напоминая об этом. Я никогда не слы-

шала, чтобы он кого-то упрекал или осуждал. У Папы среди знакомых и сослуживцев была кличка «Рэбэ»- раввин: он умел спокойно дать совет и помочь разрешить трудные ситуации без излишних обострений.

Женищинам он нравился до самого последнего дня жизни. И мы с сестрой были в него влюблены. Тогда никто ещё не слышал фамилии Окуджавы. Этот свет войдёт в мою жизнь позже. Но мои новосибирские ученики и друзья моей Сестры, глядя на портрет нашего Папы, думали вначале, что это - Окуджава.

Я, взрослая, помню очень многое, но семилетняя непоседа, спрятанная во мне, помнит папины руки, которые смазывают мои вечно разбитые колени йодом или смесью стрептоцида и сливочного масла. Наверное, Мама подсказала этот рецепт, но готовил эту «мазь» и лечил мои колени исключительно Папа.

19. Лето

Этот ритуал принадлежал лету, когда я лазила по деревьям, склонам и скалам. Лет шести - семи я любила лежать на обрыве между 12-й и 13-й станциями Большого Фонтана в цветущем разнотравье, следить за тяжёлыми усилиями муравья, тянущего добычу, в несколько раз превышающую его по весу и длине, и, прищурив глаза, воображать, что я в заколдованном лесу. Когда у другого моря я увидела те же жёлтые, головки одуванчиков, я непроизвольно улыбнулась, даже не осознав при-

чину. Восемь лет назад, после самых страшных дней (вот уж точно: «и дольше века длится день» - каждый из семи), я ехала автобусом на работу в Хадеру. Предстояла встреча с двенадцатым классом. Предстояло просто переступить порог школы, а потом класса. Старательно прятала себя от пассажиров, повернувшись лицом к окну. И вдруг за окном полыхнуло тысячью маленьких солнышек. Наверное, мои губы привычно улыбнулись этому чуду, потому что обруч, сжимавший горло, ослаб.

Ещё я любила бродить по роще в самом конце нашего Львовского переулка. Он в то время и заканчивался этой рощей. Я чувствовала себя открывателем новых земель, когда впервые пошла в обратную от нашей дачи сторону. Я возвращалась от учительницы музыки, Софьи Каземировны. Это была старая худая дама из бывших дворян. Её невозможно было называть иначе, хотя она жила в каком-то странном строении (метров десять от силы), сплошь уставленном до потолка коробками и корзинками. Она и спала на коробках, которые были покрыты чем-то средним между ковром и одеялом. Комнатой правило пианино, на котором стоял метроном. Мы с сестрой по очереди ходили к ней играть, чтобы за лето не растерять то, чему научила нас Изабелла Ильинична Воверко. Она жила в том же доме в Авчинниковском переулке, где родилась Мама. Мы её очень любили.

Но мне и терять, сказать по правде, особенно нечего было: прекрасный слух и голос нашей Мама, наверное, решили, что мне нельзя владеть таким наследством. Друзья, знающие, как помогает мне вы-

живать классическая музыка, наверное, удивятся, услышав, что я никогда не могла подобрать по слуху и простенькой мелодии. И в комнате Софьи Каземировны, странно завораживающей меня прячущимися во всех углах тайнами, я больше думала о том, какие сокровища скрывает в коробках моя репетиторша.

Сейчас, размышляя, почему она не выбросила этот хлам (ведь наверняка не пользовалась их содержимым из-за физической невозможности достать что-то из поставленных одна на другую до самого потолка разбухших коробок), я понимаю, что спрятанное в них прошлое помогло ей жить. Не удивилась бы, если б оказалось, что в одной из коробок она хранила диплом об окончании Института благородных девиц, как Катерина Ивановна Мармеладова. В 62-м году в доме моей пожилой приятельницы Антонины Соломоновны Бобович я встречала другую даму, очень напоминавшую Софью Каземировну. Она была вдовой директора «сумасшедшего дома». В память о муже выделили ей крошечную комнатку там же, на территории психиатрического диспансера на улице Свердлова (Канатной). У неё была необыкновенная осанка. Когда он сидела с абсолютно прямой спиной, держа в изящной руке сигарету, совершенно забывалось, что на ней довольно ветхая - уже позапрошлого века - одежда и что ей - 90. Вот у неё точно был такой диплом, и она действительно танцевала на балу с царём, как бедная Катерина Ивановна.

А тогда, возвращаясь с урока, я повернула в сторону роуци. Было сладко и страшно представлять себя в лесу, полном опасности.

Через несколько лет я водила в эту роуцу детей, собранных со всех

окружных дач. Их родители с недоумением смотрели на 13-14-летнюю девушку, так странно проводившую летние каникулы. Предварительно я прятала в роцце письма от мифического отряда «Дружба», чертила стрелки от дупла к камню, от камня к кусту - ко всем тайникам. Дети были в восторге. Много лет спустя Юра Идельс, уже заканчивавший в то время Новосибирский университет, спрашивал: «Зина, ну скажи, был отряд «Дружба»?»

Сегодня Львовский переулок стал широкой улицей. 15 августа 1959 года именно в этом переулке увидела я идущего рядом с моим другом незнакомого парня. Пятьдесят три раза отметили мы с мужем эту годовщину. Там, где была роцца, находится сейчас Гидрометинститут, в котором много лет проработала моя Сестра. В столовой института была свадьба моего сына, Якова. И мы все очень любим прелестную фотографию, на которой очаровательная пара в свадебных нарядах в саду Гидрометинститута... кормит козу.

Но на этой, свадебной, не увидать уже многих близких людей, которые остались только на фотографиях с Гошиной и Леночкиной свадьбы и Маминоного юбилея.

Когда среди писем учеников, фотографий, газет с моими статьями, рисунками внуков - всей этой дорогой для меня частью жизни, которую хранит папка с наивной надписью «Внукам. Корни - שורשים», я дохожу до компьютерной копии большой книги - раскладушки, сделанной к 70-летию Мамаы, на душе теплеет от мысли: «Как хорошо, что успела!»

На Папин юбилей, который был много раньше, приехать не получи-

лось. Я отправила стихи. Никогда не относила свои вылившиеся в такой форме мысли к поэзии, но мне грустно, что именно эти строки не сохранились. Я не помню слов, помню, сколько любви вложила в них. Папе было очень приятно – так сказала Сестра. Фотографий с Папиного юбилея нет. Как-то не принято было приглашать фотографа, а сами не догадались.

Нет фотографий и со свадьбы Сестры. Но Лорочка и Лёня сделали фотографию сразу после регистрации.

Они регистрировались в Центральном Загсе около Оперного театра. Процедура, хотя и была штампованно официальной, но помещение и обстановка отвечали моменту.

Мы же с мужем регистрировались в невзрачном загсе на Чижикова. Хмурая тётя, до нас выдавшая документ о разводе или смерти, не понимаясь с места, стукнула печатью на «Свидоцтво про одруження» и с презрительной жалостью посмотрела на двух девятнадцатилетних – уже супругов.

Шутка «хорошую вещь браком не назовут», слава Б-гу, не про нас.

...Опять я не заметила, что калейдоскоп в моих руках вращается то в одну, то в другую сторону. Ведь только что, кажется, я видела в его окошке чуть тронутую августовской палитрой территорию перед Гидрометинститутом, козу, таких красивых невесту и жениха. И нашу дачу...

Скромной дачи моего детства нет, как нет и дач наших соседей. На их месте высятся за забором и воротами с кодовым замком внуши-

Как будет «семья» на иврите?

тельные особняки. То лето осталось только в моей памяти. Мне не захотелось проникнуть за ворота. Я подошла к обрыву. Когда-то тут проходил 18 трамвай. Но как-то утром дачники увидели, что большой участок, достигающий почти до рельсов, осел вниз. Трамвайную линию перенесли. По этому обрыву я лазила, часто рискуя если не жизнью, то здоровьем точно. Однажды, буквально цепляясь за травинки, чтобы не потерять равновесие, я взобралась наконец по склону на дорогу и лицом к лицу столкнулась с очень рассерженным мужчиной. Боже! Как он ругал меня, даже обещал выпороть, если ещё раз увидит это. Ни родители, ни Сестра не узнали об этом. У меня было много подобных тайн.

Не знали они, как «проходила» в лагерь, чтобы посмотреть фильм, их младшая дочь. Сначала действительно был лагерь, но и в него нужно было пролезть сквозь металлический забор, находившийся на метра полтора над землёй. Ну, это было сущим пустяком для такой худышки, какой была я. Теперь нужно пробежать незаметно по территории до следующего - сплошного каменного - забора, подтянуться и прыгнуть в дом отдыха «Коммунальник».

В один из приездов из Новосибирска, когда дачи в нашем переулке ещё не возвышались над деревьями, а ворота были чисто символическими, я гуляла со своими детьми на территории этого дома отдыха. Был август. На клумбе уже пылали каны - знак приближающейся осени. Дочка спала в коляске. Я сорвала с клумбы листок «заячьего ушка», дала Сашуле погладить его, как когда-то гладила сама. Посмотрела на забор, с которого мы прыгали, и не поверила себе: как я могла - в темноте!

«На даче моего детства второе и третье поколение.»

- прыгать с такой высоты?!

Но уж очень хотелось посмотреть взрослый фильм. И то, что сидели мы с обратной стороны экрана, нисколько не снижало нашей радости.

Лето на даче - это ощущение простора, голоса родственников, запах вареников с сорванными с дерева вишнями, которые варила и складывала в огромный таз Мама. Мы чистили вишни сначала шпилькой для волос, потом появились машинки для удаления косточек - нечто среднее между штопором и штамповальным станком в миниатюре. Но в любом случае пальцы, а часто и одежда прочно окрашивались в вишнёвый цвет. Белая черешня (ах, какое это было роскошное дерево!) не пачкала руки, но от неё просто нельзя было оторваться, и Мама не могла понять, почему ощутимо изменилось её количество в тазу, уже приготовленном для варенья.

Большие твёрдые зелёные груши на небольшом дереве перед террасой. Их срывали в сентябре, укладывали по одной в старые чулки, а под Новый год доставали золотисто-медовые огромные плоды.

У входа на дачу росли кусты сирени. Сестра, а потом и я искали цветок из пяти лепестков, веря, что тогда экзамен будет сдан на отлично. Весной мы ломали пахучие ветки на букеты для экзаменаторов. Если мне чего-то остро не хватает в Израиле, так это цветущей сирени и ещё свечей на каштанах.

20. Тайны соломенной кушетки

Недалеко от кустов росло большое абрикосовое дерево, которое щедро одаривало нас золотыми плодами. Но я любила зелёные абрикосы, и никакие страшилки, к чему это приведёт, не отпугивали меня.

Это было совершенное особенное место. Какие только секреты ни слышали сирень и старое абрикосовое дерево! На соломенной кушетке, стоявшей под деревом, шушукалась моя сестра Лора с подружками, Финой и Лилей.

Фина - самая близкая Лорина подруга и сейчас. Отчётливо помню тетрадный лист, исписанный инициалами ФЛЯ и ПЛЯ. Это подружки, меняя порядок первых букв, подтверждали свою особую дружбу: вот, мол, и в этом совпадение. Фина была очень хороша, но Лиля казалась мне настоящей красавицей. Собственно, она и сейчас красива. Не помню, почему именно ей я подарила свои фотографии в 50 и 51 году, которые я сама и подписала. Каждый, кто увидит эти «На добрую и долгую память», поймёт, почему по каллиграфии у меня была тройка.

Став учителем русского языка, я прикладывала невероятные усилия, чтобы мои записи на доске выглядели пристойно.

Под этим деревом сидела вся компания Сестры. Что это были за ребята! Они не только состоялись вопреки всем препонам, которые ставила перед ними советская власть, но и не растеряли нежное отношение друг к другу. И у них я тоже научилась тому, что дружба без нежности, без влюблённости всех во всех, без сиюминутной готовности поддержать

На добрую и долгую
память Лиле
Фина 4/1/50

- это не дружба, а хорошие деловые отношения. Среди людей, которые определили многое и в моих интересах, этой компании принадлежит особая роль. Они же не поучали меня - они просто существовали рядом со своими шутками и проблемами. У меня не очень хорошая память на имена, но ребят из этой компании я помню поимённо всех.

Рыжеволосую, не очень красивую, но самую умную из всех девушек Еву Ройзберг, красавца Яню Иткиса, на которого нельзя было не оглянуться. Уже повзрослев, я встречала Яню в читальном зале научной библиотеки и наблюдала, какими глазами провожали его девушки. Когда Лорочка недавно спросила Яню, понимал ли он, каким был красивым, он ответил: «Я был всегда голодный и думал только о еде». Его друг, Слава Урицкий, совершенствовал на скрипке своё мастерство в подвале, где жила его семья. Сегодня, несмотря на возраст, он продолжает играть в Бостонском симфоническом оркестре. Нина Землянкер казалась мне тогда тургеневской девушкой. С годами я поняла, что она, как и тургеневские героини, способна на истинную страсть. Недавно по очень трагическому и слишком хорошо знакомому поводу, я написала ей письмо. Мне нелегко было его писать, но не разница в возрасте или многие годы и страны, которые развели нас, были тому причиной. Шурик Манюшко и Генрих (вот эту фамилию не знала) казались мне, девчонке, аристократами. К сожалению, их уже нет. Брат Шурика, Володя, наверное, испытал в своё время такое же влияние этой компании, потому что у него к Лоре и ко мне сохранилось какое-то особое отношение.

Все девушки, кроме Лоры (мы жили совсем в другом районе), были из

ПЛЯ и ФЛЯ

одного класса, и все парни тоже. Кажется, они познакомились на школьном вечере, куда приглашали девушек из соседней школы. Ну, а ФЛЯ без ПЛЯ просто не могла проводить праздники. Но к экзаменам, особенно по нелюбимой сестрой математике, они готовились вместе. Собирались в одной комнате у Фины, и тётя Фира подкармливала всех. Всей компанией они ходили и к Дюку - за темой сочинения. Не знаю, сохранилась ли эта неизвестно кем придуманная традиция сегодня, но и мы с одноклассниками накануне сочинения шли к нему же. Сегодняшнего доцента, математика Исаия Лазаревича Бродского, которого знают, помнят и боготворят сотни учеников в Мурманске, завалили при поступлении в институт на... математике. Это после того как он стал победителем всех олимпиад. Экзаменатор подкладывал одну задачу за другой. Наконец, явно устав, сказал: «Вот задача, которую я не решил». Санчик (так мы называем до сих пор этого остроумного обаятельного человека) был измотан и эту задачу не одолел. Когда он сказал, что получил по математике (!) двойку, все рассмеялись, решив, что это очередной розыгрыш. Поверить в это было просто невозможно.

Через 7 лет я буду поступать в университет и повторю эту унизи-тельную процедуру 4 раза. Меня не заваливали на сочинении и устном экзамене по литературе - свои пятёрки я получала. Но был ведь и третий (неважно, какой) экзамен, или четвёртый.

Это потом И. Дузь, декан вечернего факультета (у меня уже рос сын, я работала), говорил на выпускном: «Ты найкраща». Сколько таких «найкращих» вообще не получили высшего образования или учились там, куда

допускали, а потом всю жизнь маялись на нелюбимой работе!

Но это через 7 лет, а пока я, как губка впитывала рассказы сестры о скетчах на вечеринках, наблюдала, кто кому нравится, запоминала названия книг, завидовала Лорке, когда она отправлялась на концерт в филармонию. Именно этим ребятам обязана я своей любовью к классической музыке.

К этой же соломенной кушетке потом приводил свою крошечную кукольной красоты дочку первая любовь моей Сестры. Лорин муж, Лёня, научил малышку хулиганской частушке, и мы покатывались, слушая, как это небесное создание лепечет: «Оп-стоп, Зоя»...

Я не знаю человека, более влюблённого в музыку, чем эта выросшая малышка, недавно ставшая бабушкой.

Сестра с Маришкой

«Ага, Лаврисонька!»

21. Топ-топ по дорожке

Сколько детских ножек топали по нашему, в сущности крошечному, дачному участку! Все племянники и племянницы Папы, их дети и дети наших друзей. Дети со всего Львовского переулка, для которых я была воспитательницей, вожатой, волшебницей, хотя некоторые из них были младше меня всего на несколько лет.

Потом переваливался в смешных штанишках первый внук наших родителей - Гошенька, сын моей Сестры.

- Нюсель! Нюсель! - отчаянно кричал он, услышав долгожданный колокольчик. Двухлетний кудрявый малыш уже понимал, как мы боялись пропустить машину, забирающую мусор. Удивительное свойство есть у времени: когда я прибежала с работы, чтобы помочь Сестре запеленать племянника для прогулки, я была, казалось, непреодолимо старше его. А совсем недавно тетя и племянник сидели и на равных разговаривали о жизни. И никакой особенной разницы в возрасте я не ощущала. И с его женой, ставшей всем нам родной, мы говорим, как везде и всегда разговаривают две доверяющие друг другу женщины.

Мой первенец, Саша, топал по той же дачной тропинке. Через четыре года мои родители дождались наконец внучку - Машу. А ещё через четыре я, уже на девятом месяце, села на качели и сказала: «Покатаю Яшеньку».

- Ты с ума сошла, - воскликнула Мама. - Нельзя по живому отцу!

- Кувэд нужно отдавать при жизни, - ответила я, употребив одно из

немногих слов на идише, которые знала. И как в воду глядела: этот мой сын очень похож на Деда.

Через шестнадцать лет я привезу рождённого в Новосибирске младшего сына.

Внуку Сестры, племяннику Гришули, рождённого через 2 месяца после нашей серебряной свадьбы, будет уже восемь месяцев.

22. Что роднит абрикосы с кедровыми шишками

Я не знаю, как выглядит дачный участок сейчас. Но знаю, что абрикосового дерева, под сенью которого шептались на кушетке Сестра и её подружки, нет.

В свои тайны меня, тогда восьмилетнюю девчонку, девушки не посвящали. Зато у меня с деревом были свои отношения. Там, на его широких ветках, я устраивалась с книгой. В лет тринадцать я до обморока испугала Маму: ветка, на которой я раскачивалась, распевая песню из кинофильма «Стрекоза», наверное, не выдержав моего фальшивого пения, издала угрожающий треск, и я... Нет, не упала, потому что схватилась за нижнюю ветку и прыгнула. Расстояние до земли было явно меньше, чем с того забора. Лазать по деревьям было моим личным видом спорта даже в юности.

Что там - в юности! Я ещё долго проделывала эти «упражнения», отправляясь со своими учениками в лес. Но как страшно взрослым смотреть на карабкающихся по стволу детей, я поняла, когда повезла своих учеников на Алтай. Я стояла внизу, и, задрав голову, смотрела, как где-то уже почти на облаках, на которые раскинули ветви высокие кедровые деревья, мои шестнадцатилетние ученики рвут и сбрасывают вниз пахучие шишки. Падая одна за другой сразу с 5-6 деревьев, они стучали тревожной барабанной дробью, но моё сердце стучало громче падающих шишек. На моё семидесятилетие мой бывший ученик, уже генерал-майор, сделал мне королевский подарок - поездку на Алтай. Со

мною поехала (ну, как не подивиться закономерности... случайностей в моей жизни! Но об этом позже) дальняя родственница.

Сабина, которую я узнала только в Израиле, моложе меня на 18 лет. Слава богу, что это не мешает нашей дружбе. В сентябре, подняв голову в алтайское удивительное небо, я опять увидела прокальвающие облака верхушки деревьев над быстро текущей Катунью и рассказала Сабине, как рвали мои ученики шишки. Она посмотрела на меня, если не с ужасом, то с явным осуждением. Я и сама не понимаю, как могла тогда отважиться привезти сюда своих старшеклассников? Наверное, эта способность совершать рискованные поступки осталась во мне, если я, не задумываясь, в свои 70 лет впервые (!) села на коня, чтобы подняться на гору Белый камень, а это 700 метров вверх. Да что там вверх! Вот вниз было куда труднее. «А ведь это точно, как в жизни, - вдруг пришло мне в голову, - старость - тот же опасный спуск...» Не знаю, о чём думала Сабина. Мы молча смотрели на простирающуюся внизу красоту, от которой перехватывало горло.

Своим младшим внукам я привезла с Алтая шишки. И родившиеся в Израиле погодки не могли понять, как их чистят.

23. Моя роза

Вот, опять память увела меня из прошлого в будущее, словно я повернула мой любимый калейдоскоп и всматриваюсь в новый узор. Я прокрутила его в обратную сторону и вернулась на дачу. Да разве вернёшься в калейдоскопе на тот же рисунок?

Перед верандой в центре небольшого участка была клумба с розами. Сколько раз я вставала затемно, надеясь увидеть, как распускаются плотно сжатые лепестки! Роза называлась чайной. Я думала, потому что из её лепестков варили варенье к чаю, но оказалось, что это из-за цвета. Сколько сортов этих дивных цветов я видела в разных странах, но при слове «роза» вспоминается та, растущая на клумбе на нашей даче. И, когда я в Новосибирске объясняла пятиклашкам, почему так важен танец роз в спектакле, который мы репетируем; что слышит в этой музыке, написанной специально для спектакля нашим другом композитором Григорием Гоберником, Маленький принц (Илюша Карауш сегодня уже режиссёр); чем была притча о единственной Розе для автора, роль которого исполнял тот самый генерал-майор Андрей Бахвалов, я видела ту свою дачную розу. И, читая через много лет уже в Израиле своим ученикам «Маленького принца», я тоже видела её.

Я и сейчас вижу эту чуть растрёпанную уже розу и даже слышу, как гудит в самой её сердцевине майский жук, вижу, как сверкает на солнце его изумрудный панцирь. А откуда-то из тайников памяти выплывает коробочка с красавицей-гусеницей. Мы с двоюродным братом Оси-

ком были уверены, что это шелкопряд, потому что нашли ее рядом с шелковицей. По крайней мере, я точно так думала. Положила в коробочку листья и ждала, пока она начнёт выпускать (о способе я как-то не задумывалась) шёлковые нити.

Когда меня ещё заставляли днём спать, я лежала в маленькой боковой комнате с деревянным потолком и следила, как дикие пчёлы то и дело ввинчиваются в почти невидимые отверстия в балках. Странно, но я не боялась их.

На террасе, прямо над обеденным столом, ласточки свили гнездо. Чтобы не разрушить птичью обитель, но обезопасить нас от их щедрот во время обеда, Папа повесил фанерный лист под гнездом так, чтобы ласточки спокойно могли прилетать к своим пищащим детям. Фанера с внешней стороны была выкрашена голубой масляной краской, и мне казалось, что это кусочек неба заглядывает к нам. В те мои детские годы на веранду сквозь решётчатую стену из скрепленных наискосок дранок просвечивало солнце, а вовнутрь пускал свои усики виноград. Я не только помню, как Папа скреплял крошечными гвоздиками новую «гармошку», чтобы заменить ею поломанный кошкой кусок, но, мне кажется, что чувствую занозы, вошедшие в мои пальцы из дранки. Это опять сбрасывает «третья память». Потом Папа покрывал эту просвечивающую ромбиками стенку зелёной краской. Моя рука уже не проходила в маленькое это отверстие, но и трёх пальцев было достаточно, чтобы отщипнуть от тяжёлой грозди несколько ещё зеленых виноградин.

24. Марик Большой

Переезжая в сентябре в город, мы недолго ощущали, что это совсем небольшое пространство. Недавно вспоминали с Сестрой, что и в трудные годы мы не чувствовали себя обделёнными. И тесно нам в смежной двухкомнатной квартире не было, хотя с нами жил в то время двоюродный брат из Киева, высоченный, как мне, малышке, казалось, и очень красивый Марик.

О нём говорили «Марик Большой», потому что в родне было три Марика.

Спасли мы в одной комнате: я с Лорой валетом на кровати, Бабушка на чёрном кожаном диване, а Марик на раскладушке.

Мало того, что сестра во сне била меня ногами, она ещё и разговаривала иногда. Хоть мне и было лет шесть, но если Лора, уснув раньше, начинала что-то бормотать, я вступала в диалог. Было очень смешно, когда она вдруг отвечала.

Марик пользовался её ночным бормотанием изуистски. Как-то он сказал, что во сне Лора боялась, что Мама узнает про двойку. И, увидев, как испугалась Сестра, понял, что попал в точку.

Через какое-то время он попросил её сбежать в магазин за папиросами, а сестре не хотелось.

- Не пойдёшь? Ладно. А я расскажу тётке Лиде про твою «пару.»

Марик был любимцем нашего Папы. Наверное, он мечтал о таком сыне. У них с Мариком было общее увлечение - рыбная ловля. В Америке с Мариком любил ловить рыбу Лорочкин сын, Гоша. Мне приходилось терять

самых родных людей, И всё-таки смерть Марика Большого до сих пор отзывается глухой болью. Для Папы Марик с годами стал близким другом. Если у Папы были неприятности, знал об этом только Марик.

С Мариком наша квартира на Свердлова становилась светлее. Только Бабушка после одного случая с опаской поглядывала на его руки. Он любил разыгрывать Бабушку. У Папы после войны оставался пистолет, который он время от времени чистил. Обычно в туалете. Уж не знаю, почему в тот день он решил сделать это в комнате. Первая комната, она же столовая и спальня родителей, была пятиугольной - один угол был срезан встроенным большим окном. Похожий на рыбацкую сеть занавес с этого окна до сих пор хранится у меня. По краям его, хотя прошло почти пятьдесят лет, ещё видны зубчики от гвоздиков, вбитых в раму, на которой его сушили.

У окна стоял письменный стол. За ним чистил пистолет Папа. Мама сидела у обеденного. И вдруг раздался выстрел. Пуля, оставшаяся в стволе и забытая Папой, ударила в стул, на котором сидела Мама, рикошетом отлетела и... вошла в письменный стол. Папа побледнел, Мама окаменела. А наша маленькая худенькая Бабушка, схватив меня в охапку, бросилась из комнаты. Стол потом затащили коленкором, и я любила водить пальцем, пока не нащупывала вмятину на его поверхности.

Я вообще любила этот стол. Мои пальцы до сих пор помнят прохладную бронзу голов декабристов, украшавших письменный набор, и тяжёлую тёмно-зелёного мрамора подставку с чернильницей. Любила раскачивать пресс-папье. Не помню, бронзовая головка кого из декабри-

Марик Большой с внуком любимого дяди, и тоже Яшей.

Еду в Киев! Одна!!!

стов - кажется, Пестеля - украшала прибор, назначение которого непонятно современному школьнику: дно «лодки» покрывалось полосой розовой промокательной бумаги, которую сверху прижимала мраморная пластинка, надетая на штырь. Вот на него и навинчивалась бронзовая головка. Когда я раскачивала пресс-папье, казалось что плывёт корабль, а капитан стоит на палубе. Я же была одесским ребёнком.

Но за этим столом мне разрешили сидеть позже. А тогда я и в школу еще не ходила. После случая с пистолетом Марик любил пугать Бабушку, он брал в руки спичечный коробок, как берут пистолет, и звал: «Бабушка!» И... я моментально оказывалась в другой комнате. Сестра до сих пор смеётся: надо же, меня она не хватала, только тебя. С Мариком нас с Сестрой связывали особенные чувства. Наверное, мечта о старшем брате, да ещё о таком красивом и прекрасном спортсмене, воплотилась в нашем трепетном к нему отношении. Но ко мне у него было отношение скорее ироничное.

Когда мне было лет 11, Папа посадил меня в поезд «Одесса - Киев». Первое путешествие - на настоящем поезде, а не на «кукушке»! к тётке Нэне и дяде Соломону! А там чемпион не то по боксу, не по борьбе Марик, который говорил Сестре и мне «рыбонька», и Томка, моя ровесница, и красавица Розочка, их сестра! Папа вручил мне 100 рублей и сказал: «Купи себе штапель на чёрный передник и на белый. И ни в чём себе не отказывай». Тот, кто помнит цены тех лет, наверняка поймёт коичность этой фразы. Чувство юмора, наверное, рождается вместе с человеком: словами «и ни в чём себе не отказывай» я потом подразнивала Папу, а выражение вообще вошло в семейный лексикон.

25. Киевская «мешпуха»

Папин брат, Соломон, воспринимался мною, девчонкой, похожим на появившийся через много лет смайлик - круглый и улыбочивый. Даже в 11 лет я понимала, что его утренние шутки, которые он бросал своей жене, были про ЭТО. Надо понимать, что он, как и мой Папа, был в молодости тем ещё озорником, «мамзер», как, смеясь, называла их в своих рассказах папина старшая сестра. Правда, первенство в проделках принадлежало Папе

Не могу себе простить, что поздно начала расспрашивать тётю Басю о Семье. Некого больше спросить. Сколько смешных, сколько трагических страниц семейной летописи так и останутся незаполненными. Это от тётки Баси узнала я, что ещё в детстве Папа получал взбучку от Деда за то, что в течение недели забегал в лавку и просил от имени своей мамы то на 2 копейки конфет, то на пару копеек ещё чего-то. Перед субботой, придя в лавку, Бабушка слышала:

- Мадам Прейгер, Вы ещё должны...копеек. Ваш Янкеле такого-то числа брал то-то.

Сладкоezza-Янкеле мог опустошить банку припрятанного к зиме варенья.

Я не помню, любил ли Папа сладкое. Вот макароны точно любил. Кухня была далеко, и поэтому кастрюлю или казан ставили на подставку с краю стола, и Мама наполняла наши тарелки. Увидев протянутую Мамой полную тарелку макарон по-флотски, Папа неизменно воскли-

цал: «Кэцелэ! Это очень много!» Вторую такую же полную тарелку Папа принимал из маминых рук молча. Мои близкие знают, что макароны - моё любимое блюдо.

Когда Папа стал уже красивым юношей, он бросал через забор девушкам букеты, в центре которых прятал колючий чертополох. Судя по всему, многие проделки Папа совершал со своим братом.

Оба были очень красивыми в молодости. Часто с сожалением думаю о пропавшей рукописной книге Соломона. Сколько интересного и важного о семье я могла бы узнать из неё. А то, что такая книга существовала, я слышала от него самого.

Дядя Соломон был куда более сложной личностью, чем казался. Или хотел казаться. Мне, взрослой, только однажды выпало поговорить с ним серьёзно. Был дядя тогда уже опасно болен и сам мне объяснял: Понимаешь, это как груша резиновая, но в сердце. Когда-нибудь она лопнет.

Киев до сих пор ассоциируется с абсолютным счастьем, которое сопровождало меня в этом городе и в отрочестве, и в юности. И моего будущего мужа я привезла в Киев. Самый старший папин брат, Абрам, тогда уже был слепым. Он провёл ладонями по лицу моего юного жениха: «Хороший парень. Выходи за него». Его жена Сима промолчала, но посмотрела на меня с жалостью: мой будущий муж не был евреем. Знала бы она, сколько раз моему мужу придётся отказываться от очень престижных и интересных научных разработок. Очередной раз услышав предложение подобрать сотрудников с подходящей пятой графой, он просто больше не возвращался к этому человеку. Я узнала об этом слу-

Первенец, Эйdl и Идла - Абрам

чайню через много лет. Когда нашему старшему исполнилось тринадцать, я попыталась сказать что-то о совершеннолетию по еврейской традиции (не так уж много и знала), но Сашиа остановил меня: «Папа мне уже рассказал об этом». Я не удивилась. Папа и мой муж давно уговаривали меня уехать. Самое время признаться, что всю нашу семью задержала на много лет в СССР именно я. Не могла себе представить, как я уеду от своих учеников.

Тётя Сима была, что греха таить, предметом наших шуток. Дети - народ жестокий. Мы смеялись, что она по еврейскому религиозному обычаю(?) чулки всегда завязывала под коленями узелками. Ходила она то ли немного шаркая ногами, то ли просто медленно. Гостившая в Киеве малышка Адочка (дочь тёти Раи Прейгер -Починой) , глядя ей в лицо, сказала с детской непосредственностью:

- Ты лягуха.
- Кто? - не поняла тётя Сима.
- Лягуха. Печеляха такая.

Для всего у них в доме была отдельная посуда, и нас, детей, отпугивали какие-то постоянные запреты. То, что наша Бабушка делала как-то незаметно для всех, тетя Сима совершала с причитаниями, вздохами, как будто она чего-то постоянно боялась или была чем-то недовольна. Кто же тогда мог предположить, что через много лет я буду жить в Израиле, познакомлюсь со многими ограничениями, которые накладывают на верующего человека религия, и, хотя не стану соблюдать все мицвот, но буду поститься в Судный день и в пасхальную неделю есть только мацу и разрешённые продукты. Что по субботам буду за-

жигать свечи, а, когда младший сын пойдёт в армию, начну зажигать их по утрам каждый день. Отслужил сын, отслужили армию внучка и внук, ещё один уже несколько месяцев - солдат, через два года подойдёт очередь следующему надеть форму, а там подрастут младшие, погодки. На мой век хватит.

Когда у дяди Абрама обнаружили рак лёгких, они приехали в Одессу и на даче вся семья натирала древесный гриб чагу – лекарство, на которое возлагали надежду. Я не помню, привезла ли с собой кошерную посуду Сима или ела из нашей.

Дочь Абрама и Симы, Поля, была ровесницей своей тётки, тоже Поли, живущей на той самой Гимназической, 7. И тоже была врачом. Мужа её звали, как и нашего папу, Яша. Он прошёл всю войну и потом остался в армии. Где-то живёт их дочь, Софа, которую я помню угловатым подростком с пышными рыжеватыми волосами. Сегодня уже замужем дочь Софы, которую я ни разу не видела. Младшая дочь Абрама, Рая, не была счастлива в браке. Виной ли было, неумение прощать или так распорядилась Судьба, не знаю. В юности мы не были близки, а потом Рая тяжело болела. А вот с её дочерью, Анечкой, живущей в Германии, и её детьми, у меня очень тёплые отношения.

У неё Басины смеющиеся глаза, и я узнаю в её характере и бьющей через край энергии себя - молодую, хотя впервые увидела её 23 года назад на Яшиной свадьбе, когда она уже была молодой мамой, а близко познакомилась, побывав в Германии. Её дети, Беатта и Алик, как-то сразу признали в нас с Лорой родных, как мы когда-то сразу включали в свою

жизнь новых родственников. Мне нравится Аня, мне вообще близки люди, которые не жалуется на судьбу, обстоятельства, а действуют. Именно такой была и тётя Бася, тоже живущая в Киеве.. Она была старшей из дочерей и, кажется, третьим ребёнком из 13 детей Идэла Прейгер и его жены Эйдл, в девичестве Кибрик. Тётя Бася - это какой-то особенный юмор, часто очень острый, это глаза, которые, казалось, всегда подмечали что-то смешное и потому почти всегда улыбались, это вкус штруделей и детская уверенность, что если что-то не так, то тут же приезжает тетя Бася и всё опять становится хорошо. И даже папина гулька, из-за которой так нервничала мама, оказывается жировиком. Вот этого я никак не могла понять: как это у спортивно-го, подтянутого Папы мог появиться жировик.

Бася и рассказала мне, как все жалели молодую красивую девушку, которая решила выйти замуж за этого «мамзера». Когда мне было лет 13, Мама и Папа взяли меня в кинотеатр «Короленко». Когда зажгётся свет, Мама, указав на солидного мужчину с короткими, как у ребёнка, ручками, со смехом сказала: «Вот этот человек мог бы стать твоим папой. Он очень хотел на мне жениться». Я тут же поджала руки и, помахав ими, сказала Папе: «Слава богу, что мой Папа - ты!» Тогда мы все рассмеялись. А когда тётя Бася рассказывала мне о том, как Папа впервые привёз молодую жену в Меджибож, я подумала: Как хорошо, что Мама не испугалась!

Конечно, штрудели на мою свадьбу пекала тётя Бася. Ей же я обязана тем, что знаю о семье больше многих моих двоюродных. Просто мне

повезло. Я работала в личном архиве Юрия Олеши и подолгу гостила у живущей в Москве папиной сестры, тети Раи. Я очень любила её и её старшего сына Марика (Почина), брата той самой Адочки, к тому времени уже ставшей красавицей.

Любил тётю Раю и мой муж. На защиту диссертации мужа, проходившей в Москве во 2-м Медицинском институте, мы поехали из квартиры тётю Раи. В неё же вернулись. Тётя Рая и дядя Боря первыми поздравили Толю.

В тот свой приезд я каждое утро волновалась перед встречей с вдовой Олеши. У неё в доме работали почти в одно время со мной литературоведы с именем - Чудакова и Беленков. И она часто отзывалась о них достаточно критично. Нетрудно представить, как я себя чувствовала в квартире легендарной Суок, в которой она жила вместе с сестрой, Лидией Густавовной Багрицкой.

А тётя Бася как раз в то время гостила у своей сестры. Спали мы в одной комнате. Поздно вечером, перед сном, расспрашивала я тётю о Дедушке и Бабушке и получала ответы... Мне бы побыть с ней днём... Так и не успела расспросить о погибшей в гетто папиной сестре Соне и её сыновьях Мотеле и Марке.

О Зинделе, погибшем на никому не нужной финской войне. Фотография военного в шлеме и со шпалами на шинели напоминает мне, что я названа именно в его честь, но каким был мой дядя, я уже никогда не узнаю. Он не успел жениться на любимой женщине, и её имя мы тоже не знаем.

Эйдл Кибрик-Прейгер

Идл Прейгер

Соня и её муж, Пиня

Мотл

Марик

**22 сентября 1942, в Йом-Кипур,
около 1000 евреев Меджибожа расстреляны
немцами и украинскими полицаями в оврагах Буга.**

Зиндель Прейгер.

Погиб на Финской войне

Когда все были живы. Бабушка Эйдл с детьми и внуками в Киеве

Не узнаю и о жившей в Москве, но рано умершей тётке Розе. На красивую молодую женщину с фотографии похожа моя Сестра. А вот дочь тётки Розы, Симу, полную красивую с громким голосом и весёлым смехом, отлично помню. Она жила в Омске и приезжала к нам на дачу. Умерла Сима в Израиле. И, наверное, мы могли бы увидеться, но я переехала позже и не знала, что и её семья репатрировалась. И мне не кажется, что если я не знала или почти не знала кого-то из родственников, я ничего не потеряла. Наоборот. Я убеждена, что каждая белая страница, каждая не обозначенная именем веточка на семейном дереве обедняет меня. Сегодня я в архивах пытаюсь найти следы большой еврейской семьи Прейгеров–Кибриков

Кибрикам повезло: в архиве многое сохранилось о представителях этой ветви нашего дерева. Дедушка, которого из всей семьи единственного отдали в кантонисты, не мог простить семье труднейших лет в армии. Наверное, его, как и всех кантонистов, склоняли к принятию христианства и смене фамилии. Но он был из тех упрямцев, которые сохранили не только фамилию, но и веру. Уже в Меджибоже он был габаем синагоги. Тётя Бася сказала, что ему доверяли сбор денег для синагоги. Тогда меня её объяснение вполне удовлетворило. Но, собирая архивные справки, я решила обратиться к более точным источникам. Вот как объясняет термин, должность - и косвенно говорит о моём Деле - рав Реувен Пятигорский в газете «Истоки»:

«Сегодня габаями зовут всех членов «совета» синагоги. Но строго говоря, так называются те, кто собирают пожертвования (цдака) на

Синагога в Меджибоже.
Баал Шем Това

синагогу и на нужды общины. Название происходит от глагола «гава», взыскивать. Они же распределяют средства среди нуждающихся. Выбираются в габаи люди исключительной честности и праведности. Впрочем, и на них лежит обязанность периодически отчитываться во всех суммах.

Сегодня габай – должность общественная, ничего экстраординарного в ней нет. Но раньше она была настолько уважаема и почетна, что многие, стремясь ее получить, готовы были заплатить большие деньги (не получая взамен никакой денежной компенсации). Во многих случаях габаем становился староста синагоги.»

Был ли Идл Прейгер старостой синагоги, я уже тоже не узнаю. Но это и не так важно. А вот то, что мой Дед был человеком исключительной честности, наполняет меня чувством, которому я не могу найти названия. Таким человеком Слова был и Папа. Именно поэтому ему доверяли друзья и сослуживцы.

Но я сейчас думаю больше о том, как страдал мой Дед: не в силах побороть обиду на семью, он фактически сам отрезал себя от родных.

Насколько помнит моя сестра, только с одним из братьев, Марком (или Мордехаем?) дедушка поддерживал связь. Не потому ли в нашей семье так много Мариков? Не упрямство ли моего бедного Деда и его умение выстоять частенько проявляются в моём младшем сыне?

Дочь Баси, Женя, гостила у нас почти каждое лето. Бася была вдовой, причём дважды. Первый муж погиб на фронте, второй, Давид Курлянд, относился к Жене, как к родной дочери. Он был на несколько лет моло-

же тётки, но рано умер. Наш Папа помогал Басе. Но никогда в семье об этом не говорили.

Женя была как-то особенно аккуратна и бережлива. Потом я поняла, что это Бася научила её бережно относиться к вещам: ведь новую можно было купить, только продав предыдущую. Кажется, именно Женя научила меня чистить зубным порошком парусиновые - в Одессе говорили «парусовые»- тапочки. Их носили с белыми носками - «карпеточками». Я знала, что тапочки называют теннисками, но это слово у меня, десятилетней, ни с чем не ассоциировалось. Вот про футболки - мужские трикотажные рубашки с воротничком - объяснять никому не нужно было. Такие носили футболисты. Но кто тогда видел теннисистов? Телевизора не было, о таком виде спорта мои одесские ровесники вряд ли знали. Женя - это я точно помню - объяснила мне, и чем лучше всего протирать светлую кожаную (?) обувь - молоком. У неё на кофточке я впервые увидела изобретение додезедорантного периода - подмышники. Всё-таки Женька жила в столице!

О том, что Папа помогал и совершенно чужим людям, я всегда узнавала случайно: Папа никогда не говорил об этом.

А Женя и сегодня говорит, что никогда не забудет дядю Яшу и тётю Лиду за то, что каждое лето принимали её у себя. Ни я, ни Сестра никогда не думали, что наши родители совершают что-то необыкновенное. Потому что и родители вовсе так не считали.

В Киеве, кроме Абрама, Соломона и Баси, жила семья двоюродной сестры папиной мамы, Момци Поляк. У папиной мамы и Момци одна

Момця и Мотл

девичья фамилия - Кибрик. Её сын, Миля, тоже прошёл через нашу квартиру на Канатной и дачу. Сегодня часто слышишь, что родные сёстры-братья годами не разговаривают. Для нас все двоюродные-троюродные были - родными.

Хотя у нас и сегодня с Милей очень тёплые отношения, но всё недосу спросить, почему его мама - тётя Момця - часто становилась героиней шуток. Когда Марику Большому сказали, что Момця чуть не попала под автобус, он тут же спросил: «Автобус сильно пострадал?»

Наш Папа любил Момцины «латкес»- драники, и, когда бывал в Киеве и звонил, что заедет, она встречала его в дверях с тарелкой румяных картофельных блинчиков в руках, чтобы он не успел сказать, что заехал «на минутку». Запах драников - тоже из детства. По воскресеньям нас будил их дразнящий запах. Но и Папе драники напоминали детство. О чём он думал, пока жарил для нас похожие на лохматые солнышки картофельные блинчики, не знаю. Но помню, как Папа рассказывал, что его мама готовила такие же. Это когда же нужно было встать, сколько почистить и натереть картофелин, чтобы на ораву из 15 (если не больше) человек приготовить такой завтрак?!

Момцина сестра Маня жила в Черновцах. Они тоже приезжали к нам в Одессу. Манин сын Сюля был в меня влюблён. А было мне лет 15 тогда. Мы сидели в комнате, когда уже начало темнеть, а из столовой тётя Маня кричала: «Сюля! Что ты там делаешь?»

Мне было очень смешно. Сюля был очень брезглив и постоянно мыл руки. Через лет десять, не помню, как и почему мы с мужем оказались в Черновцах у тёти Мани. У меня даже сохранились рецепты варенья,

которые я у неё переписала. Нас поразило, что все книги в большой библиотеке подписных изданий были обернуты полиэтиленовой плёнкой.

Вот, опять забежала вперёд. В детских сказках герой, чтобы спасти суженую, должен был разгадать три загадки. Одна из них звучала так: «Что на свете всего быстрее?»

В детстве я пыталась отгадать. Не смогла.

Теперь знаю, насколько точен ответ - «мысль». Опять, возникшая случайно, она унесла меня из Киева, в котором я, конечно, больше всего времени проводила у тёти Нэны.

Я и сейчас помню их квартиру на Подоле, 37. Узкую неудобную кухню, из которой вела дверь на чёрный, как тогда называли, ход. В нашей квартире в Одессе в кухне тоже был такой запасной выход. Старшая дочь Соломона и Нэны, Нюсенька, жила уже отдельно.

Небольшого роста, окружённая оравой мальчишек и любящего хорошо поесть мужа, - такой она и осталась в моей памяти.

Конечно, её сыновья тоже гостили у нас на даче. Эдик, старший, был очень красивым ребёнком, Нолик добродушным и смешным, а младший, Сашенька, подарил нашей семье ещё одну любимую фразу. То ли его комары кусали, то ли просто прикосновения успокаивали малыша, но, укладываясь спать, он просил: «Цюхай ме спинку!» Кто-то из нас, чаще всего Мама, «чухала». Казалось, уснул, но только снимали руку, раздавалось: «Цюхай!»

- Сашенька, я устала и спать хочу,- сказала Мама.

И тут же услышала: «А ты цюхай и спи».

С тех пор, если кто-то говорил, что устал, сразу раздавалось: «А ты цюхай и спи!»

Мне кажется, что больше всех по характеру на Соломона похож Нолик.

С каждым Нюсиным приездом в Одессу и моим в Киев мы становились ближе. Когда я лет в 14 написала первые стихи о любви, я прочитала их Нюсенке. Нам никто не мешал. Всё остальное семейство с удовольствием поедало гору блинов, которые мы с ней нажарили. Я не помню ни одной строчки из этой зарифмованной попытки выразить свои девичьи страдания. Но помню, что сентиментальная Нюсенка плакала.

Теперь я понимаю, что плакала она о своей юности.

В тот мой первый приезд средняя, Розочка, на меня тогда мало обращала внимания, она была в том возрасте, когда девушки больше общаются с зеркалом, если, конечно, они такие красивые, какой была она.

С самой младшей их сестрой, Томочкой, мы шушукались, а вот Марик придумал варварскую игру. Они с Нэниным племянником Абрашей, похожим на огромного, как мне казалось тогда, красивого героя восточных сказок, играли мною в «Лови!» Мне предназначалась роль мяча. Из конца в конец комнаты они перекидывали пусть и худенькую, но всё-таки одиннадцатилетнюю девчонку. Сабина, с которой я провела на Алтае такие счастливые дни, - дочь Абраши.

Я успела спросить Марика, помнит ли он, какую игру они придумали тогда. Нет, не помнил. Не помнит это и Абраша. Зато я помню так ясно, что даже ощущаю пустоту «под ложечкой». Не знаю, почему согласилась на это: любовь ли к Марику или желание испытать свою

смелость двигало мною...

Бабушки уже не было. Некому было удержать меня.

26. Печальные тайны маленького переулка

Мы не знаем точно, была ли Бабушка родной нашей маме. Но мамина ближайшая подруга, ставшая ей и нам родной, тётя Лиза, рассказала нам с Сестрой, что мамина мама умерла, а красавец Дедушка женился на Бабушке. Наверное, так и было, потому что уж очень они были разные. Правда, ни одной фотографии Бабушки в молодости не сохранилось. А постарела Бабушка очень рано. На Дедушку похож мой младший сын Цви - Григорий.

Тётя Лиза фактически спасла всю нашу семью: у Мамы были билеты на теплоход «Ленин», который немцы затопили сразу после выхода из гавани, но она отказалась ехать, потому что у Лизы билетов не было. В Джамбуле Мама и Лиза Эпштейн, родившиеся в одном доме N7 в Авчинниковском переулке в Одессе и всю жизнь дружившие, в один и тот же день в одной могилке похоронили своих сыновей.

Помню, в детстве меня странно притягивала фотография Мишеньки. Я пыталась через неё понять, что значит УМЕР. Жизнь очень жёстко объяснит мне значение этого слова.

О том, что бабушкина сестра Шура, оставшаяся в Одессе, погибла в гетто, я не знала. Но знала моя старшая Сестра. Позже я прочитала, что Авчинниковский переулок с конца XVIII века населяли почти только евреи и почти все они были расстреляны. Дорога от родного

Дедушка Моисей Крупницкий

Цви (Гриша) готовится к Бар-Мицве

**Двоюродная Бабушка Шура
? - ноябрь.1941 г.**

Вдруг, 3 ноября 1941 года, открыли ворота тюрьмы и выпустили всех евреев.

Вдоль Черноморской дороги, по тротуарам и мостовой, двигалась сплошная живая лавина. Взглядом нельзя было охватить ни начала, ни конца этой движущейся массы людей — говорили, что в одесской тюрьме тогда было 70000 евреев.

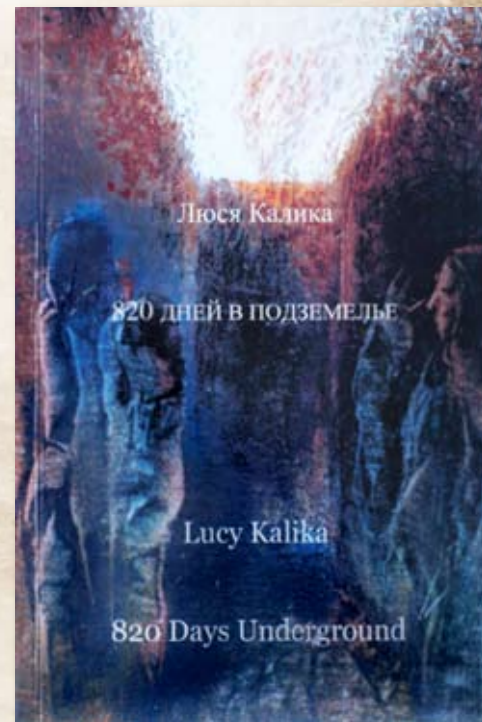
Теперь я думаю: ведь вся эта лавина людей, которую я не могла охватить взглядом, погибла. Из них остались живы единицы, и мы в том числе.

порога до смерти для Бабушкиной сестры Шуры была очень короткой - величиной в крошечный переулочек.

И только недавно, услышав по телевизору накануне Дня Катастрофы о жившей в этом же доме Люсе Калика, я узнала о страшной судьбе жителей дома. Эта удивительная женщина, которую в одесской газете назвали Одесской Анной Франк, провела вместе с мамой, сестрой и ещё 5 людьми 820 дней в погребе под своей квартирой. Из её книги, которая так и называется « 820 дней в подземелье», я узнала приблизительную дату гибели Бабушкиной сестры: ноябрь 1941 год. Всего погибло почти 70 тысяч одесских евреев. Когда мы с Сестрой ходили по переулочку детства нашей Мамы, да и Сестры, зашли в дом, постояли, но не решились позвонить в квартиру, которая прочно хранит Бабушкину тайну, я ещё не знала об этом. Встретилась я с Люсей и прочитала её потрясающую душу книгу позже. Она была много младше Мамы и, к сожалению, не помнит ни её, ни Шуру, ни умершего перед войной моего Дедушку.

Люся рассказывала о своём детстве, а я по её рассказам живо представила, как моя Мама и её подружка Лиза, выпросив у родителей копейку, бежали к коляске, на которой привозили мороженое.

Как осторожно и медленно, растягивая удовольствие, слизывали они таявшее наслаждение. Я сама заворуженно следила, как мороженица накладывает специальной ложкой волшебную ванильную массу. Сегодня ни одно мороженое, даже шоколадное, которое мы с Сестрой любим, не доставляет того особенного удовольствия. Кроме того, мороженое обозначало Начало Лета. Скорый переезд на дачу.

27. Свердлова (Канатная), 75, квартира 9

Сначала начиналась суэта. В узлы, коробки, лоханку и тазы складывались вещи, необходимые для дачи. Потом, кажется, в воскресенье, к нашему дому подъезжал грузовик. На четвёртый этаж поднимался огромный человек со странной фамилией (или именем?) Манжос, которого я поначалу боялась. Мне он казался великаном. Силы он, и вправду, был немереной. А, когда он брал меня на руки, казалось, что я лечу над землёй. С тех пор, когда кто-то двигал, переставлял или подымал у нас в доме тяжёлую вещь, говорили с уважением: Манжос! В последние двадцать с лишним лет это прозвище всё чаще звучит в мой адрес.

Как же скучно жили люди, если мы считались чуть ли не самыми зажиточными среди моих подруг и подруг Сестры. Сестра вообще стеснялась нашего «благостояния». А что это было? Четвёртый этаж без лифта - Папу, умершего от инфаркта в доме того же дяди Миши, принёс на плечах знакомый нашего родственника мясник.

Две смежные комнаты, в которых, кроме нашей семьи, всегда жил ещё кто-то. Ванны в квартире не было, вода до четвёртого этажа поднималась только ночью; её наливали в вёдра и кастрюли.

В четвёртом классе, да и позже, я штопала чулки, натянув чулок на лампочку. Кстати, штопала я искусно.

Квартира была коммунальной. Наши соседи: крошечный колобок - врач Рита Львовна и дядя Жора, преподаватель Мукомольного института, сын тети Риты Марик и мама, которая уже не вставала. Один тес-

ный - даже в восприятии ребёнка - туалет с двумя лампочками и двумя кругами для унитаза. Одна кухня с двумя примусами, которые нужно было накачивать, чтобы огонь из жёлтого стал сине-фиолетовым (печки, на которой ещё недавно жарили блинчики по рецепту, придуманному голодными годами, и буржуйки посередине комнаты уже не было). Позже старчески пыхтящие примусы сменяют бесшумные керогазы, казавшиеся чудом техники, и, наконец, совсем уже чудо - газ и АГВ (кто сейчас помнит, как это расшифровать?). Один железный умывальник, в котором «Жоржик», как называла его жена, намотав на вилку сомнительной чистоты тряпочку, мыл сковородку. Под тем же краном умывались. Прибегавший после занятий его голодный пасынок Марк запускал руку в нашу кастрюлю с борщом в поисках кусочков мяса. Иногда небезуспешно. Кладовка возле туалета, сквозь дырявый пол которой наш дядя Жора провалился в такую же кладовку, но на 3 этаже. Он звал на помощь, а крошечная тётя Рита металась на пяточке размером в одну открытую дверь между туалетом и кладовкой и кричала: Жоржик! Жоржик! Где ты?

Мы с Сестрой умирали от хохота.

Кладовка принадлежала соседям. А в кухне, левее двери, нависал сверху маленький деревянный балкон, и маленькая дверь вела в таинственный мир чердака. Я ставила стул на сомнительной прочности столик и... Это было, как в страшной сказке. Что помню я из своих тайных вылазок? Коробки, старые поломанные стулья и запах. Так пахнет тайна, которую уже не дано разгадать.

Когда я посмотрела спектакль-пантомиму труппы Тьерри «Сияющая пропасть», сразу вспомнила запах нашего чердака.

К тётке Рите часто приезжала сестра, тётя Клара. Она меня спасла от кошмара моего детства. У соседей были две достопримечательности: рояль и гипсовый бюст Гоголя. Я, действительно бесстрашная после лет десяти, в 4-5 панически боялась этой гипсовой головы. Марик же, как любой подросток, чувствовал себя героем, снимая с низенького буфета длинноносое произведение маскультуры.

Однажды свидетелем этой пытки стала приехавшая из Киева в гости тетя Клара. Она схватила Гоголя и грохнула им о пол. Счастью моему не было предела.

Тётя Рита подарила нашей семье ещё одну ключевую фразу, рассказав, как нянечка в их диспансере, которую попросили на пару часов заменить внезапно заболевшую буфетчицу, с тех пор каждый свой разговор начинала со слов КОЛЫ Я БУЛА В БУФЭТИ.

Мы с Сестрой вслед за Мамой всегда с удовольствием присваивали такие фразы. Недавно, узнав, что я заболела, обеспокоенная Сестра позвонила из Сан-Франциско: Ну, тоби лёгше?

И я увидела прекрасные глаза молодой украинки, лежащей со мной в одной палате 1-го роддома пятьдесят лет назад. Мы обе стали мамами впервые. Это ей накануне муж кричал снизу: Ну, ТОБИ ЛЁГШЕ?

Восемь лет назад ушёл мой первенец. Увы, «мени нэ лёгше». Но фраза живёт своей жизнью и вызывает улыбку.

Тётя Рита подарила мне в классе третьем первую личную взрослую

<<Не лёгше>>

(«толстую!») книгу - «Без семьи» Гектора Мало. Недавно я увидела эту книгу на столе одной из моих учениц.

На обложке два мальчика, зарабатывающие игрой на скрипке и дудочке, и пудель. И сразу в Израиль, в мой кабинет русского языка, донёсся с хрустящих страниц запах типографской краски. Выплыло имя Реми и кличка пуделя Капи. Книга произвела на меня тогда такое впечатление, что я, лёжа в постели, «дописывала» её, чтобы лично помочь героям поскорее стать счастливыми. Я часто «дописывала» или «переписывала» финалы книг.

История найдёныша пробудила во мне пугающие мысли, знакомые каждому ребёнку: а вдруг я не родная дочь, вдруг меня подменили?!

Пастернаковское «Мережится, что мать - не мать» явилось ко мне позже, чем это определил поэт. Возможно, эти страхи совпали с очередной взбучкой за очередное моё безобразие.

Мне так захотелось проверить, какое впечатление произведёт на меня, сегодняшнюю, эта сентиментальная история, что я пошла в магазин русской книги. Поздно вечером я открыла первую страницу и прочитала: «Я - найдёныш». Мне предстояло рано встать, чтобы успеть на автобус, но я читала всю ночь, пока не дошла до слов: » На этом я заканчиваю свои воспоминания, написанные для моих родных и друзей».

Кажется, ту книгу привезла из Киева сестра тётки Риты тётка Клара.

Пройдёт время, и в большой комнате тётки Риты гости будут праздновать мою свадьбу, а на покрытом скатертью рояле будут ожидать

своей очереди Басины штрудели и Мамины торты.

Не знаю, почему мои родители почти никогда не хвалили меня в детстве. Может быть, на фоне моей спокойной Сестры я казалась сущим дьяволёнком. Хвалила меня часто тётя Рита. Как-то она увидела, что я починая утюг (сегодня это кажется нелепостью). Когда я включила его в сеть, она сказала: «Ты такая способная, захочешь стать инженером - станешь, учителем - станешь». Почти 60 лет прошло с тех пор, а я помню её интонации. Она же говорила мне «а шейнэ мейдале» именно в те годы, когда я была уверена, что никому никогда не понравлюсь. Мне было лет 13, и этот вопрос меня уже очень волновал. Та же Рита Львовна была спасательным кругом для младшего сына ещё одних друзей родителей - Кадика. Это его мать, тётя Фира, бросилась во время войны на вокзале к дежурному офицеру на вокзале, чем, кто знает, спасла ещё несколько жизней. Сегодня Аркадий Янивкер - известный в Канаде скрипач. А тогда этот двухлетний малыш, встав утром с мокрой простынки, говорил маме: «Это не я, это Ита Воник» (Рита Львовна). Я была старше его на несколько лет и хорошо помню, как он, сидя на горшке, абсолютно правильно «лялякал» арию Кармен.

В каком из произвольных узоров моего калейдоскопа привиделась мне сейчас соседка тёти Фире и дяди Лёли Янивкеров, тётя Маня? У неё было двое детей, а муж погиб. Её судили и отправили в тюрьму, как гласил приговор, «за кражу 100 метров пошивочного материала». А простым языком - за катушку ниток, вынесенную за пределы фабрики. Дядя Лёля был родом, как и Папа, из Меджибожа. Он не сумел пережить

Папин арест. Тёти Фирины котлеты обожала моя Сестра. А их дочь Фину, ту самую Фля, с которой дружила и дружит моя Лора, я давно считаю сестрой. Это Фина, приехав в командировку в Новосибирск, где мы жили, первой узнала, что к нашей с мужем серебряной свадьбе мы приготовили друг другу особенный подарок: у нас будет четвёртый ребёнок. Так что сюрприза для Мама и Сестры не вышло. А от Мама и Сестры полетели в Новосибирск тревожно-недоумевающие письма. Мама ещё успела поддержать на руках своего первого правнука, а потом и его дядю - пятого внука, нашего младшего. Именно к тёте Фире отправилась я, десятилетняя девчонка, поздно вечером, когда серьёзно заболела Сестра, а дома никого не было. И телефона не было. Как я могла, не зная адреса, помня только, что нужно сесть на тот самый 28 трамвай и доехать до конечной остановки, решиться на такое? Тогда я ещё не знала, как часто меня будет выручать, предупреждать и... пугать моя интуиция. Помню, как тётя Фира открыла мне дверь, помню её испуганное лицо. Обратной дороги, проделанной вместе с ней, не помню.

Ну чего все волновались?
Потрясающий малыш родился!

Да, это наш общий подарок к серебряной свадьбе, но из-за чего волноваться?

28. Как слово... отзовется...

Это были годы, когда купить или, как говорили, **достать** книги было очень трудно. Я прекрасно помню высокого, сутулого, очень худого, очень коротко стриженного человека с холщовой сумкой через плечо. Он ходил по квартирам, предлагая за определённую плату книги, которых не было и в библиотеках,... для чтения. Мама и Сестра пользовались этой ходячей платной «библиотекой».

Я читала запоем - всё, что попадало под руки. В детскую библиотеку на улице Чкалова точно ходила ещё до школы. Не помню, как звали библиотечаршу, светловолосую молодую женщину, которую портило бельмо на левом глазу. Она не могла поверить, что я успевала прочитать за день три, правда, небольшие книги (а больше не выдавали), и всегда с пристрастием проверяла меня. Конечно, я читала и то, что задавали Сестре или она приносила от друзей. В лет одиннадцать-двенадцать я тайно прочитала «Жизнь» Мопассана. И, представляя героев такими, какими видела на трофейных открытках, поняла, почему молодого человека взволновала открывшаяся в вырезе платья ложбинка. Вот чего я сегодня не могу понять, так это почему Мопассана прятали от детей. Сегодняшним подросткам его книги показались бы до скуки целомудренными. По-моему, я негласно вызвала Сестру на соревнование: кто больше прочитает и выучит стихотворений. Так что, сама того не зная, она способствовала моему выбору профессии. «На смерть поэта» я выучила ещё в первом классе, как и многие стихи

из её чёрной тетрадки. Наверное, книги и сформировали меня во многом, иногда их влияние на меня было излишне буквальное. Кто в те послевоенные годы из моих ровесников не читал книги о героях! «Повесть о Зое и Шуре» я в самом прямом смысле знала наизусть. Я подражала Зое в мелочах. Написано было, как она с вечера готовила себе вещи, - я и сегодня делаю это. Написала её мама, что Зоя умела распределять время по минутам, что она, войдя в дом, чтобы не терять время, сначала зажигала примус, а потом мыла руки. Смешно, но и сегодня я сначала делаю что-то не требующее чистых рук, а потом только переодеваю и мою руки. Но Зоя закаляла свою волю. Что делает девчонка 11-12 лет? Мне даже писать об этом страшно, но это истинная правда: на четвёртом этаже дома, в котором потолки в квартирах были больше четырёх метров, по карнизу из окна в окно я перешла дважды. Но больше я этот эксперимент не повторяла. Видно, страху натерпелась. Моя бедная Мама об этом не знала, но зато соседи рассказали, что я не раз перебежала улицу перед самым трамваем (с той же целью), так что водитель выбрасывал сетку, чтобы я не попала под трамвай. Здорово я тогда получила! Сестра меня и сегодня иногда называет Зоей Космодемьянской. Но уже за умение терпеливо переносить боль. Вот уж точно, «не дано предугадать, как слово наше отзовется».

Боль не «понарошку» иногда приходилось терпеть и в игре. Во дворе дома 8 по улице Новой мы с одноклассницей Людой Подлипной и дворовыми ребятами играли в казаки-разбойники. Через 60 лет после того, как меня «пытали» «фашисты» я, заглянув во всезнающий

Гугль, узнала, что игре этой четыре века и, что оказывается, были в царской России «городовые казаки» - народная самооборона и «казаки воровские». У нас же были казаки и фашисты. Шёл 52 или 53 год. О войне ещё многое напоминало. Я не помню, чтобы когда-либо мечтала о какой-то одежде или украшении так, как мечтала о ковбойке, перешитой из настоящей военной гимнастёрки. Людка и её сестра Таня щеголяли в таких. Наверное, я очень просила Маму, потому что точно такая же появилась и у меня.

Пойманных казаков (как, впрочем, и фашистов) привязывали к дереву и могли весьма ощутимо отхлестать веткой. Но разве «советский казак» покажет фашисту, что ему больно?!

К тому времени я уже прочитала не только книгу Л. Космодемьянской о её детях Зое и Шуре, но и другие подобные. В детской библиотеке на Чкалова было много книг о героях.

Слава богу, не все книжные слова отозвались. В одной из картонных книжек-раскладушек я прочитала холодящую душу историю о сыне - предателе, которого убила собственная мать. Не то грузинские, не то осетинские наряды, горы, огромные чёрные глаза, кинжал - довольно примитивные, как я сейчас понимаю, иллюстрации дополняли впечатление. Автор на свой лад переделал лермотовский текст, который я тогда ещё не знала. Воспитанная детскими передачами по чёрной тарелке, которую называли «точкой», я отнеслась к этому рассказу с полным доверием к автору.

Пройдут годы. Незадолго до отъезда в Израиль в седьмом классе я читаю лермонтовского «Беглеца». Последние слова. Ещё дрожит тишина. И вдруг девочка с толстой светлой косой, которая обычно предпочитала молчать, громко сказала: «Не понимаю, как мать могла так поступить!»

- Пять, Маша! - сказала я и взяла ручку.

- За что? - раздалось сразу несколько голосов.

- Подумайте.

Маша сегодня живёт в Иерусалиме и скорее всего не помнит этот урок.

Но многие слова, звучащие из чёрной тарелки, точно отозвались. Где-то после 5 часов объявлялась

передача «Театр у микрофона». Раз я была одна в квартире, значит, мне было лет 10-11. Это для меня лично незримые артисты разыгрывали чаще всего героические сцены. Нет, я не мечтала быть артисткой. Но в Имкинском дворе поставила в классе шестом первый спектакль. И потом множество спектаклей в Литературной студии. А Сестра вспоминала, как они с Финой взяли меня в Оперетту, а я потом, набрасывая на плечи накидку с подушки, кричала: Я - Ванда! Было это ещё до школы.

Насколько мы близки с Сестрой сейчас, настолько она меня не жаловала (и справедливо!) тогда, когда разница в семь с половиной лет казалась непреодолимой пропастью. Чего ей только ни пришлось выдержать от меня! От «не переиспытуй меня - ты мне не мама» до «а не возьмёшь меня с собой - никуда не пойдёшь!» Позже я, не открывая входную дверь, разыгрывала её молодых людей - голоса у нас были очень похожи. Ещё, слава Богу, живы те, кто помнит мои розыгрыши. Но если Сестре нужно было вечером пойти к подруге, провожатой была я. Она была трусихой, моя старшая Сестра. Подруга жила за углом, на Малой Арнаутской. Та квартира имела особый запах - отец Поли Ройтман был извозчиком. Уже немного осталось тех, кто помнит этих «водителей кобыл». Они ездили по булыжной мостовой нашей улицы, а в колясках сидели люди. Не дамы в кринолинах, а вполне вписывающиеся в ритм и быт послевоенных советских лет люди. Я тогда была уже школьницей. Полин отец дам не возил. Его лошадь привозила людям уголь.

29. Опять клякса!

Иногда режиссёр для усиления эффекта просит оператора найти и вставить чёрно-белые документальные кадры прошлых десятилетий. Вот так и память доносит запахи, звуки и картины прошлого. И как же разительно изменились эти бытовые картины!

В первый класс первого сентября я пошла в том самом белом платье «в капочку». Мама срезала на даче георгины и уложила их в букет «лесенкой», как было тогда принято.

Мою первую учительницу в женской 59-й школе на улице Пироговской звали Вера Васильевна. Седые волнистые волосы, уложенные сзади валиком. Добрые глаза. Мы её любили. Наверное, чувствовали, что и она нас любит. Она оставила нас в классе третьем по болезни. Через много лет на Чижикова угол Белинского меня окликнула старушка: «Зина! Прейгер!» Я к тому времени была уже Долговой, у меня рос пер-венец. Узнать того худого кудрявого чертёнка, которым я была в ее классе, в довольно уверенной в себе молодой женщине - и окликнуть по имени! - мог только Учитель. В первом классе я боялась брать из рук Веры Васильевны свою тетрадь по каллиграфии. В наш компьютерный век «кнопочное», как я его называю, поколение с удивлением взирает на меня, когда я рассказываю, какие муки доставляла мне эта самая каллиграфия. «Ты что, не могла на компьютере написать?» - спрашивают мои израильские ученики.

По всем предметам у меня были пятёрки и только по каллиграфии

тройка. И не в почерке было дело. Даже новенькое перышко N86, погруженное в «невыливайку», тщательно освобождённое от излишков чернил, не только оставляло фиолетовый след на среднем пальце, но и жирную кляксу на странице. Однажды я - в новой! - тетради аккуратно написала упражнение. До самого последнего слова. Красиво. С облегчением понесла ручку к чернильнице и... Какая же это была клякса! Лохматая, растянувшая свои щупальца сразу на несколько строчек. Я попробовала её стереть и с ужасом увидела, что сквозь дыру просвечивает чистая страница. Уж не знаю, как мне такая мысль в голову пришла, но только я вырезала кусочек из старой тетради и подложила заплату с обратной стороны. Вписала стёртые буквы и на следующий день сдала тетрадь Вере Васильевне. Как об этом узнала мама, не знаю. Но вечером пришли к нам в гости тётя Лена и дядя Миша. «Что сегодня по радио передавали, - громко сказал дядя Миша, - вы слышали? Одна первоклассница...». Мои несчастья закончились, когда из расписания исчез ненавистный предмет. Может, поэтому я всегда была снисходительна к форме, лишь бы блеснула в строчках самостоятельная мысль, Мне казалось, что даже от тетради исходит тепло, если то, о чём написано, волновало самого автора.

30. Одна в квартире.

Но вернусь в квартиру моего детства. Пытаюсь вспомнить, что там было «роскошного». Мы с сестрой спали валетом на кровати, на её спинках были металлические шары, которые я обожала откручивать. Кровать довольно рано пришлось застилать мне. Я не помню цвет и ткань верхнего покрывала, но точно помню, что под него стелили белое льняное с подзором. Только в старых фильмах о деревне можно увидеть такое. Это было время вышитых салфеток, прошив на наволочках и пододеяльниках. Кому сегодня пришло бы в голову крахмалить, натирать свечкой и гладить через бумагу эти кружева?

Эта кровать полностью принадлежала мне в дневные часы, когда я болела. А в детстве и в первые школьные годы это случалось довольно часто и всегда, когда куда-то уезжала Мама: то ли сказывались годы, проведенные в оккупации, то ли частые ангины - если верить альтернативным учениям, они были следствием вранья: я действительно была фантазёркой. Но даже если подружки мне не верили, они всё равно с интересом слушали выдуманные мною истории. Когда умерла Бабушка, болеть стало совсем неинтересно: было грустно одной лежать в ставшей вдруг пугающе большой квартире.

Я развлекала себя тем, что переключалась с одной стороны на другую. Просыпалась, когда сквозь закрытые ставни пробивался длинный расширяющийся солнечный луч, выпрастывала из-под одеяла руку и окунала её в этот тёплый поток. Пальцы моментально становились прозрачными и ярко-розовыми. Все дети делали открытие, подобное

Придёт с работы Мама,
И будет молоко.
Но кошка так упряма-
улыбалась далеко.

Никого в квартире нет.
На стене висит портрет.
.....

тому, которое сделал Дуглас Сполдинг - герой «Вина из одуванчиков» Брэдбери, наверное, самой любимой моей книги, которую я прочитала много позже: «Я - живой!»

Потом я любовалась танцем пылинок в солнечном луче, представляя, что это далеко-далеко танцуют феи. Время двигалось медленно. Мне становилось грустно. Я перекладывалась на противоположную сторону и смотрела на портрет, на котором молодая Мама в берете и молодой Папа смотрели на меня, будто говоря: «Ты же большая». Я даже сочинила стихи об этом портрете, на который смотрим я и кошка. И обе ждём Маму. Эти стихи я послала в журнал «Пионер». И получила весьма лестный разбор моего поэтического опыта, советы и пожелания. Портрет этот, сделанный ещё до войны, странным образом исчез, о чём моя Сестра не перестаёт сожалеть: она помнила родителей такими.

Нет. Квартира, в которой прошло моё детство, точно никак не тянула не только на роскошную, но и на обеспеченную.

Напротив кровати стоял старый кожаный диван, который потом перекочевал на дачу. Самой богатой в комнате выглядела рама на большом портрете... Сталина.

Может быть, оранжевый абажур с кисточками над столом, покрытым плюшевой скатертью? Так он появился позже, потому что я помню, как делала уроки при свете керосиновой лампы, сняв эту довоенную скатерть, в которой, если посмотреть на свет, видны были маленькие дырочки. Пальцы сразу ощутили зубчатое колёсико, которым выдвигался фитиль.

31. Пещера Али-бабы.

А тетради, в которых я писала, мы получали до конца третьего класса из рук завхоза Феодосии Анатольевны. Открывая тетрадку, доставая розовую промокашку (написанное фиолетовыми чернилами осторожно накрывали промокательной бумагой и так же осторожно, чтобы не размазалось, прижимали ладонью), я всегда говорила себе, что в новой тетради у меня не будет ни одной кляксы. Как легко мы уговаривали себя в детстве начать новую жизнь: с новой тетради, с новой четверти, с нового года - и это касалось не только школы. А тогда я стояла у дверей в подсобку в 59 школе на Пироговской и, затаив дыхание, заглядывала внутрь, как в пещеру Али-Бабы. Так я с тех пор отношусь ко всем магазинам канцелярских товаров. Как когда-то в маленьком магазине на Канатной между Малой и и Большой Арнаутскими, я и сегодня просто не могу уйти из магазинов канцтоваров, не купив что-то сверх того, ради чего пришла, - хоть блокнотик или ручку: всё никак не могу утолить ту жажду обладания таким «богатством». Моя Сестра после войны носила в школу чернильницу-невыливайку. Её помещали в мешочек, затягивали с помощью продетого шнурочка и привязывали к портфелю. В первом классе я часто доказывала, что Невыливайка - не совсем точное название: моя чернильница не выдерживала яростного размахивания портфелем и возмущённо брызгала фиолетовыми чернилами. Соученики Сестры, живущие близко к школе, шли со своим стулом. А писали они в те первые послевоенные годы на полях газет.

...я и сегодня просто не могу уйти из магазинов канцтоваров...

32. Куда привели меня Меджибожские безделушки.

Да, так что же в нашей квартире можно было назвать роскошью? Может, просто она выглядела обжитой? Только нашу и квартиру детского врача, живущего в доме напротив, Доктора Фельдмана, как его всегда уважительно называли, не разграбили во время войны. По разным странам рассеяны бывшие маленькие пациенты этого одесского Доктора Айболита. Нас, детей, странно волновал и пугал рассказ о том, что на столе у него видели маленький детский скелетик, сделанный из чистого (!) золота. А у нас из предметов роскоши в буфете, а потом в «горке» стояли безделушки и синий с цветочками сервиз. Трогать это нельзя было. Я думала, что это подарок на свадьбу моим родителям от погибших во время войны родителей отца. Недавно узнала от Сестры, что подарком были только безделушки, а сервиз привёз Мамин папа, Моисей Крупницкий, из Харбина, куда он ездил на заработки. Сейчас мне трудно представить, что ставшие реликвиями безделушки, стоящие сейчас у меня в израильской квартире и в Америке у Сестры, могли стоять в маленьком местечке Меджибоже, в доме Бабушки и Дедушки, которых мне не суждено было узнать, в семье, в которой многочисленные братья моего отца по очереди надевали сапоги.

Я приехала в Меджибож, чтобы постоять у памятника, поставленного на деньги бывших - оставшихся в живых - жителей и их детей.

Было это, если не ошибаюсь, в 1985-м. Я помню, как приходили к нам люди, собирающие средства на памятник.

Мне было лет 14-15, и я мало что знала о своих погибших родственниках.

Вы верите в случайности? Я нет. Моя подруга, с которой мы вместе учились в университете, вызвалась поехать со мной.

Я увидела Любу впервые на вступительном экзамене по литературе. Это была четвёртая попытка преодолеть барьер процентной нормы. Только что я не просто получила вторую пятёрку. Преподаватель Ильяш пожал мне руку, сказав очень лестные слова. Забегая вперёд скажу, что фамилии своей после последнего экзамена (українська мова) в списке счастливиц я не нашла. И тогда я написала огромное письмо ректору. Знаете, что мне ответили? оказывается, секретарша просто пропустила мою фамилию.

А на конференции «Одесса и литература 20-х годов» (если я точно помню формулировку) я сидела рядом с преподавательницей латыни. Не знаю, почему она меня выделяла, но тогда рассказала о совещании у ректора, который сказал по поводу моего письма: «Не перегибайте палку».

Выйдя из аудитории после экзамена, я обратила внимание на девушку с такими говорящими о пятой графе глазами, что ни высокий рост, ни удачная форма носа заглушить этот «голос» не могли.

Но девушка оказалась русской. Более преданной подруги у меня не было. И Сестра. и родители очень её любили.

Неудивительно, что наши сыновья дружат, а для меня они - родные люди.

Позже я узнала её историю.

Сегодня в Меджибоже не осталось ни одного еврея. Но тогда мы, пройдя несколько десятков метров, встретили старую женщину, бывшую учительницу. Показав дорогу и выразив сомнение, что я найду могилу Дедушки, она вдруг спросила, обратившись к моей подруге:

- Из чьей ты семьи, деточка?

Люба побледнела. Фамилия «Казанцева» ничего не сказала старой учительнице. «Удивительное сходство! - сказала она. - Просто вылитая...» И несколько раз оглянулась, уходя.

Я не остановила её. Любе стало плохо, её трясло так, что слышно было, как стучат зубы. Она долго не могла прийти в себя, не могла успокоиться: почему не спросила, на кого она так похожа?

К тому времени я уже знала, что её мама, тётя Тина, удочерила (с согласия воюющего под Одессой русского мужа) еврейскую девочку. До этого она подобрала брошенного в подъезд кем-то из толпы несчастных, которых гнали в Холодную Балку на расстрел, грудного ребёнка. Но мальчик был очень слаб и не выжил.

Люба умерла в Израиле. В её паспорте значилось: русская.

Хоронить на еврейском кладбище её отказались. И тогда мы пошли в Высший Раввинатский суд. У меня не было никаких письменных доказательств. Я просто рассказала, как и когда узнала её историю. Седые почтенные цадики поверили.

Когда я читала книгу Люси Калика, я вспомнила Любину историю, тётю Тину, и меня пронзила мысль, что в той же толпе, из которой отчаявшаяся мать бросила в подъезд своего сына, шла бабушкина се-

стра Шура. Дорога на Холодную Балку шла мимо дома тётки Тины. Она жила на Франца Меринга, бывшей (и сегодняшней) Нежинской.

Пошёл дождь. Мы молча дошли до кладбища. Мне нетрудно было найти (моя интуиция безошибочно привела меня) могилу моего глубоко верующего Деда, который повесился, увидев, как его Эйдл запрягли в сани вместо лошади. Он не узнал, что в общей могиле, кроме жены, лежит дочь и двое её сыновей. Сколько историй, правдивых и придуманных, елеин-сентиментальных и продирающих жёсткостью правды читали мы о маленьких мстителях!

История так и не узнанного двоюродного брата Мотла, не дожившего до бар-мицвы, будет описана только здесь. Её рассказали соседи-очевидцы Папе и дяде Абраму, приехавшим в Меджибож сразу после войны. Дом деда был уже занят немцами. Вся семья в гетто. Мотл и его младший брат успели убежать и спрятаться.

Зачем пробрался в свой дом Мотл, никто не знает. Но на стуле висели китель и кобура с пистолетом. В это время в комнату вошёл немецкий офицер.

Имя Мотла никогда не будет занесено в списки юных героев. Но, чтобы застрелить фашиста, младшего брата и себя, нужно обладать небольшим мужеством.

До сих пор не могу понять, почему о страшном выборе Дедушки никому из племянников, кроме меня, Бася не рассказывала. Может, это связано с тем, что самоубийство - грех? Но разве не Бог помогает нам в самые трудные периоды принять решение?! То, что я услышала от Тёти Баси,

Мои двоюродные братья и сёстры.
Мотла и Марка я узнать не успела.

таинственным образом связано со сном, который меня мучил, когда мне было лет 7-8. За мной бежит с ружьём фашист. Я слышу его топот, я бегу, задыхаюсь и... просыпаюсь. Как объяснить этот сон? Телевизора тогда не было. В кино, если меня и брали, то явно не на такие картины. Говорят, многим из того, чем Природа наградила меня, владела моя меджибожская Бабушка. Мои сны, а иногда просто возникшая перед глазами картина часто предупреждают меня о том, что только предстоит мне пережить. Или это Бабушка, которая так никогда и не увидела меня, таким образом готовит моё сердце, чтобы оно выдержало?...

А безделушки... Вероятно, их привезли из Польши тётя Бася и дядя Соломон: они в юности перевозили через границу... революционные прокламации. Зная их характер, янисколько не удивилась, когда Бася рассказала мне об этой странице их жизни. Но очень смеялась.

На брит своего внука я принесла портрет: седобородый Прапрадед в ермолке, бывший кантонист, и Прапрабабушка, красивая старуха с волевыми чертами лица, в платке, наброшенном на седые волосы, смотрели, как внук их сына Якова, и тоже Яков, передаёт младенца сайдаку.

Ездили в Меджибож и Сестра, и её сын Григорий (Гоша). Рассказы бабушки и отца, а особенно посещение Израиля произвели на Гошиного сына - Юру не просто сильное впечатление - они, по-моему, определили самоиндефикацию, этого абсолютно современного молодого американца, в котором гармонично соединились артистизм и аналитический склад ума. Но идущий из прошлых веков призыв «Помни свои корни» оказался сильнее.

Когда мы с Любой ехали в Меджибож, я вспомнила, как Папа говорил, что там похоронен Баал Шем Тов, очень мудрый человек. Тогда я подумала, что Баал Шем Тов - еврейский философ или писатель, родившийся в этом местечке. Уже в Израиле я узнала, что обозначает это приобретённое рано осиротевшим сыном бедняка Элиэзера имя. И кто такие хасиды, основателем движения которых стал этот знаток Торы. И что маленькое местечко, в котором жила большая семья Прейгеров - Кибриков, оказывается, - столица Хасидского царства.

Папа часто удивлял меня короткими замечаниями, выдававшими его любознательность и доброту. По дороге в Винницкую область, куда я в юности напросилась с ним, он, махнув рукой куда-то вправо, сказал, что там находится Дом престарелых, и добавил: «Чистенький. Там и кладбище рядом. Ухоженное.»

- Откуда ты знаешь?

- Я заезжал.

Больше я не спрашивала. С какой целью Папа заезжал, мне и так было понятно.

Чуть дальше Папа показал мне какой-то холм и сказал: «Это курган со времён Богдана Хмельницкого. Много людей там похоронено».

Кто эти люди, Папа не объяснял. Сегодня любой может прочитать о зверских убийствах евреев сподвижниками человека, которого в Украине до сих пор считают национальным героем.

В музее Диаспоры я узнала, что род моего отца, после изгнания из Испании, попал в Прагу, там получил фамилию Прейгер (Прагер), а родоначальником пражской ветви был...Якоб.

Не знаю, это ли стало причиной, но мой средний сын Яков с согласия мужа, который очень любил моего Папу, уже несколько лет носит фамилию Прейгер. И его сын Лион, который через пару лет будет пятым членом нашей семьи, надевшим израильскую солдатскую форму, - тоже Прейгер.

33. *Так это было*

Мне ещё не было пяти, когда я забавляла дядю Сёму, мужа папиной сестры, тем, что читала заголовки в «Правде». Дядя Сёма и показал мне буквы. Это было семейство, не похожее на наше, но я любила бывать в их маленькой квартире на Гимназической, в которой одну из двух комнат занимал «Кабинет»: дядя Сёма был зубным техником, а тётя Поля зубным врачом. Оба много работали. После работы дядя Сёма принимал пациентов в своём кабинете-спальне, где в его зубо врачебном кресле пришлось посидеть и мне. В комнате в небольшом книжном шкафу за стеклянной дверцей стояла фотография красивого военного с медалями на гимнастёрке. Дядя Сёма явно гордился этой фотографией. Тётя Поля была самой младшей в многодетной семье меджибожских Бабушки и Дедушки. Она и их первая внучка, тоже Поля, родились почти одновременно. Тётя Поля была очень красивой.

Вот нарядной я её видела крайне редко.

Она потрясающе готовила, я до сих пор помню вкус её пампушек с чесночным соусом, но её обеды по случаю дней рождения были предметом бесконечных шуток. Даже мои старшие дети ещё иногда вставляют: «Зато будет свежайшее».

Фраза, с которой Тётя Поля в переднике на почти голое тело (как я понимаю её теперь, перемогая душное израильское почти вечное лето!), встречала гостей (правда, только близких родственников) на лестничной клетке между крошечной, вот уж точно - с почтовую марку, кухонькой и таким же крошечным тамбуром, в который выходила дверь соседей. Была в квартире ещё более миниатюрная прихожая, часть которой занимал туалет - по совместительству ещё и душ. Принимать его можно было, по-моему, только, сидя на крышке унитаза. В прихожей-тамбуре стоял кухонный низкий шкафчик с привинченными к столешнице маленькими тисками, стул и газовая горелка для работы над металлическими коронками. Вечерами, после работы, часами качал дядя Сёма эту помпу. В старости его спина болями напоминала ему об этих часах.

Но тогда было лето, все были здоровы и веселы. В гостях не только мы, но и гостившие киевляне. Тётя Поля с улыбкой исчезает в кухне-ке. Родственники, смеясь, проходят в комнату. Дети усаживаются на доску, положенную на два стула, взрослые на диване и стульях и шутиливо гадают, разделала ли Поля рыбу до нашего прихода или - чтобы совсем уж свежайшая! - делает это сейчас.

Но фаршированная рыба, которую, конечно, тётя готовила накануне, была очень вкусной. Хотя я больше любила мамину. Повторить то, что заставляло «облизывать пальчики» за маминим столом, не было никакой возможности - Мама вообще готовила без рецептов. Лет в 12 я спрашивала у «Цилички-красавицы», как готовятся котлеты и борщ. Когда же я спрашивала у Мама, как сделана очередная вкуснятина, Мама отвечала, что она просто помыла холодильник. Мой личный опыт приготовления гефилте фиш оказался не столь удачным, чтобы вызвать желание продолжать.

У нас дома на праздничных ужинах Полю и Сёму никогда не ждали: все знали, что эта пара придёт, когда гости начнут уже расходиться.

Точно так же тётя Поля приходила на работу. Она была прекрасным врачом, но сама, смеясь, поведала мне, что её бедный главврач сказал, что больше не может терпеть её опоздания и уволит. «И он же прав!» - смеясь, добавляла она.

Не уволил. Я не знаю, была ли эта невозможность рассчитать время результатом жуткой аварии или попала она под машину, перебегающая улицу, торопясь на работу. Мне не было и девяти лет. Это было

летом. В доме жуткий переполох, Мама в спешке одевается, чтобы поехать в больницу, - прогнозы были самые неутешительные. А я хожу вокруг дачи. Помню какое-то странное внутреннее напряжение, которое я испытала. Потом я вернулась на веранду и громко сказала, что всё будет хорошо. Это был первый раз, когда точный ответ в труднейших ситуациях я искала таким способом. И до сих пор это прислушивание к собственной душе меня ни разу не подвело. Хотя иногда ох, как хотелось.

Старший сын Сёмы и Поли, Осик, был моим первым другом. Мы и росли вместе, нас купали на даче в одной большой алюминиевой лохани. Однажды я нашла Оську в комнате в непривычной позе. Он сидел на тахте, покрытой тем самым ковром, и что-то писал. Это были стихи. Ему лет 12, мне 10. И стихи?! Я вынудила его прочесть. Они были о Сталине. Через 20 минут я написала свои первые стихи. Тоже о Сталине. Оська завистливо посмотрел на меня: мои были лучше.

Наверное, кроме бывших советских, только в Китае или Северной Корее могут это понять. Не о цветах, не о Маме, не о море, а о Сталине. Но так это было. В комнате, в которой мы с сестрой спали вальтом под тем самым одеялом с красной заплатой, на стене висел большой портрет Сталина. Когда я отказывалась есть, Мама говорила, что Сталин смотрит. Слово «Сталин» вошло в мой лексикон куда раньше, чем слово «Пушкин». Правда, я первой в семье избавилась от этого морока. А настоящие стихи пришли ко мне из запретной чёрной тетради с умопомрачительно гладкими листами в крупную клетку (кто

подарил Сестре это чудо?!). Почерком Сестры были написаны завораживающие строки:

«Зачем же в белом мать была?
О, ложь святая! Так солгать
Могла лишь мать, полна боязни,
Чтоб сын не дрогнул перед казнию».

Как эти сентиментальные строки взволновали моё детское воображение! Я вырвала из середины двойной лист (ох, и влетело мне от Сестры!) Наверное, это был третий класс.

С улиц уже исчезли торсы взрослых людей, привязанных ремнями, обхватывающими обрубки ног к деревянной площадке на колёсиках, с помощью которой они передвигались. Как они поднимали себя в трамвай, подтягиваясь на руках, вцепившихся в поручни? Многие просили милостыню молча. Некоторые пели или даже играли на баяне.

Помните, горькое Бориса Слуцкого?

Поёт калека, что эпоха такая новая пришла,
Что никому не будет плохо, и не оставят в мире зла...

Часто за таким инвалидом шёл пацанёнок с шапкой, в которую падали редкие монеты. Они исчезли не только из трамваев, но и из города как-то внезапно. Только недавно я прочитала у Михаила Веллера, что их вывезли фактически погибать на север. В 1974 году некоторые ещё были живы. Я не знаю обличительного документа социализму большей силы, чем галерея портретов солдат-инвалидов, сделанных художником Добровым на острове Валаам. Сегодня там есть кладбище, но нет ни

одного упоминания имён тех, кто и был истинным победителем в той войне, всю правду о которой мы вряд ли когда-нибудь узнаем.

Когда я приехала в Израиль, меня испугало число инвалидов и даунов на улицах городов. Потом мы часто встречали такие группы на экскурсиях. В том числе и за границей.

Со временем меня это удивлять перестало. Но вначале... евреи-дауны?! Так много увечных? Сегодня мне стыдно за то своё удивление. Я поняла, что просто в Израиле не прячут таких людей, не запирают их за глухими стенами, как делали это в «самой свободной и гуманной»... И тем более не стыдятся тех, кто стал инвалидом, защищая право своей маленькой страны на существование.

Среди них есть удивительные люди. На паралимпиаде в Лондоне в 2012 году Ха-тиква прозвучала в честь золотого медалиста Ноама Гириони. Чувства, которые испытали зрители, сидевшие у телевизоров, понятны. Пилот боевого вертолётa даже в живых остался чудом. Но, признаюсь, что меня куда больше поразило, ошеломило и многое заставило понять то, что произошло лично со мной в больнице Левинштейн. Так уж случилось, что за два месяца до отъезда я чуть не потеряла мужа - инсульт. Случилось это в Одессе, куда мы приехали на похороны Лёни. Волнения, смерть мужа Сестры чуть не закончились трагически для него. Опишу описание ужасов, пережитых в 1990 году в одесской Еврейской больнице.

Мужа мы через два месяца привезли в Израиль на носилках, и прямо с самолёта он попал совсем в другую больницу.

В коридоре восстановительного центра Левинштейн я жду, пока две(!) медсестры подготовят мужа к завтраку (это после того, как мне приходилось в Одессе ухаживать за шестью тяжелобольными в палате, самой делать мужу уколы препаратов, присланных из Новосибирского отделения Медицинской академии, в которой он руководил лабораторией). Дома четырёхлетний сын. Первый месяц в Израиле. Ни языка, ни работы. Вероятно, я не успела «спрятать» лицо.

Ко мне на коляске подъезжает молодой человек. Он буквально весь трубках, подсоединённых к аппара-

там, больничная простынь не скрывает отсутствие ноги. Кладёт мне на плечо руку: «Савланут. Хаколь ихье бэсэдэр».

Вы можете себе такое представить? Неизвестно, что ждёт этого человека, которому от силы было тогда лет 25, а он меня, 48-летнюю, ободряет: Терпение. Всё будет хорошо.

Много открытий мне пришлось сделать тогда, когда, казалось, человеку пора уже передавать опыт. Одним из первых открытий было, что земля называется «адама» и что она действительно красного цвета. И вспомнились рассказы Оськиной бабушки, матери дяди Сёмы, о том, что есть такая прекрасная страна, и земля там... красная. Мы с Оськой воспринимали это, как сказку. Интересно, что когда он впервые приехал в Израиль, это было первое, что он вспомнил. Оскар - хирург, и, приехав в Израиль, он попросил живущего здесь коллегу показать ему операционное отделение. Рассказывая о посещении, он заметил, что если бы у них, бывших советских врачей, было такое же оборудование, они совершали бы чудеса. С этим утверждением я не спорю, хотя на многие вещи сегодня мы с Осиком смотрим по-разному. Связывают нас с ним детские воспоминания и осознание родства. И насколько грустнее и тусклее были бы моё детство и отрочество без этой маленькой квартиры в конце железной лестницы во дворе дома 7 по улице Гимназической. Его родного брата Юру, того самого, первым словом которого и было «лестница», я вообще не видела лет 35. А ведь именно я записала его в школу, хотя сама только перешла в шестой класс. И уроки с ним делала. «Не дюже зграбна», как говорили в Одессе, жизнь у него случи-

И действительно
«Хаколь беседер!»

лась, но в моей душе ему отведено особое место: в очень трудный период Папиной жизни он волею Судьбы оказался рядом. И, возможно, именно ему мы с Сестрой должны быть благодарны, что Папа согревал нашу жизнь ещё шесть лет.

Многое сказала мне и оставленная Юрой на папином памятнике папираса, которую я увидела в один из приездов из Новосибирска. Сестра тоже узнавала по этому признаку, что Юра недавно приходил к дяде. Юрчик не любил делать уроки, а меня, будущую училку, это злило. Это позже, если с кем-то из учеников я не сразу могла наладить контакт, я винила себя, а тогда меня очень злила моя первая профессиональная неудача. Потом разница в возрасте развела нас, жили мы в разных городах, потом и странах. Не знаю, как он выглядит сейчас: перед глазами у меня красивый черноглазый и добрый Юрчик. И вот, что странно: какими бы разными мы ни были, как бы далеко ни расходились наши интересы, а произносишь имена кого-то из двоюродно-троюродных, и в душе тёплый комочек возникает.

34. Гены родства и дружбы

В этом безусловно Мамина заслуга. Если бы меня попросили назвать общие черты, отличающие родителей, я бы, не задумываясь, сказала: доброта, оптимизм и полное отсутствие зависти. Я благодарю Природу за то, что, кидая кости на нашу с Сестрой генетическую карту, она не забыла именно эти три. Все родственники и большинство друзей были со стороны Папы. У меня уже были дети, когда нашёлся Мамин единственный родственник - дядя Гриша, очень похожий на нее. И его мы сразу приняли, как родного.

Это было так естественно, потому что у нас дома, а особенно летом на даче, постоянно жили тётки, дяди, двоюродные и более дальние, друзья родителей. Иногда собиралась целая молодёжная компания, в которую меня по малолетству не принимали, но благосклонно позволяли за ними ухаживать. Помню, как сын тётки Ани Сеня, будущий академик, сказал: «Зина, вытри столик, мы с Розочкой поиграем в... (сейчас не помню, во что)». Он явно выделял Розочку, уж очень красива она была. Все племянники очень любили тётку Лиду (так они называл нашу Маму). И все папины родственники. А Мама больше всех любила жену папиного брата Соломона, Нэну. Не помню, о чём они говорили, но Нэнины коржики помню на вкус. Потом такие пекла и Мама.

Я, любившая печь, никогда не пыталась повторить это рассыпчатое чудо. Но, когда Мама уже тяжело болела, вдруг в Новосибирске поздно вечером замесила тесто. Не успела поставить коржики в духовку, как

Лорачка и Роза с внуками.
Угадайте, кто чей.

принесли телеграмму от Сестры: «Только что умерла наша Мама»...

Дочка тети Нэны и её муж живут в Израиле. Их дом был нашим первым домом на этой земле. А познакомилась Тома со своим мужем Петей Вайслейбом, моим другом, когда в очередной раз гостила у тёти Лиды и дяди Яши, моих родителей. О том, как Петя брал крепость под названием «ТЕТЯ НЭНА», чтобы она согласилась на этот брак, знают только эти двое. Видели бы Соломон и Нэна, как эта пара, по удачному выражению моей Сестры, в «четыре руки» ведут свой дом, как каждую пятницу принимают семью, узнали бы, скольким людям помогла эта пара... Кто знает, может, и видят и знают.

Сорок пять лет назад в Одессе Томочкин сын, Витя, сам ещё малыш, легко и просто научил ходить мою дочь: он отобрал у неё мячик и отошёл. Какая же женщина стерпит такое?!

Витя был очень способным. К четырём годам он уже свободно читал. Сегодня Тома смеётся, рассказывая этот эпизод, но тогда ей было не до смеха.

Едут в трамвае. Витя вслух читает вывески, мелькающие за окном:
- ПЕРУКАРНЯ, - громко и тщательно произносит он, отчаянно картавя.

- Мама, что такое перукарня? - перекатывая во рту оба Р, опять-таки на весь вагон - спрашивает любознательный малыш.

- Парикмахерская, - тихо отвечает Тома.

- А почему же ПЕРУКАРНЯ?

- Это по-украински. - Мама ёжится под отнюдь не умильными взглядами.

Первый Песах в стране
у Вайслейбов. 1991 год

И тут Витя с большим чувством, а потому ещё большие картавя, очень громко восклицает:

- Как я ненавижу этот иностранный язык!

Уже здесь, в Израиле, родилась у Вайслейбов дочь - Салечка. К ней у меня особое чувство. Есть люди, излучающие свет и доброту. Салечка из таких людей. Сегодня - она сама мама троих славных малышей. Из всех двоюродно-троюродных пара ТОМА - ПЕТЯ самая близкая нам с мужем.

В Америке живёт двоюродная сестра Салечки - дочь Марика-Большого. Не знаю, кто из них старше, но назвали обеих одинаково - в честь дедушки Соломона, которого ни одна из них не видела. У «американской» Салечки две дочери.

Не только родственники, но и друзья родителей часто становились родными нам с сестрой. Так что к трём уже названным генам, которые Мама и Папа передали нам с Сестрой, я с благодарностью прибавляю ещё один - ген Дружбы. Именно так - с большой буквы. Сколько заботы, нежности и соучастия было в их отношениях к друзьям. И так же относились к родителям их друзья. Это отношение распространялось и на меня с Лорой. А ребёнок, как подсолнух, поворачивается к источнику света - к человеку, от которого исходит тепло. Те самые тётя Мура и дядя Саня, которые сохранили во время войны нашу квартиру, меня очень любили. В младших классах зимние каникулы, совпадающие с рождественскими праздниками, я проводила в их доме на Ближних Мельницах, да и летом частенько гостила у них. Возился со мной, в основном,

дядя Саня. Летом он колол для меня абрикосовые косточки. Однажды я поела их в таком количестве, что меня хотели везти в больницу. Но тётя Мура отпоила рисовым отваром.

Мама и не узнала об этой истории.

Второй раз я объелась в том же доме кутьёй. Наверное, немногие знают в Израиле, где я сейчас пишу эти строки, что кутья - традиционная еда, которую готовили из пшена, мака, орехов и сахара на рождество. (Знаю - в словаре значится, что на поминки. Но в Одессе поминальный рис или пшеницу с изюмом без орехов и мака называли «колево») Не уверена, что мне бы понравилось это блюдо сегодня, но тогда, в детстве, это было очень вкусно! С тётей Мурой связано ещё одно воспоминание. Они с Мамой стоят в первой комнате у ещё тёплой кафельной печи. И вдруг мама говорит: «Мура! У нас девчонка деревенская родила, ребенок - загляденье. Оставила. Или сейчас или никогда. Приди завтра - посмотри». Так у Сани и Муры появилась дочка Женя.

Странно, я только сейчас подумала, что у трёх пар друзей наших родителей не было детей. Маленькая полноватая тётя Оля с тяжёлой ниткой крупных красных бус на шее, с чёрными, чуть на выкате глазами. Она страдала базедовой болезнью и не могла иметь детей. Её муж, приносивший в нашу квартиру особенный запах, - всегда весёлый дядя Йося. Может, так пахли его хромовые сапоги; голенище одного из них сгрыз наш Норд, пока дядя Йося отдыхал после обеда.

Папа после войны тоже носил сапоги, Я сразу приносила дяде Йосе специальную подставку с выемкой-подковкой, в которую вставляли за-

дник сапога и тянули ногу. Я эту подставку помню на ощупь: она служила моим зверушкам горкой. Дядя Йося обожал, когда я возилась с его волосами. Уж не помню, как началась эта игра «причёска дяди Йоси», но помню, как она закончилась. В очередной отпуск, когда Рабиновичи приехали к нам, дядя Йося оказался почти лысым. Он мечтал усыновить мальчика, желательно еврейского или хоть похожего на них. Правда, внешность у него была вполне благополучная. Приехал в московский детский дом со всеми документами, в форме, с тремя звездами на погонах. И вдруг белобрысая девчушка кинулась к нему с криком: «Папа-а!» Полковник расплакался. Девочка типично славянской внешности приобрела прекрасную семью и в придачу неудобную фамилию. Где-то в Америке живёт Лариса, носит уже фамилию мужа, тоже, по понятиям страны исхода, - неудобную, и вспоминает родителей...

Ещё один папин друг любил, когда я делала ему причёску, - Лордкипанидзе, дядя Коля. Он приезжал, садился в кресло и дремал, ожидая Папу, а я пока устраивала на его голове что-то невозможное. Он пел нам с сестрой очень смешную песню про лягушку. Пел на грузинском. Наверное, он рассказал нам содержание песни на русском, раз мы так смеялись. А, может, он смешно имитировал лягушачье кваканье. Папу часто принимали за грузина. Я не помню, встречались ли у нас за одним столом Лордкипанидзе и Вахтанг Надзирадзе. У Вахтанга было русское отчество «Иванович» и псевдоним «Вронский». Он был главным балетмейстером Одесского оперного театра, а потом создателем украинского балета на льду. Это один из самых близких папиных друзей. Ему я обязана счастливым погружением в фантастически прекрасный мир музыки и танца. Вахтанг Иванович, его жена, балерина Валя Ферро, их дочь Наташа (она стала артисткой, снималась в фильме «Цыган» (сейчас Заслуженная артистка Украины Наталья Надзирадзе-Вронская служит в театре «Колесо» в Киеве) и тётя Вали, Ядвига, жили у нас на даче.

Живущий уже в Киеве, Вахтанг Иванович отдыхал в Одессе, недалеко от нашей дачи, когда из тюрьмы вышел Папа. Был он очень подавлен. Я жарила Папе драники и вдруг поняла, кто может поднять ему настроение.

Прибежала к Вронскому. У Вали был испуганный вид.
- Вахтанг! Ты же плохо себя чувствуешь!
Но Вахтанг Иванович молча оделся и пошёл со мной. Есть вещи, которые объясняют без слов, что значит «настоящая дружба» (будто дружба может быть Не-настоящей).

Почему вспоминаются друзья родителей? Потому ли, что на их фоне проплывают кадры моего детства? Или там разгадка того, почему я ценю дружбу выше всего на свете?.. Ни с одним из друзей ни Сестра, ни я никогда не теряли связи. Но терять самих друзей, к сожалению, приходилось. И часто слишком рано. И Лорины, и мои друзья становились своими в нашей семье. Сестра вспоминает, как она чуть не отпросилась с работы, чтобы улететь в Днепрпетровск, чтобы помочь моей подруге, Мэри Городецкой, так не вовремя разродившейся близнецами в чужом городе. Моя дочь тогда была грудной - я поехать не могла.

Написала «Мэри», и сжалось сердце. Уже несколько лет прошло, а я всё никак не могу осознать, что её, самой способной из нас, самой яркой, самой успешной, нет. Петь? Пожалуйста. На спор понравиться парню? Раз плюнуть! Мои родные удивлялись: она же не красавица! Не красавица. Но настоящая француженка! Побывав в Париже, я убедилась в том, что это действительно так: тоненькая, с копной каштановых волос, она излучала шарм. Что мы только ни придумывали на своих вечерах-капустниках! Мы и газету выпускали. Когда мы пригласили на свой вечер руководителя наших дипломов Веру Федосеевну Руденко, она на полном серьёзе ответила: «Сочту за честь». Мэрка (как мы всегда её

называли) обожала своего папу. Она называла его «Мылечка». Это была семья прекрасных врачей, вполне консервативных взглядов. И вот Мэрка, возвращается с чьих-то именин, на которых выпила что-то явно крепче, чем сок. Заходит в свою комнату, смотрит на портрет Шопена и спрашивает отца: «Ну, скажи, Мыля, за что эта б... Шопена погубила?!»

Когда Миля рассказывал это нам с Любой, мы хохотали до колик.

Мэрка могла показаться легкомысленной, но когда нужно было выучить японский, чтобы в Ленинке заведовать отделом восточной литературы, Мэри не расставалась с карточками японских слов даже - буквально - в туалете: везде были наклеены, рассованы по карманам иероглифы. И выучила! И заведовала. Это при ней отделу построили новое здание, при ней стала доступной литература Ближнего Востока не только на арабском языке.

Сестра, узнав, что Мэри умерла, побоялась мне сказать об этом. В Сан-Франциско, где живёт моя Сестра, я встречалась с Мэриной мамой, Саррой Михайловной. Каждый раз, вспоминая нашу Мэрку, я думаю: «Как хорошо, что она за год до ухода была в Израиле, что мы так тепло встретились, что мне повезло доставить ей удовольствие!» Оказывается, сознание того, что ты успел обогреть друзей, очень важно и часто становится утешением. И это тоже у нас с Сестрой от Мамы с Папой.

В 70-х годах я привезла из Новосибирска в Одессу 45 учеников в найденный Папой по моей просьбе со-вхоз – лагерь труда и отдыха. Папа встретил нас на вокзале. В автобусе, который должен был привезти нас на место, стояли ящики с черешней.

Многое поражало сибирских ребят в Одессе.

- Как можно сушить бельё на балконе такого красивого здания? – возмущались ребята, проходя по Пушкинской.

- Это дерево действительно посадил Пушкин?! Выросли ученики, разлетелись по разным городам и даже странам.

Некоторых я уже давно привыкла считать друзьями. 2004 год. Олимпиада. Меня вызывают к проход-

ной. В вестибюле стоит доктор Саша Соколов. Они с женой – уже давно бабушка и дедушка – живут в Москве. У меня никогда не было любимчиков, но были ученики, которых я очень уважала и дружбу их очень ценю. Саша – один из самых близких мне людей. Когда я оформила необходимый пропуск и повернулась, я увидела в его руках... ящик черешни.

- Сашенька! Это же очень дорого?

- Так Яков Адольфович нас встречал. Вы помните?

Я помню. И не только помню – физически ощущаю тепло, идущее от моих взрослых бывших учеников, для которых я давно не учительница.

Неуправляем калейдоскоп памяти: вспоминала тётю и двоюродных братьев, а замелькали, казалось, не связанные с семьёй картины. Но кто может определить нашу связь с теми или другими людьми?

Мамину подругу детства я долго считала родной тетёй. Самых близких подруг Сестры – родственниками. И, может, не так уж наивна я была в детстве? «Мы с тобой одной крови» - это не о совпадении генов, а о родстве души. Но и родители и Сестра принимали моих друзей, как родных. И даже моих тех из них, которые когда-то были моими учениками.

Разве я могу забыть, как Володя Швайцер после трёх лет армии (без отпусков!) поехал не домой, в Новосибирск, а в Одессу, где после смерти Папы мы прожили полгода: он приехал помочь перевезти нас в Новосибирск. Как тепло они с Анечкой принимали нас в Германии! Первое, что вспомнил Володя, был фаршмак тётки Иды. И Сестра сделала в Германии для него фаршмак.

35. Друзья Родителей

Друзей родителей я помню с того времени, как помню себя, и...до самой их смерти. Кто-то ушёл раньше родителей, кто-то позже, но всегда это были родные нам с Сестрой люди.

Странно устроена наша память: вроде смотришь в окуляры бинокля. Да и бинокль ведёт себя автономно - сам наводит на какую-то картину, казавшуюся совершенно забытой, увеличивая её так, что начинаешь различать мельчайшие детали. Не знаю, был ли Фима Меерович папиным другом, хотя он бывал у нас. На экране моей памяти появилась фотография, которая хранится у меня в давно не открывавшейся коробке. Пионеры разного возраста, среди которых моя сестра, и маленький голопузый кудрявый чертёнок среди них. Это родители пришли со мной в пионерский лагерь проведать старшую дочь. Наверное, я действительно была уморительной, если меня не захотели отпустить. Фима, который был директором лагеря, обещал присмотреть, и эту ночь я провела среди пионеров.

Через много лет, в 1970 году, когда я уже жила в Новосибирске, я приехала рожать своего третьего ребёнка в Одессу. Началась холера. Чтобы вернуться, нужно было пройти через карантин. Старшему - 8 лет, дочери - 4 и грудной. Со мной отправился в «ссылку» Папа. Проходить это «заключение» нужно было в санатории на 8 станции Фонтана. Директором был... Фима Меерович.

Множество книг о работе памяти прочитала я, но так и не разгада-

Мы с сестрой храним в памяти всех друзей наших родителей.

ла, как она соединяет в единое полотно всё, что оставила в набросках прожитая жизнь.

Среди этих непредсказуемо складывающихся картин некоторые излучают особенный блеск, некоторые покрыты патиной. Но присмотришься чуть пристальнее, и, как на волшебном блюде, проплывёт перед внутренним взором лицо, уловишь характерный жест, услышишь голос.

В моей старой красной записной книжке записаны рецепты двух очень вкусных тортов. Называются они «Тети Эммины». Дядя Жора и тётя Эмма Кригели были самой тихой, интеллигентной и... миниатюрной парой среди Папиных друзей. С их дочкой Светланой больше общалась моя двоюродная сестра Женя, приезжавшая из Киева к нам на дачу: наверное, в том возрасте разница в 3 года воспринималась куда значительнее. Кригели жили в том же дачном кооперативе, что и мы. Их младший - Вовочка, только мне разрешал смазывать зелёной волдыри, когда болел ветрянкой. Никто тогда не слышал слова «бодиарт», а Вовочка ходил с нарисованными на теле котами, домиками и цветочками и был очень доволен. А я больше никогда не достигала в искусстве рисования таких высот. Мне доверяли всех детей, живущих на даче. Сегодня Володя крупный, чуть ли не засекреченный специалист. Я лью себя мыслью, что, когда мы с Сестрой недавно встретились в Одессе, Володя прилетел из Москвы не только, чтобы повидаться со Светой, но и чтобы увидеть нас.

Кригели были немногословны, но, когда арестовали папу, дядя Жора

пришёл и коротко спросил, нужны ли деньги. С этой семьёй связаны в памяти ещё несколько кругов-звеньев, которые то распадались, то опять соединялись жизнью.

В памяти сохранился эпизод, когда родственник Кригелей, Натан Семёнович, сыграл на наших глазах роль разведчика. У Сестры была подруга. Сегодня это важная дама, живущая на Маями, а тогда... Ну, не могла она пройти мимо красивых вещей своих подруг. Они как-то сами оказывались в её сумке. Очередная пропажа обнаружилась у тёти Эммы. Дядя Натан, как я его тогда называла, в форме преподавателя военного лётного училища, голосом, не предполагающим и тени сомнения в том, что он уверен в её виновности, предложил ей тут же вернуть случайно взятые часы. Он казался мне тогда очень высоким и очень таинственным. Каково же было моё удивление, когда, подходя к пятидесятилетнему рубежу, я встретила уже в Израиле с Натаном Семёновичем: он оказался ростом с... меня, а я рослой считалась только до пятого класса.

Натан - двоюродный брат Эммы, Бети, Тани и Сёмы Кофман. Дочь первой - Лиля, воспринималась мною, как родственница. Может, потому, что из всех подруг Сестры только она называла меня детским домашним прозвищем - «собакуля». Наверное, поэтому я летом 51 года подарила ей свою фотографию. Удивительно, что, переезжая в Америку, Лиля взяла её вместе с фотографиями родственников. А недавно я узнала, что молоко в красный бидончик, мне наливал...Лилин дедушка. С тетей Бетей связаны уважительное «у неё муж погиб на фронте»

и ощущение абсолютной аккуратности. Белоснежный, кажется, с вышивкой рюшеле воротничок на платье, небольшая квартира, сверкающая чистотой. И такая же опрятная тихая речь.

Как возникает внутреннее притяжение людей? Особенно в то время, когда и куда меньшая разница в возрасте может иметь решающее значение...

В Израиле говорят: есть между нами химия. По сути довольно точное определение. Именно на каком-то химическом уровне я ещё подростком выделила самую младшую из Кофманов - Танечку. Она уже была замужем, растила дочь Зоеньку, но все и всегда называли её только так. О Танечке говорили, что она - прекрасный врач. Потом я узнала, что Танечка перенесла тяжёлую операцию, все восхищались её мужеством. И не знали тогда, насколько действительно несгибаемой окажется эта маленькая хрупкая Танечка (банальное это сочетание определений с абсолютной точностью подходит к ней). Её очаровательная дочка родилась с пороком сердца, но, счастливо выйдя замуж, решила, что любой ценой должна родить. Внучка Танечки, Бэллочка, не помнит мать. Матерью ей стала бабушка Таня. Помню, как страшно мне было звонить Маме, чтобы узнать, как прошла у Зоеньки операция на сердце, как радовалась, что - удачно. Но... Чуда не произошло. Приехав в Одессу в отпуск, я боялась даже встретиться с Танечкой. Не представляла, как такое можно пережить. Пришлось самой узнать, что, оказывается, можно.

В Танечке была какая-то врождённая мудрость. Именно она опреде-

лила то терпеливое мужество, с которым она переживала всё, что на неё обрушивала жизнь. Мы редко виделись, но, когда я через много лет встретилась с ней в Сан-Франциско, я убедилась, что мы действительно близки. Возраст уже не имел такой власти над нашими отношениями.

Брата Эммы и Танечки, Сёму, я плохо помню, а вот с его женой, тоже Таней, мы вели долгие разговоры. Кажется, это к ним приехал в какое-то лето родственник из Москвы, мальчик на пару лет старше меня. Он и стал моей первой любовью, о которой так и не узнал. Меня наповал сразил его настоящий - не сатиновые шаровары! - трикотажный спортивный костюм. Могу засвидетельствовать, что переживания семилетней влюблённой ничем не отличаются от страданий взрослой женщины. Но там, где у взрослой женщины остаются рубцы, у юной со временем замерцает жемчужным светом ниточка, которой так приятно касаться. У Тани и Сёмы Кофман был сын Гарик, как сейчас бы сказали, трудный подросток.

Теперь мне, психологу, понятно, что тётя Таня нуждалась в собеседнике, чтобы излить то, что она не могла по каким-то семейным причинам рассказать сёстрам. О многом она мне рассказывала на маленькой веранде дачи Кригелей, где жила, пока её руки что-то резали, забрасывали в кастрюлю, мыли. Я же сохранила к ней благодарность, потому что она и мои почти детские советы принимала всерьёз. Сама того не зная, она много сделала для того, чтобы я поверила в себя. И не только она.

36. Странная компания

Странная компания собралась бы за моим столом, если б я могла собрать всех тех, кому должна сказать спасибо за умение разбираться в людях, за знание жизни и просто (ох, как не просто!) за право сегодня называться порядочным человеком.

Вряд ли эти люди могли бы оказаться в одной компании.

В ней заняла бы место и мама нашей домработницы, Любы Подмазко. Наша Мама как-то привела в дом двух сестёр, сбежавших их колхоза, пока ещё не получили паспорт. Младшую она устроила работать в роддом, а старшая долго жила у нас, скорее на правах члена семьи. Люба научила меня делать вкусную «бабку». Называлась она «квэч». В чашки сладкого чая мы крошили хлеб, пока он, разбухая, не впитывал в себя всю жидкость. Нужно было угадать количество хлеба так, чтобы, перевернув чашку, получить нечто напоминающее сегодняшние ромовые бабки, но размером с большую чашку. Главное - полюбоваться удавшимся произведением. Я обожала этот сладкий «квэч». Попробуй, объяснить это моим младшим внукам! Да и дети не поймут.

Меня отпускали с Любой в Беляевку, где жила её большая семья.

Трудно объяснить внукам, что значит паровозик-кукушка, на котором я отправлялась с ней в почти кругосветное путешествие. Чёрные от копоти приезжали мы в хату с глиняным полом, пахнущую травами и парным молоком. В семье было много дочерей, а родившийся в конце концов сын был недоразвитым и слабым. Но с какой же мудрой терпимостью и полным любви терпением относилась к нему Любина мать!

Оглядываясь назад, я понимаю, что не могу похвастать такой же мудростью...

Совершенно особое место за таким столом принадлежало бы Еве Семёновне Котляр .

Одесса. 51 школа .

Я уверена, что человек живёт столько, сколько о нём помнят. У меня не было ни одного класса, кото-

рому я не рассказала бы о Еве Семёновне Котляр.

По всему миру разлетелись её ученики. Если бы они сумели прочесть эти строки, то её имя эхом пронеслось бы почти по всему нашему не такому уж большому, как выяснилось, шару.

Она погибла больше сорока лет назад. Я уже жила в Новосибирске. Моему третьему ребёнку было 6 месяцев, когда по телефону я услышала, что Евы больше нет.

Совсем недавно я вспоминала по другому поводу со своим сыном тот период и сказала, что он единственный из моих детей, которого я не кормила до года: улетела на похороны Евы Семёновны.

Только в Одессе я узнала, что Ева разбилась на самолёте, который из Куйбышева отправляли на ремонт, предварительно загрузив под завязку пассажирами. В живых не остался ни один человек.

Я зашла в такую знакомую квартиру. Постояла перед полуоткрытой дверью. Сколько раз я звонила и ждала, улыбаясь, потому что знала, что сейчас дверь откроется, засияет улыбка и красивый - совсем НЕ учительский голос произнесёт: «Солнышко!»

Я переступила порог. Там за ещё одной дверью сидели совершенно потерянная прилетевшая из того же Куйбышева дочь и обожавший до трепетного восхищения свою жену Йосиф Давыдович Тетельбойм.

Йосиф был превосходным учителем физики, и в это момент он рассчитывал (какой Данте мог бы описать этот круг ада!) траекторию полёта и время падения самолёта.

- Я высчитал, - облегчённо выдохнул он. - Она не успела испытать боль.

В Одессе был отменён смотр художественной самодеятельности. В 1971 году пойти на такой-то шаг ради рядового учителя, к тому же еврейки?! Я до сих пор не знаю, по чьей инициативе был совершён этот ненормальный именно в силу своей нормальности шаг. Было столько народу, что стоящие позади не слышали, что говорилось. Я вообще отошла, не в силах ни слышать, ни видеть.

Из того дня помню, как меня поразило, что прилетел ученик из Владивостока.

Я стояла поодаль и думала, какую роль играет в нашей жизни Судьба. Евин муж пролетал всю войну штурманом, а Ева ...боялась самолётов до ужаса. Перед моей свадьбой она всё-таки решилась сесть в вертолёт (возможно, я путаю, и то был «кукурузник»), и мы полетели в Кишинёв покупать мне(!) материал на платье. Она сидела бледная от страха. А я потом, глупая, со смехом рассказывала её мужу об этом. Больше Ева Семёновна не летала, пока не выросла её единственная дочь и не получила назначение в Куйбышев. Дочь она увидела. В последний раз. Домой привезли ту самую урну.

Своим ученикам я рассказывала о Еве Семёновне Котляр, когда речь заходила о смелости и порядочности.

В 1959 году я окончила 57 школу. Но фамилия «Прейгер» для университета - почти волчий билет, если ничем другим, кроме преподавания литературы, ты заниматься не хочешь. Так я оказалась в 51 школе старшей пионервожатой. Там и познакомилась с Евой Семёновной. Она была старше меня на 25 лет. Как мы стали друзьями - ума не приложу.

Увы, я никогда не видела её в классе. Ни когда работала с ней в одной школе, ни позже, ни когда уже сама стала учителем.

- Кого угодно, а тебя не пущу.

У меня нет ответа на вопрос «Почему?»

Есть только щемящее чувство упущенного.

Однажды в школе появилась навая личность - завуч. Красивое, но недоброе лицо, на котором во время разговора наклеивалась улыбка. Ассиметричная фигура вызывала невольное сочувствие. У меня нет желания говорить о ней. Но так уж вышло, что именно благодаря этому малосимпатичному человеку я на всю жизнь получила самый важный урок.

Ребята меня очень любили (ещё бы не любить фанатку-вожатую, которая через 2 дня после собственной свадьбы ушла с ними в поход: были весенние каникулы).

Вот этого одновременно уважительного и влюблённого отношения к 19-летней девчонке наша завуч выдержать, как видно, не смогла. Но я оставалась в неведении.

Шёл какой-то очередной педсовет. Почему-то его назначили в зале. Ева Семёновна, как всегда, села в последний ряд, я, как всегда, рядом. На сцене в президиуме секретарь райкома партии.

Я о чём-то шептала и не слушала выступление завуча. Вдруг знакомая-МОЯ!- фамилия зацепила моё внимание. В это трудно поверить, но я до сих пор не знаю, в чём меня обвиняла завуч школы. Вероятно, пропустила.

Я вопросительно посмотрела на Еву Семёновну и увидела, что она побледнела, молча поднялась и через весь зал пошла к сцене.

Она не просила слова, просто подошла, встала перед залом, спиной к президиуму и негромко сказала:

- Я не знаю, что могла натворить сопливая девчонка, чтобы нужно было отрывать время у секретаря райкома партии и устраивать над ней судилище. Вам не стыдно?

И пошла на место. В зале стояла гробовая тишина. Её прервала секретарь райкома (потом я уже узна-

ла, что Татьяна Овчаренко выросла в детдоме и слыла порядочным человеком) и сказала, что она просто объезжает школы, и её ждут дела.

Шёл 1962 год. Трудно представить, как бы всё обернулось, если бы не это «Вам не стыдно?», сказанное человеком, который, по-моему, вообще впервые преодолел отвращение к публичным выступлениям.

И так ли я поступила бы через много лет в Новосибирске...

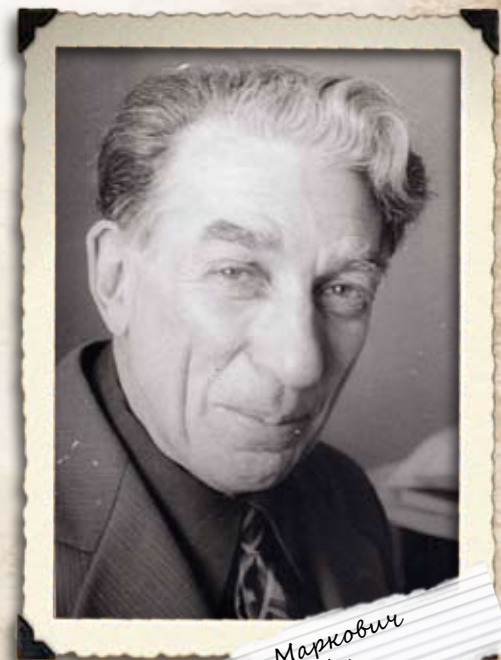
Новосибирск. 160 школа. Израиль Маркович Зильберштейн. Что было в этом человеке такого, что привлекало к нему учеников, которые его побаивались?

Многие вспоминают характерный жест полусогнутого указательного пальца директора и учителя истории 160 школы... Я не помню, чтобы он повышал голос. Я посещала его уроки и не проникла в магию неспешно, без эффектов текущей речи. Вникал Израиль Маркович во все мелочи, без его разрешения нельзя было гвоздь вбить. Но, увидев, какой мы с учениками сделали кабинет, он разрешил и занятия студии по воскресеньям, и сооружение сцены, и декорации, и переполненный зал на спектаклях.

Первый раз я заполняю аттестаты зрелости. Спросила у завуча, нужно ли в скобках словами обозначить оценку, получила утвердительный ответ. Но как именно написать, не уточнила.

Когда директор увидел, что я натворила в 36 аттестатах (а я так старалась, так выписывала каждую букву!), он побледнел и обеими руками обхватил голову. Молча.

Мне хотелось умереть. Подвести директора, человека, которого я

Израиль Маркович
Зильберштейн

безмерно уважала, под выговор - мне и сегодня трудно дышится при этом воспоминании. Директор 160 школы, Зильберштейн Израиль Маркович, выговор получил. Класный руководитель, Долгова Зинаида Яковлевна - нет.

Муж мне потом говорил, что боялся за меня, в таком я была состоянии.

Директор выгораживал меня не раз, но не всегда я об этом знала.

Приглашают в кабинет.

- Зинаида Яковлевна, что вы говорили ученикам о Солженицыне (это были ТЕ годы)?

- Что он талантливый человек, но я его не люблю (это было и остаётся правдой). Что есть, Израиль Маркович, то есть, - талантлив.

Глаза смеются:

- Ладно, идите.

О том, что я принесла в класс Библию и прочитала о чуде в городе Капернауме, чтобы ученики поняли, почему Достоевский поселил Сонечку у Капернаумова, Израиль Маркович не узнал. Наверное, мои ученики не рассказали об этом дома. И о том, что читали в моей небольшой квартире вечно толкущиеся там настоящие и бывшие, тоже.

Стыдно сказать, но я получила Отличника просвещения раньше Израйля Марковича.

В 1979 году умер мой Отец, и я вынуждена была переехать к Маме. Мы вернулись через полгода. Почему я не вернулась в 160-ю?

Это знают ещё работающие там литераторы.

Бог с ними.

Я работала в 54 школе, когда умер Израиль Маркович Зильберштейн. Стояла на траурном митинге в 160-й и слушала, как человек, не ценивший его (да и неспособный оценить), говорил красивые слова.

Это было весной. А осенью меня пригласили выступить перед директорами, завучами и парторганами в Доме политпросвещения.

Я не очень понимала цель, скорее нужен был человек из народа. Началась конференция, в президиуме партийные деятели города, докладчики и... я.

О том, что умер человек, столько лет возглавлявший одну из лучших школ города, ни слова.

Дошла очередь до меня.

- Мне оказана честь выступить на этом собрании, - начала я, и в президиуме с одобрением на меня посмотрели, - но этой чести я обязана директору 160 школы Израилю Марковичу Зильберштейну, и прошу почтить его память вставанием.

И встали!

Есть несколько дел и поступков, которые я вспоминаю с удовольствием, но этим поступком - горжусь.

Но вернусь в Одессу.

Наискосок от Евы, в небольшой коммунальной квартире жил Исидор Моисеевич Гольденберг. Когда он входил в класс, девчонки уже готовы были слушать его: мужчина, да ещё интересный в школе - большая редкость. Но его уроки действительно стоили того, чтобы я, уже в декретном отпуске, с трудом втискивая свою будущую дочь в школьную парту, записывала за ним каждое слово. У меня и сегодня лежат записи с уроков по Анне Карениной. Блестящий был учитель. Хотя почему - «был»? Он и здесь, в Израиле учит, но уже -Торе. И я сожалею, что в маленьком Израиле мне не так просто добираться

до Иерусалима. Было бы очень интересно из его уст услышать, как толкуют тот или иной стих Торы мидраши известных мудрецов. Даже при советской системе Исидор Моисеевич умудрялся учить самостоятельному исследованию текста.

37. Можно ли дважды вступить в одну реку?

До чего же жизнь ловко тасует свою колоду! Через 50 лет два выпускника 57-й школы, которые в разное время ходили по одним и тем же коридорам, учились у одних и тех же учителей, разбросанные по разным странам, встретились в странно сложившемся пасьянсе, чтобы на свет появилась книга Михаила Обуховского «Джазовые вариации на тему Одессы». Жива ли наша Бронечка - учительница литературы Бронислава Юльевна Боренгам? Вот кто бы порадовался за своих любимых учеников разных поколений!

В нашей 57-й мне привелось поработать. Ещё служили там некоторые из моих учителей, которых сегодня, увы, уже нет в живых. В первый приезд на родину я зашла в свою школу. Деревянные коридоры были так же натёрты мастикой, но во многих местах лежали заплатки. На второй этаж вела широкая лестница, расходявшаяся там, наверху, в разные стороны. Я вспомнила, как учитель математики Александр Ефимович Омелианович, благообразный, подтянутый, с острой бородкой, похожий на белогвардейского офицера, брал меня под руку и,

Последний мужской выпуск.
В сентябре 1954г. в эту школу
придут девчонки

прохаживаясь по коридору, говорил... о пользе чеснока. Я часто болела ангинами и пропускала занятия. Говорят, что горло болит у тех, кто много врёт. Я обожала выдумывать разные истории, якобы случившиеся в моих путешествиях с Оськой. Вокруг меня на переменах собиралась группа, ожидая продолжения. Я и не знала, что фактически создавала на ходу сценарий сериалов. Правда, это было в 3-4 классе.

А в пятом, да и в шестом, я, как могла, скрывала от Мамаи бесконечные записи в дневнике: «Дралась на перемене», «Болтала на уроке», «Мешала учительнице химии». (Последняя запись появлялась особенно часто. Наверное, поэтому мне, счастливо избежавшей в своей педагогической деятельности проблем с дисциплиной, долгие годы перед началом учебного года снилось, что я должна дать урок... химии: предмета я не знаю, и в классе творится что-то невообразимое). Иногда классный руководитель звонил Мамае на работу. Родильный дом N1, в котором она работала, располагался наискосок от школы. В белом халате Мамаи проплывала по коридору, чтобы ещё раз выслушать, как её «почти отличница-дочь!» мешала в очередной раз химичке. Правда, по этому поводу жаловались не только на меня. Просто Мамаи работала слишком близко. Понятия не имею, за что мы издевались над бедной женщиной. На общей фотографии Екатерина Васильевна Буше выглядит строгой, но с нашим классом явно не справлялась. И попросить прощения уже не у кого...

Недавно не стало и учительницы физики Валентины Алексеевны Бокаревой. Она прекрасно помнила Мишу Обуховского, но совсем не пом-

Автор и редактор в Лионе.

нила меня. Значит, у неё мы сидели тихо. Впрочем, помнить меня она и не могла. Конечно, я учила, я и сейчас помню многие законы. И экзамен сдала прекрасно. Но и тогда и сейчас слово «физика» вызывает у меня комплекс неполноценности. Ну, не могла я себе представить, как эти самые электромагнитные волны помогают записать мой голос на магнитофонную ленту. Что уж говорить о беспроводной связи! Но повода вызывать в школу маму я ей не давала.

Где сейчас великолепное здание 1 роддома, в котором родился мой племянник и где я родила двух из своих четырёх детей? Его долго взрывали - строили ведь не в хрущёвские времена. Место освобождали для сооружения обкома партии. Хорошо, что сохранилось Павловское здание. Там в подвале жила моя соученица Эльвира Сосик. Она училась в балетной школе. Однажды, случайно бросив взгляд в этот подвал, выходящий на улицу, моя Сестра с ужасом увидела стоящее за окном блюдо из того самого синего в цветочек харбинского сервиза. Из него спокойно пила молоко кошка. Я принесла это блюдо к ним в дом, чтобы Эльвирина мама на спиритическом сеансе узнала, какой билет мы вытянем на экзаме-не по географии. И, наверное, забыла. Не помню, как звали учительницу географии, хотя любила её, молодую, вечно в последнюю минуту, запыхавшись, влетающую в класс. Однажды она влетела и, пока здоровалась с нами, мы увидели, что она в кофточке, надетой на чёрную комбинацию, без юбки...

...В шестом классе я перестала хулиганить. Наверное, захотелось понравиться Олегу Родоничу. Все девчонки в классе были влюблены в это-

го красавца-прогульщика. С Олегом связана слава, которая несколько дней стелилась за мной, как шлейф. Олег в очередной раз загулял. Ему грозило исключение из школы. Юные пионерки, поголовно влюблённые в него, ринулись спасать. Прибежали к нему домой. Оказалось, что он живёт у тётки, адреса которой никто не знал. Я привела подружек-соперниц прямо в квартиру. Не знаю, как и что меня вело тогда и много раз потом в подобных обстоятельствах. В тот же год (или чуть позже?) меня впервые снимало телевидение как лучшую пионервожатую октябрят. Помню только, что меня попросили выйти на улицу, а навстречу должны были бежать якобы обрадовавшиеся мне малыши. И тогда же я дала свой первый урок по... украинскому языку. Спасибо Сарре Самойловне Фрадкиной - нашей «украинке»! Вот кто умел учить так, что я могу и сегодня процитировать стихи украинских поэтов. Несколько лет назад в израильской русскоязычной газете «Вести» кто-то из журналистов вспоминал Сарру Самойловну именно в связи с этим. Выглядела она, как графиня. Что она во мне разглядела, не знаю, но разрешила прийти в её 4-ый и дать урок.

Пару лет назад я совершенно случайно узнала телефон Ивана Ивановича Сербинова, учителя геометрии, черчения и руководителя школьного хора. Чертежи я или переснимала через стекло, подсвечивая снизу лампой (думаю, многие мои ровесники помнят этот способ), или мне делал их кто-то в обмен на сочинение. Я предпочитала второй способ, потому что рейсфедер так же, как перо N 86, часто оставлял кляксы, когда казалось уже, что чертёж удался. Геометрию же я прекрасно помню и сегодня, потому что мне очень нравился учитель. Он был первым, кому я показала свои стихи. Мы ещё успели поработать с Иваном Ивановичем в одной школе. За пару месяцев до его смерти поговорили по телефону. Это единственный учитель, которому я успела сказать спасибо.

Успела я поработать и с Михаилом Карловичем Гальпериным, моим бывшим учителем физкультуры, а позже организатором знаменитой на всю Одессу школы Олимпийского резерва, и учителем истории Борисом Семёновичем Темисом. (И опять не могу не поразиться удивительной изобретательности жизни: оба они были родственниками папиных друзей Кригелей-Кофман.

А Борис Семёнович - мужем той самой Танечки Кофман, с которой у меня была какая-то необъяснимая внутренняя связь.)

Какие колоритные фигуры ходили в те годы коридорами нашей 57! Похожий на Ивана Сусанина Александр Павлович Булатов, наш географ; Перфильев, слепой учитель истории. Повернувшись к нам лицом, обожжённым в танке, он указкой попал точно в нужное место, чем приводил нас почти в священный ужас. А когда по коридору проходил директор Иван Трофимович Борисенко, ученики невольно прижимались к стене. Я не помню, чтобы он хоть раз повысил голос, чтобы кто-то остановил замечанием. Небольшого роста, плотный, в неизменном, тщательно выглаженном коричневом костюме, он спокойно проходил, одним своим видом внушая уважение. Потом мне рассказали, что кто-то «наверху» его не любил и нашёл способ уволить. Иван Трофимович влюбился в молодую учительницу. Советский директор, член партии, не может уйти из семьи - значит, пусть уходит из школы. И он ушёл. Какой-то деревенской школе сказочно повезло: приехал новый директор с молодой женой-учительницей.

Среди школьных фотографий я нашла «почётную» - лучшие ученики класса возле бюста Орликова, чьё имя носила наша школа. (Правда, Орликов был на самом деле Орлик, но об этом его мама, маленькая старушка - как нам тогда казалось, никогда не говорила. Об этом я прочитала недавно в Интернете.) Где Эмиль Вуль, золотой медалист, за которого я писала сочинения? Он потом был замешан в самолётном деле, не в том, известном, - в другом. Я пыталась найти его, но безуспешно.

Исанна Кривицкая-Гольдштейн в Америке, Ада Шек-Павленко в Израиле, в Цфате. Она жила на Чижикова в комнате, похожей на пенал, и была знаменита тем, что играла на виолончели. По-моему, она и инструмент были одного роста. Мы встретились с ней, как будто не было этих пятидесяти с лишним лет, когда мы вместе зубрили устав ВЛКСМ. Тогда я в последний раз соврала (хотя ангины мучили ещё довольно долго): мне очень хотелось попасть в «весенний призыв», и я состарила себя на один месяц. Материал, который мы должны были заучить (кроме устава), никакой логике не поддаётся.

Но какой же искренней комсомолкой я была! Мои ученики, приходящие в школу с разноцветными ногтями, в шортиках или юбочках, равных по длине этим коротким шортикам, и представить себе не могут, что спокойно вззирающая на это их учительница в 57-м или 58-м году, дежуря по поручению комитета комсомола у входа, не пропускала на школьный вечер старшеклассниц в капроновых чулках. Но так это было. Правда и то, что излечилась я от всего этого довольно легко.

В 65-м году на дне рождения моей университетской сокурсницы я встретила с её двоюродным братом, Серёжей Манном, увы, как и многие мои друзья, уже ушедшим от нас. Он был выпускником той же 57-й, только старше меня года на два. Мы стояли на балконе над «Детским миром» и говорили, говорили. Уже под утро, глядя на меня с нескрываемым удивлением, Серёжка сказал: «А знаешь, как я тебя ненавижу в школе! Ты же была такая правомерная комсомолка... А оказывается...»

Была, Серёжа, была. Именно поэтому я всегда старалась внушить ученикам, чтобы они не верили на слово, чтобы думали. Потому спектакль студии «Обыкновенный фашизм», сыгранный 22 апреля (для тех, кто, слава богу, не знает, - день рождения Ленина), заканчивался Бродским - «Поставим памятник лжи». Поэтому не закрывалась у меня входная дверь, когда выселили Сахарова в Горький.

38. Со школьной лестницы в сегодня

А. А. Аренберг

Это Серёжа, с той ночи ставший мне близким другом, привёл меня к Аренбергу. И я увидела почти слепого человека, но... с теми же смеющимися глазами, о которых писал Паустовский. Тогда Александр Анисимович жил уже не в Театральной переулке, а на Пролетарском бульваре, в узкой комнате, большую часть которой занимал шкаф с томами Брокгауза и Эфрона. Когда к нему, почти девяностолетнему старику, придут с обыском, эти тома будут листаться с таким вниманием, которого ни один читатель, наверное, не проявлял. На столе они найдут листок, на котором огромными буквами - чтобы увидеть! - Аренберг написал мой адрес. Так я и познакомилась с коридорами и одним из кабинетов СЕРОГО ДОМА. А «виновником» был... Паустовский, с которым они были друзьями. И сыновья их были друзьями. Сын Паустовского и написал большой портрет сына Александра Анисимовича. Это единственное, что осталось у отцов: сыновья с войны не вернулись. Как ни любил Аренберг своего друга, но портрет отдать не согласился. Кто-то был задержан за письмо Паустовского в защиту автора книги «Не хлебом единым». Ниточка привела к старейшему журналисту. Именно из-за этого письма приходили «почитатели» Брокгауза и Эфрона к Аренбергу, а потом ко всем, чьи адреса нашли у старого репортёра.

Я же могу добавить, что одним из самых светлых дней значится в моей душе тот, когда судьба разрешила мне пожать руку Паустов-

скому. Как это, оказывается, много - просто пожать руку порядочному человеку!

Но тот разговор с Серёжей на балконе, и учительская работа, которая приносила мне всегда только радость, и вся взрослая счастливая, несмотря на многие потери, жизнь, - обо всём этом я, дежурия когда-то у школьной широкой лестницы, не знала. Это будет потом...

Может, потому и ощущаю я себя счастливой, что всё, о чём захотелось написать, сохранилось на дне моей души, как когда-то сундук прятал на своём застеленном старыми газетами дне мою детскую шубку, оберегаемую тёплыми вещами Родителей и Сестры.

Может, это и есть то «счастье внутри нас», о котором писал Лев Толстой?

А, может, я просто обязана быть счастливой, как была обязана выжить, чтобы души моих погибших родственников светлели и согревались при мысли, что нить в клубочке не прервалась и ей ещё прокладывать и прокладывать дороги и тропинки, как я прокладывала их от ворот дома 75 по улице Свердлова - Канатной, открывая для себя мой город.

39. И снова мой дом, мой Город

В моём калейдоскопе опять меняется изображение родного дома. Так уж устроена эта игрушка: даже если повернёшь в обратную сторону, желая ещё раз поймать ту же картинку, ты увидишь те же стёклышки, те же цвета, но рисунок будет другим. Из пятидесятих годов появились дворник или дворничиха в белом грубого льна фартуке с бляхой (личный номер? номер дома? Отсюда уже не увидеть). В 12 ночи они запирали большие железные ворота. Не успевшие до закрытия жильцы (чаще всего - молодёжь) стучали в ворота, приготовив мзду для сонного дворника. В подьезде висела большая грифельная доска с фамилиями жильцов и номерами квартир. Наверное, для тех, кто входил ночью (без денег), чтобы увести кого-то с собой, - так они легко находили нужную квартиру. Впрочем, им и не приходилось в темноте

читать: понятными были те же дворник и дворничиха. А скорее всего не только понятными.

Потом ворота перестали закрываться на ночь.

Через пару десятков лет кто-то закрыл их согласно старому обычаю - от горя, когда со двора (наша небольшая квартира не могла вместить пришедших проститься) выносили гроб с Папой.

Я прошла подъезд и вошла во двор.

Слева на втором этаже жила Нюся, которая познакомила мою Сестру с её будущим мужем.

Нарядные, дорогие заплатки квартир, облагороженных европейским ремонтом, на серой обшарпанной стене, смотревшей на меня сквозь подслеповатые стёкла в старых деревянных оправах, выглядели, как слишком богато и нарядно одетые дамы в толпе нищенок.

Там, где жила прачка тётя Наташа, склад какой-то фирмы.

А на месте сараев, где хранились сначала дрова и уголь, а потом старые вещи, - кукольный розовый домик, пристроенный к бывшей дворницкой.

В первом дворе, кроме ярких заплат, не изменилось ничего: тот же типичный для одесских дворов длинный деревянный балкон, похожий на незастеклённую веранду. Справа от него на первом этаже жили братья, с которыми предпочитали не связываться. Их мама работала проводницей на поезде, а парни были предоставлены себе, а вернее, - улице. Это они украли и продали кому-то нашего Норда. Моя Сестра всегда говорила, что Норд не собака, а заколдованный человек - такой он

умный. Она рыдала, я тихо горевала. Через какое-то время Осик случайно встретил на улице Норда с новым хозяином и отправился за ними, как настоящий сыщик, до самой квартиры. Папа пришёл в эту квартиру в тот же вечер. Заподозрив что-то, новый хозяин предусмотрительно запер Норда на балконе. Но разве могла дверь выдержать рвущегося навстречу Папе счастливого пса?!

Подъезд был закрыт, как и в первый приезд. Но мне и не хотелось подняться по лестнице. Пусть живут на ней шаги моего Папы, пусть за дверью моего детства останутся голоса Бабушки и Мамы. И даже мой голос, который вводил в заблуждение Лориных ухажёров, пусть останется за нашей дверью. И даже гипсовый Гоголь пусть стоит на этажерке.

Я вышла из подъезда. Слева и справа от ворот ещё лет 60 назад появились двери, открывающиеся на улицу. В них расположились фотография и парикмахерская. Фотограф с семьёй точно жил там же. А в парикмахерской меня очень коротко остригли, когда я переболела не то корью, не то скарлатиной.

Сегодня на доме красуется вывеска «АДВОКАТ». В этот - третий уже - приезд в Одессу я остановилась на Торговой.

Совсем недалеко от дома Пети Вайслейба. Всем известно, в каком возрасте воевал Гайдар. Никому - о том, что отец моего друга, Виктор Петрович Вайслейб взял в руки оружие в таком же, если не раньше. Я мало знаю людей, которые, как Виктор Петрович, умели всё сказать... молча - глазами. Через дом начинался Приморский бульвар. Я мед-

ленно шла через весь город к родному дому. Но не по прямой, а кругами, как петляет наша память, то устремляясь вперёд, то возвращаясь в почти забытое. А калейдоскоп менял свои картинки, вплетал нити в картину с грустным и светлым названием «Прошлое». Вот фонари, увековеченные Олешей.

Москва, Лаврушинский переулок, 17, квартира 73.

Разве знала я, двенадцатилетняя, совершавшая свои нелегальные вылазки в Город (!), что через шестнадцать лет буду стоять, сдерживая дыхание, перед дверью Олеси в Лаврушинском переулке, что подружусь с Ольгой Густавовной, что на её маленькой кухне буду сидеть рядом со всеми сёстрами Суок и - совсем уже фантастика! - с Виктором Борисовичем Шкловским?!

Я терпеть не могу виски, но в тот день, если б вместо «Белой лошади» мне налили сивуху, я бы даже не заметила. Куда больше пьянила удивительная - то взлетающая по спирали, то возвращающаяся речь Шкловского. Я несколько раз слушала Шкловского в Доме Литераторов. Не потерять его мысль было так же тяжело, как пытаться поймать понравившийся золотой листок, который с десятками других кружит и относит ветер. Это самое увлекательное интеллектуальное и эстетическое действие, в котором мне посчастливилось быть незаметным стажёром.

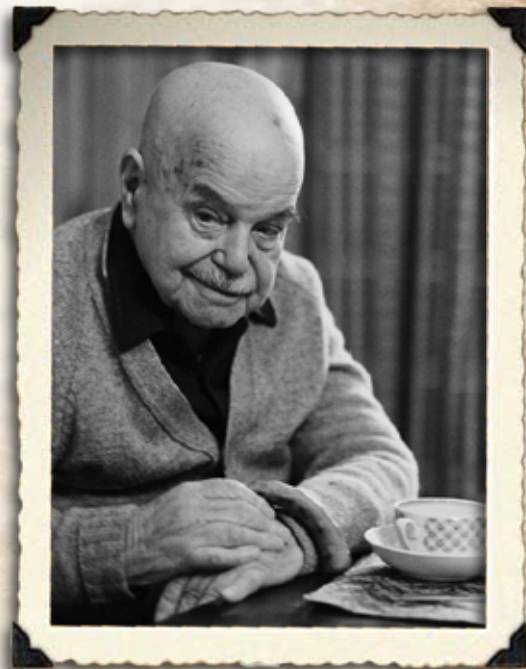
На кухне у Ольги Густавовны он был другим. Обаятельный мужичок-боровичок со лбом философа наливал мне виски, а я, сидя слишком близко за маленьким столом, до неприличия пристально смотрела на

него, чтобы ничего не пропустить, чтобы понять, как в какой момент из ничего возникает МЫСЛЬ! Тогда готовилась к печати « ТЕТИВА О НЕСХОДСТВЕ СХОДНОГО» (среди многих моих потерь и эта книга с такой дарственной надписью, что цитировать, не имея оригинала для представления, просто невозможно). Там, на кухне, он рассказал мне (все остальные уже знали её) историю потери рукописи этой книги и неожиданно счастливого ее завершения.

Закончив книгу, Виктор Борисович сдал рукопись в издательство.

Когда все сроки вышли, Шкловский поинтересовался её судьбой. Словом, через довольно продолжительное время ему признались, что рукопись утеряна. О том, как он пережил это, вставляла реплики Серафима Густавовна (боюсь быть неточной, но, кажется, она сказала, что у Виктора Борисовича случился инфаркт). Прошло 3 года. Шкловский так и не приступил к восстановлению книги. Зайдя по делу в ту же редакцию и ожидая кого-то, он от нечего делать скользил взглядом по фигуре сидящей к нему спиной секретарши. Как видно, его привлекла та часть тела, на которой сидела эта юная особа. (Все допущенные мною вольности - пересказ куда более острого рассказа Шкловского.) Задержавшись взглядом на симпатичной округлости, Шкловский вздрогнул, увидев что-то «мучительно-близкое, почти родное».

- Девушка! Вы давно сидите на этой папке?
- Как пришла в редакцию, так и подложила.
- И сколько вы здесь работаете?
- Больше трёх лет (сказано это было с нескрываемой гордостью)

Шкловский делает паузу, и, хохоча глазами - просто СЛЫШИШЬ этот смех! - добавляет: «Эта маленькая б...сидела своей задницей на моей рукописи (!) три года» !!!

Шкловский в известной книге говорил, что он через одно рукопожатие был знаком со Львом Толстым. Мне хватит этого одного рукопожатия. Он, кстати, был очень галантен, целовал руку, что при всём его облике было ужасно симпатично и вызывало у меня желание улыбнуться.

Пишу эти строки и не могу поверить, что это всё действительно было со мной. Долгие годы я вообще не вспоминала свою жизнь до 90 года. Наш мозг знает, как защитит нас от ненужных в данный момент воспоминаний.

А теперь то ли пришло время для них, то ли наш мудро устроенный мозг выталкивает из пассивной памяти то, что может поддержать, дать новые силы. И я опять оказываюсь на той маленькой кухне. Лидия Густавовна, допив чай, встаёт. Она торопится закончить книгу воспоминаний об Эдуарде Багрицком, как будто предчувствует, что, увидев книгу напечатанной, тихо уйдёт.

С Лидией Густавовной будут переписываться члены Литературной студии, которую я вела. Есть письма, написанные её дрожащим почерком. Она была очень рада, что в Новосибирске ребята, любящие поэзию, решили назвать студию именем её сына. Мне тогда было 25-26 лет.

В холерный 70 год уже прошлого столетия моя Мама будет угощать Ольгу Густавовну на нашей даче. Она приедет с бывшим грузинским князем, у которого снимала дачу (доживи он да наших дней, мог бы вос-

становить свой титул), и подругой - соседкой по Лаврушинскому переулку. У меня рука отказывается назвать имя жены этого известнейшего писателя. Ведь её появление на нашей даче точно абсолютно случайное. Сегодня я жалею, что не обладаю... тицеславием - не знаю, как назвать это отсутствующее качество, но мне и в голову не пришло, что можно сфотографироваться с этими людьми в Лаврушинском или на даче. Осталось несколько очень тёплых писем и «Три толстяка», подписанные Ольгой Густавовной моему старшему сыну, которому тогда было 4 года.

С Ольгой Густавовной мы действительно подружились. Она очень высоко ценила моего мужа и очень тепло относилась ко мне. Зная её требовательность к людям, я даже тайно гордилась этим.

Года четыре назад я послала Леониду Рукману по его просьбе свои сумбурные воспоминания. Тогда я ещё не была лично знакома с этим добрым ангелом Одессы. Потому ли или по другой причине, но он дал их для прочтения некоторым членам Клуба Одесситов. Мне было очень приятно получить отклик от человека, которого я знала в молодости. Люба Казанцева работала тогда в «Комсомольской искре». Бывая в Одессе, я приходила к ней: там собирались интересные молодые люди.

«Зину Долгову с удовольствием виртуальной встречи приветствует Саша Розенбойм (он же Ростислав Александров). Если память мне окончательно не изменяет, то мы встречались с Вами в 60-х годах, во времена «Комсомольской искры». И еще вспоминали мы с Вами того Долгова, о котором написал Юрий Карлович Олеша в книге «Ни дня без

строчки». Пролетели годы и люди, которых мы с Вами не просто знали, но любили, ушли, оставшись в памяти не очень многих. Теперь, читая Ваши письма в Клуб одесситов, я со светлой грустью вновь повстречался с ними. Сколько великолепных часов проведено было в квартирке сестер Суок в Лаврушинском переулке, сколько говорено с Лидией и Ольгой, с каким трепетом я фотографировал там и даже баловался водочкой с милейшей Ольгой Густавовной в память Юрия Карловича Олеши! И визиты четы Шкловских в Лаврушинский помню...»

Приятно было, что есть человек, которому была знакома эта особая атмосфера.

О многом рассказывала мне Ольга Густавовна. Уже не спросишь, о чём можно упоминать, а что было бы ей неприятно. Но о некоторых моментах, которые я вспомнила, проходя мимо фонарей, рассказать точно можно.

Король метафор жил настолько скудно, что иногда у них с Ольгой Густавовной было на завтрак одно яйцо на двоих.

Когда Олеши сообщили, что его приглашают в посольство Польши для встречи с родственниками, Ольга Густавовна сняла полотняную штору и пошила мужу брюки.

Можете себе представить душевное состояние Олеши, когда в 1956 году наконец вышел его сборник!

Он стоял недалеко от кассы и слушал, как все люди в движущейся очереди называют одну и ту же сумму - 8 рублей 85 копеек. Столько стоила Его книга.

Получив деньги (он принёс их в небольшом фибровом чемоданчике), Олешиа сказал жене:

- Купи себе серебряное платье!

- Юрочка, но так это не делается. Нужно купить материал, пошить...

- Тогда, - перебивает жену Олешиа, - давай купим что-нибудь! Давай купим лимон!

У меня и сегодня дрожит что-то внутри от этого «нетерпения сердца» поэта.

Свернув в своём петляющем путешествии с бульвара к Оперному, я вспомнила, как Борис Бобович (который и познакомил меня с Ольгой Густавовной) рассказывал, как они с Олешей стояли на этом

месте и разговаривали. Какой-то старый еврей остановился и внимательно слушал, переводя взгляд с одного на другого. А потом, махнув рукой, сказал: «А, когда мне это неинтересно», - и пошёл дальше.

Многое вспомнилось мне, пока я шла.

Вот тут, отправляясь одна в рискованное путешествие по городу, я останавливалась возле фуникулёра. Однажды я потратила ханукальные деньги, которые мне дал дядя Сёма, чтобы покататься в удивительном вагончике. Холодок под ложечкой помню до сих пор, хотя считалась отчаянно смелой. Много раз мне бывало страшно. Просто я так воспитывала волю. Возможно, это действительно помогло мне в жизни, и уж точно именно тогда я научилась не показывать окружающим, как мне больно и страшно на самом деле. Свернула в Театральный переулок. Здесь, в бывших конюшнях Веры Холодной, был ТЮЗ. Сколько спектаклей я пересмотрела в нём! Поднялась по лесенке в Пале Рояль. В дни моего детства и юности эта лесенка была более узкой. Или казалась такой, потому что была зажата торцами Оперного и стоящего рядом дома.

Дом этот снесли, построив на его месте сооружение, призванное - не иначе по замыслу какого-то олигарха, соперничать со знаменитым театром, гордостью одесситов. Он даже был сначала чуть ли не выше Оперного, но, слава богу, у кого-то хватило ума поднять шум, и верхний этаж убрали. По Ласточкина прошла к Городскому саду. Это здесь, в круглой беседке, сидели в белых морских кителях музыканты. Поэтому «В городском саду играет духовой оркестр» - для одесситов не просто слова из песни. Зашла в Пассаж. Он показался мне тесным и...

Б. В. Бодович, его сын Виталий и я.
Москва, октябрь 1965г.

В этой беседке играл
духовой оркестр

лишённым былой osobости. Нет, не потому, что раньше «деревья были большими», а ангелы и амурчики казались вершиной искусства. Но, заставленный прилавками (наверное, их владельцы арендовали место), он стал напоминать базар. А когда-то мы просто гуляли по его галереям, глядясь в зеркала. Я прекрасно помню, как мы с Имкой стояли там перед зеркалом и любовались своими шёлковыми красными галстуками. В 9-10 лет мне искренне казалось, что нет ничего наряднее формы с белым передником. И действительно, не было. Отправляясь в Оперный театр на балет, поставленный Вронским, я сама наглаживала белый воротничок и передник. В Пассаже дети и взрослые окружали человека, который тут же на наших глазах вырезал из чёрной бумаги чей-то профиль и наклеивал его на белую бумагу. Многие покупали свои изображения, мастерски выполненные с помощью ножниц. Войдя в Пассаж со стороны Дерибасовской, я вышла из него на Преображенскую, прошла почти до Привоза. Сюда я прибегала, зажав в ладошке деньги, чтобы испытать сладкое чувство страха, когда в разбитом на территории базара шапито мотоциклисты накручивали виток за витком, пока не достигали почти отвесной плоскости наверху. В палатку набивалось множество людей, в основном мужчины и мальчики. Трудно даже представить, что могло случиться, если бы это сборное строение не выдержало. И об этом Мама не знала. Билет на представление стоил, по-моему, столько же или чуть больше порции мороженого. Прокладывая только мне известный маршрут, я пришла к дому N7 по Гимназической, обогнула лестницу и по показавшемуся мне ещё более узкому,

чем раньше, переходу, вышла из ворот уже 9 номера, повернула на Малую Арнаутскую, медленно прошла этот квартал до Канатной, вспоминая, как плыла на папиных плечах. Завернула на свою улицу

А потом, стоя напротив нашего дома, у бывшего «беременного» магазина, я смотрела вверх. На балкон тёти Риты, на наши самые крайние слева два окна. С ужасом вспоминала свой переход по карнизу из окна в окно. Мысленно посидела на широком подоконнике, продышав на замёрзшем стекле небольшое круглое окошко – совсем, как в калейдоскопе. И мне показалось, что в тишине я слышу, как в квартире Мучников - под нами - большие напольные часы отбивают даже не годы - десятилетия.

И я откладываю свой калейдоскоп (психологи знают, что, хотя он и успокаивает, ни один человек не может долго смотреть в его волшебный окуляр) и, как написано в моей любимой детской книге: «на этом заканчиваю свои воспоминания, написанные для моих родных и друзей».

Израиль.2012 г.

P.S.

Бывает ли постскриптум в воспоминаниях? Но мне не удалось выстроить картины, мелькающие в моём калейдоскопе, хоть в каком-то относительном порядке, как того требует закон жанра. Одним нарушением больше...

Перечитывая нашумевший, талантливый, но, на мой взгляд, спорный роман Михаила Шишкина «Письмовник», я не глазами – душой зацепилась за строчки из письма героини:

«У тебя пупок узелком, я помню. А у меня колечком. У мамы тоже колечком. Колечко в бесконечной цепочке. И получается, что я за него подвешена в этой цепи людей. Вернее, цепочка эта идёт ведь дальше. И в обе стороны. И за неё всё подвешено».

Не впервые высказанная мысль, и образ не нов: Васильевский сержант Фёдор из «А зори здесь тихие» много лет назад заставил сжаться сердце, оплакивая оборванную цепочку.

Но я закрыла книгу, охваченная тревогой: поймут ли наши внуки, как опасно разрывать цепочку...

